

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Гелій Вишенчук-Вишенька

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Copyright © 2021 Гелий Вишенчук-Вишенька
All rights reserved.

Жанр этой книги – мемуары. События, места действия, персонажи, их характеры и поступки реальны, не придуманы. Исключение составляют немногие случаи с именами, когда по причине несовершенства памяти восстановить их было невозможно.

ISBN 978-0-9759856-9-4

СОДЕРЖАНИЕ

ЮЛИАН ВИШЕНЬКА	1
РАССТРЕЛЬНАЯ ТАЙНА	6
ЗАПОЗДАЛОЕ ВСТУПЛЕНИЕ	15
BASSO PROFONDO	17
КИПЯТОК	21
ПЛЕТКА СТАРОГО ЦЫГАНА	29
БЫЛА НОЧЬ	33
НАЧАЛО МЕЧТЫ	50
РАЗМЫТЫЕ ОБРАЗЫ	61
НЕ ТУДА	78
ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР	92
THANK YOU Mr PORTNOY	104
ПРОСТИ – ПРОЩАЙ	113
ПОЛКОВНИК ТРЕУМОВ И ЕГО ЛЮДИ	129
SANTA MARIA DEL MAR	136

ИТАК, МЫ НАЧИНАЕМ	144
ПОГАННОЙ МЕТЛОЙ	153
ДЕРЕВЯННОЕ СУЩЕСТВО	165
ЗА ОКЕАНОМ	181
НАЗОВИ ЕГО ФИДЕЛЕМ	196
ТОЖЕ ОТЛИЧНОЕ МЕСТО	208
БЕГСТВО	217
КМЗ	223
НИНА	229
СПИСОК ЛИЦ	242
ХАЛВА И ПЕВЕЛ	252
ЛЮДИ ДВОРА	258
ТОЧКА ПЕРЕГИБА	265
ЗДЕСЬ, ГДЕ ЖЕ ЕЩЕ	272
СПАСЕНИЕ В ГРОЗОВУЮ НОЧЬ	279
КТО ТАМ?	284
ЭПИЛОГ	288
АВТОБИОГРАФИЯ ОТЦА	292
МЕМУАРЫ БАБУШКИ ДУСИ	295
ПЛАЧ ПО НИНОКЕ	307
ФОТОАЛЬБОМ	339

Посвящается Ниноке

ЮЛИАН ВИШЕНЬКА

Рассея

Белокурая девочка Нина плясала под бабушкину песенку.
Бабушка пела:

Зелененький дубик, дубик.
Зелененький дубик, дубик...

Девочке было пять лет. Это было в Ташкенте. Нину привезли сюда в трехлетнем возрасте.

А соседка Томка Тихомолова, выходя на общий балкон, пела другую песню для всех, кто слушал:

Шла война, гремела революция,
и незаметно мальчик Миша рос.
Он закончил школу машинистов
и водит лучший в мире паровоз.

Ты лети, лети, моя машина!
О, как много крутится колес!
О, какая чудная картина,
когда по рельсам мчится паровоз!

Гелий Вишенчук-Вишенька

Когда в первом классе Нина по пути в школу в первый раз зашла за Милой Амбарцумовой, мать Милы поинтересовалась:

– Ты откуда, Ниночка?

Нина ответила:

– Из Рассен.

Тут же последовала поправка:

– Ниночка, надо говорить «из России».

Так деревенская девочка впервые получила представление о нормах цивилизованной речи.

В послевоенное время среди детей популярны были песни городского фольклора. Взрослые пели, дети запоминали. Некоторые из этих песен я услышал от Нины впервые, например, такие: «В нашу гавань заходили корабли, большие корабли из океана», «На берегу сидит девица, она шелками платок шьет», «Любила меня мать, уважала, что я ненаглядная дочь».

И еще была баллада о красивой и горькой иностранной любви.

Славный домик, словно бонбоньерка,
в палисаднике цветущих роз...

Суббота, 4 марта 2017

Закончив школу с медалью, Нина некоторое время работала в военном госпитале – сначала «хлеборезкой», а потом медсестрой.

Как-то раз вечером к ней в рабочую комнату зашли два солдата из соседней палаты и попросили хлеба. Известно, как кормили в советских больницах и госпиталях. Нина нарезала им хлеба, а затем они стали просить: «Вы умеете петь? Спойте нам что-нибудь». И упросили ее. На песню

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

стали сходиться солдаты из других палат, заполнилась вся комната, и Нина пела, пока не пришла дежурная медсестра и не велела идти всем спать.

Нина вспомнила и рассказала мне об этом вчера вечером, когда мы с ней сидели на диване и пели все эти песни.

Гипертимезия

Будучи тинейджером, я с началом летних каникул отправлялся из Львова в тогдашний Сталинград и в поезде из любопытства и от нечего делать обследовал разные там железнодорожные механизмы.

Между вагонами был разводной мостик с перилами. Однажды я боком пролез в зазор между перилами и, замороженный скоростью движения, постоял в пустоте над рельсами, а когда перебрался обратно, за моей спиной вдруг резко сомкнулись и пересеклись тонкие железные прутья перил. И вот задержись я хоть на полсекунды... Этот холод в груди хорошо запомнился.

Каждый раз, когда я прохожу мимо заборчика, где Нина, убегая от дождя, упала и сломала себе руку, меня пронзает острая боль сочувствия. Взрыв эмоций такого рода я впервые испытал во Львове, когда мне было лет десять-одиннадцать. Мы с братом возвращались домой от дяди Павлуши, и не помню, почему Игорь погнался за мной. А бежал я очень быстро, он перенапрягся, упал и скорчился от боли. Я пишу это и содрогаюсь от той самой боли.

Такие формы проявления психики имеют научное название – гипертимезия, в моем случае – избирательная гипертимезия. Смысл термина: отдельные моменты, имевшие место в прошлом, переживаются снова и снова с первоначальной остротой.

Да, жуть.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Сундучок с надписью

Фамилия Вишенчук не наша, она придумана в 1915 году в Сибири при регистрации беженцев из Брест-Литовской области для облегчения идентификации носителя. Окончание «чук» характерно для Западной Украины, это было указанием, откуда пришли люди.

Наша настоящая фамилия другая – Вишенька (через мягкий знак), от прадеда Юлиана Вишеньки. До восьмидесятых годов прошлого столетия на деревенском кладбище в Волковичах еще сохранялся надгробный камень с его именем. Мой отец Михаил Иванович тоже родился Вишенькой. Моего деда звали Иван Юлианович Вишенька, а его жена, моя бабушка Екатерина Романовна в девичестве носила фамилию Ковальчук. Кто был до Юлиана Вишеньки, я уже никогда не узнаю.

Судя по сыновьям Ивана и Екатерины, кто-то из родителей был русоволосый и голубоглазый, как дядя Павлуша, а другой – с карими глазами, как мой отец.

Иван так любил свою Катю, что в прямом смысле не мог жить без нее и последовал за ней вскоре после ее смерти. Это случилось в 1918 году. Ему было 57 лет.

У дяди Павлуши (Павла Ивановича Вишенчука) были тонкие черты лица и небесного цвета глаза. Его жена Валентина Михайловна, бывало, говорила: «Вот какой мой Павлуша красивый». Ну, так, видно, Катя и была голубоглазой. Она родила пять сыновей и столько же дочерей. Семья была из самых бедных.

Иван жил «приймаком» у тестя Романа Ковальчука. Моя двоюродная сестра Римма, дочь дяди Семена, рассказывала мне по телефону из Москвы, что хатка, где они жили, была до того крохотной, что непонятно, как они там все с родителями и детьми помещались.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Римма ездила в Волковичи с дядей Павлушей и Игорем не один раз, пока я мотался по свету. А мне самому так и не довелось посетить «отчий дом».

Рассказывают также, что Иван обладал способностью пользоваться. К нему ходили с болезнями люди, и сами, и с детьми. Ну, как в Евангелии.

В Сызрани у моего двоюродного брата Владимира, сына другого моего дяди Акима Вишенчука, сохранился небольшой сундучок с надписью «Иван Вишенька» на внутренней стороне крышки.

Псевдоним

В списках первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года значились Иван Юлианович Вишенька, его жена Екатерина, ее родители Роман и Варвара Ковальчуки, у которых они жили, и их дети, мои дяди и тети, Семен, Алексей, Павел, Прасковья, Анна и Елизавета Вишеньки.

Позже родился Аким, Мария, мой отец Михаил (1904) и Доминика (Домца). Это были единственные Вишеньки в переписи.

Написав это, я подпер кулаком голову, подумал и решил, что псевдоним Гелий Вишенчук-Вишенька будет для этой книги в самый раз.

Congratulations!

И вот еще что. Имя прадеда Юлиан может означать, что он был католиком, что в свою очередь наводит на мысль, что он был поляком, а это наверняка так, потому что моя ДНК указывает на две составляющих: русскую и польскую.

РАССТРЕЛЬНАЯ ТАЙНА

Арест и расстрел

В Пензе у нас был большой желтый пес Аякс. Мы поехали с отцом отдавать Аякса пасечнику. Пробовали мед, терпкий на вкус. Я замороженно смотрел, как мед тяжело переваливается из кувшина в другую посудину. Аякс с пасеки сбежал. На него наткнулся в городе дядя Семен и вернул его нам.

С Пензы начинаются мои первые воспоминания. Но моя матушка Варвара Степановна Пластикова родила меня не в Пензе, а в Кустанае. Вскоре после моего рождения отца перевели на север Казахстана в Петропавловск на должность помощника первого секретаря обкома партии. Там 26 мая 1938 года он был арестован и спустя полгода, 14 октября, тройка при НКВД приговорила его к расстрелу по статьям 58-1 и 58-8 уголовного кодекса. Маме велели осудить мужа, она сказала нет, побежала домой, схватила меня, брата – и на поезд.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Мама отвезла нас в Гусь-Хрустальный к ее младшей сестре Анне, а сама поехала к родителям в Пензу. Мне было три года, Игорю семь.

Суть указанных выше статей: контрреволюционная деятельность, организация террористических актов.

Накuna Matata

Загадочным образом отец остался жив. В сохранившейся автобиографии, написанной им от руки фиолетовыми чернилами, он рассказывает:

В 1938 году враги народа оклеветали меня, по их клеветническим материалам я был из партии исключен и арестован. Находился под арестом год. В мае 1939 года был освобожден. Никаких обвинений мне не предъявляли. В ноябре решением обкома я в рядах партии восстановлен и полностью реабилитирован. По выходе из-под ареста я был в очень плохом состоянии и был вынужден уехать лечиться.

«...не предъявляли». А как же 58-я статья? «...реабилитирован». А расстреляли кого? Автобиография датирована декабрем 1939 года. В другой автобиографии от 1941 года он идет еще дальше: «время ареста в учетной карточке обозначено как работа в обкоме», а также «под судом и следствием не был». Не был! Просто «был в очень плохом состоянии».

По документам КГБ СССР он был реабилитирован «за недоказанность состава преступления» не в ноябре 1939-го, как он пишет, а спустя 15 лет, в августе 1954-го. В КГБ не знали, что в 39-м он выжил. По их документам он был расстрелян.

А по его словам ничего не было, все в порядке. Акуна матата.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Расстрел с освобождением

Сохранилась странноватая справка о том, что с мая 1938 по май 1939 года он содержался под стражей. Содержался под стражей. И что? Что из этого следует? То, что ему выдали эту справку после расстрела?

Трудовая книжка отца открывается декабрем 1939 года, а часть предыдущего трудового стажа записана «со слов» (так и сказано). Он пробовал сочинять разные варианты автобиографии и по-разному заполнял личные листки по учету кадров.

И никакого документа о реабилитации нет. Стало быть, он просто выбрался из расстрельной ямы, скрывался и всех обманывал. Или из-под расстрела сбежал.

О случаях побега есть авторитетные свидетельства. Но факт побега в деле не отражен. Стало быть, его и не было. Нет в деле и никакого освобождения. А расстрел есть. Ни автобиография, ни обязательные тогда «личные листки», заполненные рукой отца, не раскрывают главной тайны: куда подевался расстрел?

И снова эта справка о содержании под стражей. В ней нет ни малейшего намека на реабилитацию. А если справка сохранилась, значит, никому не предъявлялась. В общем, факт освобождения и реабилитации вызывает большие сомнения.

Рор-уп

Я возвращаюсь сюда из будущего с цитатой из статьи Леонида Млечина «Но знает ли об этом Вождь?», опубликованной в «Новой газете» 3 сентября 2017 года:

Оправдание, прекращение дела, освобождение арестованного – брак в работе, за который наказывают. Кому же из следователей и опера-

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

тивных работников хочется быть наказанным? Если совсем не получается доказать уже предъявленное обвинение, подберут новый состав, другую статью уголовного кодекса. Но не выпустят.

Воскресенье, 5 марта 2017

Вчера получил письмо от Болотова. Требуется, чтобы я прекратил смешивать краски, не губил свой талант, а вернулся к «лубку».

Он живет в казачьей столице Краснодаре. Вот его совет: «Рисуй, но не подделки под фото 19 века, а грубые картины новичка, которые по-настоящему талантливы. Но ты это, к сожалению, не понимаешь и твои профессионалы-художники тоже».

Черт возьми, откуда он все знает!

Выписка из архива КГБ (НКВД)

Вишенчук Михаил Иванович: 1905 года рождения

Место рождения: Гродненская губ., Брест-Литовский уезд р-н, Волковичи д.;

белорусы;

образование: начальное;

работал помощником первого секретаря;

место проживания: Северо-Казахстанская обл.,

Петропавловск.

Арест: 26.05.1938 Арест., УНКВД по СКО.

Осужд.: 14.10.1938 тройка при УНКВД. Обв. 58-1, 58-8 УК РСФСР.

Расстрел.

Реабилитация 12.08. 1954 КГБ СССР, основание:

За недоказанностью состава преступления

Источник: Сведения ДКНБ РК по Северо-Казахстанской обл.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Еще раз, главное

Если отец был, как он сам говорит, реабилитирован, то почему это не отражено в деле, где, наоборот, сказано: расстрел? Почему вместо реабилитации ему была выдана справка о нахождении под стражей? Как могла такая справка быть выдана ему после расстрела? Почему в деле не сказано, что он не расстрелян, а выпущен со справкой?

Не знаю, сколько еще вопросов можно тут задать. Ни на один из них у меня нет ответа.

В октябре отца приговорили к расстрелу, но расстреляли не его, а тех, кто на него донес. Так он, вроде бы, объясняет свое содержание под стражей. Стало быть, пока разбирались с настоящими врагами народа, его до мая 1939-го держали в тюрьме, а потом разобрались и отпустили. Где запись о реабилитации, о восстановлении в партии? Я топчусь на месте.

И наконец. Если он был, как записано в деле, расстрелян, то это больше похоже на правду, и тогда вся его жизнь после расстрела – сплошная авантюра.

От дяди Павлуши я узнал, что отца подвергали жестоким пыткам и все бумаги он подписал. Мама ничего не хотела рассказывать. Подозреваю, что она боялась говорить со мной на эту тему, потому что у ее сына могли возникнуть неправильные представления об устройстве жизни. Она упомянула только (в тоне осуждения), что после возвращения отец начал пить. Еще рассказывала, что тогда у него появилась песня:

Ты не вейся, черный ворон,
над моею головой...

Он вернулся ночью, постучал в окно. Худой, грязный, оборванный, напугал. Мама думала, что его уже нет в живых.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Это все, что я от нее узнал.

Жора и рыбачка Айна

Отец умер от «сердечного приступа» в июне 1942 года в возрасте тридцати семи лет. Его могила в Пензе не сохранилась, кладбище снесли.

В том грустном июне мой двоюродный брат Жора (Георгий Семенович Вишенчук) приехал с фронта. На похоронах он держал меня на руках, чтобы я видел через головы. Мне было семь лет и весил я, надеюсь, не очень много.

Жора был человек храбрый (он прошел всю войну командиром батареи 122-мм гаубиц) и загадочный, с заметной харизмой: серо-зеленые глаза, выразительная жестикуляция, завораживающая манера речи. «Жорка! – кричала его жена латышка Айна, – гад такой!». Оба любили друг друга, это было заметно. Разошлись. Жора остался во Львове, а Айна уехала к себе на родину в Латвию.

После Айны у Жоры были еще женщины. Он женился во второй раз и опять развелся. От этого второго брака у него остался сын Павел, живет в Москве. Сын Павла Владимир учится во ВГИКе в мастерской Меньшова. Павла я разыскал, и некоторое время мы переписывались. Потом он спросил, как я сохраняю свою идентичность в Америке. Я ответил, что мало об этом думаю. После этого он замолчал. Впрочем, вряд ли здесь есть связь.

Была одно время крымчанка. Растаяла в воздухе. Был роман с роковой женщиной полячкой Казимировной. Кто-то из них другому не поддавался и капризничал, во Львове ходили разные слухи на этот счет, и какие-то туманные детали обсуждались, бывало, в его присутствии. Он только улыбался.

В начале 80-х Жора умер от рака легких. Его могила нахо-

Гелий Вишенчук-Вишенька

дится на кладбище в Брюховичах, что подо Львовом. На похороны никто из его женщин не пришел, приехала из Латвии и стояла у гроба одна Айна. У Жоры с Айной было две дочери, Светлана и Ольга, одна живет сейчас в Вентспилсе, другая в Херсоне.

Мать Жоры тоже была латышкой, звали ее Августа Давыдовна (в девичестве Берзиньш) – красавица с царственной осанкой, изысканными манерами, гипнотическим взглядом, чарующим голосом. А Айна была рыбачкой с соответствующим лексиконом и образом жизни. Жора и Айна разговаривали на русском, а переругивались между собой на латышском.

В конце 50-х вслед за Жорой во Львов перебралась из Пензы и Августа Давыдовна и привезла с собой кресло-качалку, в котором, бывало, любил сидеть мой отец. Жора рассказывал мне, что он обладал аналитическими способностями Шерлока Холмса. Августа Давыдовна имела обыкновение прятать водку, а отец приходил, сразу садился в это кресло, раскачивался и думал. Подумав, он вставал и шел прямо туда, где был тайник.

Дядя Семен, отец Жоры, был адвокатом. Огромный письменный стол в его кабинете вызывал во мне чувство близкое к обожествлению. Когда мы приходили в гости к дяде Семену, в прихожей нас всегда с восторгом встречала красивая овчарка Жулька.

Простодушная бабушка Дуся

Игорь в «Письмах сыну», так я озаглавил его записки о детстве, вспоминает:

Простодушная бабушка дядю Сеню не любила. Когда я, бывало, утфямился, она приговаривала: «У, дядя Сеня!».

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Бабушка Дуся оставила после себя небольшой литературный труд, исключительно сильный документ давно прошедшей эпохи, написанный прекрасным русским языком. Я обязательно включу его сюда. Прочитанный в конце, он скрасит мою корявую повесть. Стройная, тоненькая, голубоглазая и веселая бабушка умела замечать юмористическую сторону жизни.

Никто в семье так хорошо не понимал мой несносный характер, как она. Узнав о нас с Ниной, она воскликнула:

– Гелька? Женился? Не может быть!

В ее жизни было много горя. В своих записках она боится называть имена умерших детей, пишет так: «...умер мальчик шести лет», «...один мальчик десяти месяцев умер». Но однажды все-таки назвала: «Младший сын Юрий погиб на фронте». И остановилась, не могла писать дальше. От мамы я узнал, как звали шестилетнего мальчика, его звали Сережа. Сохранилась его фотография.

Бабушка тосковала. Это можно было понять по ее песне:

Летят утки, летят утки и два гуся.
Кого люблю, кого люблю, не дождуся.

Лидия Степановна (тетя Лида), мамина сестра, героиня обороны Сталинграда, рассказывала мне:

– Поздним вечером мы тихо беседовали. Бабушка сидела в кресле, слушала, потом закрыла глаза, легонько вздохнула – и отошла.

Я хорошо помню ее доброе, красивое лицо, голубые глаза с искринкой и маленький шрамик на подбородке в виде звездочки, будто прилепленной для украшения. На мой вопрос о звездочке она ответила, что это память о голодном годе.

Бабушка всегда с веселым смехом встречала меня, когда я

Гелий Вишенчук-Вишенька

в начале лета, не предупредив заранее, вдруг приезжал из Львова.

Понедельник, 6 марта 2017

Вчера все собрались на Brock Road (здесь дом сына и невестки). Посреди ужина приехала Юля из Johnson City на каникулы, худенькая, бледная, уставшая и голодная. По дороге застряла в пробке и опоздала к началу. В мае церемония graduation, а в августе нужно перебираться в Мемфис и там в Медицинской школе продолжать образование. Поля с Томом сейчас далеко в Providence, RI. У Поли в августе роды, будет девочка. Ее уже назвали Katerina Anne.

Pop-up

Семейный расклад для непосвященных. Константин Вишенчук – наш сын, Лиля – его жена, Юля – их дочь. Слава – наша дочь, Андрей Варава – ее муж, Полина (по мужу Змиевски) – их дочь. Том и Полина Змиевски – родители нашей будущей правнучки Катерины.

ЗАПОЗДАЛОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

«Остров сокровищ» Стивенсона – любимая книга моего детства. Время от времени я беру ее в руки и перечитываю страницу-две или просто рассматриваю великолепные иллюстрации Брока, вновь переживая волнение, охватившее меня тогда с первой страницы. Из этой книги я узнал, что существуют основополагающие ценности и неотъемлемые права. Свобода. Неприкосновенная тайна личности. Бесстрашие. Мечта. И Удача.

В феврале 1991 года во время сборов в Америку приехал к нам в Одессу попрощаться Игорь. Бледный, пожаловался на боль под ребрами. Собирался праздновать свое 60-летие, а угощать друзей и сотрудников (он заведовал кафедрой электроники в Львовском политехническом институте) нечем. К счастью я сохранил талоны на водку, и он увез полную сумку бутылок. Игорь улыбался, радовался, что решил проблему. Больше мы не виделись.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Есть разные страхи: опоздать, не успеть, потерять. Но есть один такой специфический страх, он не часто бывает – это страх перестать думать, обесчувствовать, остаться в прошлом навсегда.

BASSO PROFONDO

За туманом

Все началось с Пензы. Зимой я взбирался на самый верх крутой улицы, ведущей к реке Мойке (в 1945 году Мойку убрали под землю), ложился на санки и несся вниз. Однажды я врезался в прохожих, не успевших увернуться, расквасил нос и пришел домой весь в крови.

В детском саду у меня был приятель по прозвищу Акула. Его отец был банщиком и давал нам бесхозные входные билеты, изготовленные в виде миниатюрных блокнотиков. Кажется, отсюда берет начало мое пристрастие к бумажным изделиям. А еще была детсадовская девочка Тамара. Ей я дарил все, что у меня было, включая новогодние подарки. Я нарисовал ее портрет и надписал: царица Тамара. Удивляюсь, как мне могла нравиться девочка с таким именем.

Гелий Вишенчук-Вишенька

(На втором этаже нашего дома во Львове на улице Яблоновского (потом эту улицу переименовали в Шота Руставели) жила девочка Тамара. Ее мать обладала зычным мужским басом, настоящим *basso profundo*. Она выходила на общий балкон, охватывавший три стены внутреннего двора, и звала дочь домой: «Тамара!». Не услышать этот страшный зов было невозможно).

Я любил бродить по улицам города один, бывало, допоздна. Однажды ночью меня привели домой чужие люди. Летом я купался в реке Мойке, тоже один, хотя в то время плавать еще не умел. Друзей я не помню, наверное, их не было. Акула не в счет, там была одна только эта баня, больше нечего помнить.

На станции Пенза-4 в служебной квартире жили мои дедушка и бабушка, Степан Степанович и Евдокия Васильевна Пластиковы, и с ними их младший сын Юра. Дедушка работал на железнодорожной станции телеграфистом. Юра заканчивал школу.

Началась война. Юра выучился в летной школе, но не успел вступить в бой, погиб при бомбежке по дороге на фронт.

Он был удивительно красивым юношей, веселым и способным. Я помню у него фехтовальную шпагу и карнавальный костюм обезьяны.

Мама была старшей среди сестер. Уже взрослые Анна и Лидия так и остались для нее малышами, за которыми нужен присмотр, что не всегда ими охотно признавалось.

По тогдашней моде ее брак с отцом не был оформлен документально и она сохранила девичью фамилию Пластикова.

Игорь в «Письмах сыну» вспоминает о пензенском периоде так:

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Я был очень чувствительным. При встрече с отцом, когда он возвращался из командировки, у меня захватывало дыхание, появлялись слезы, я не мог говорить. Гелий был деловитее и упорнее. Бросал камни в забор, они падали ему на голову, он злился и приходил домой в шишках.

С отцом я был дружен. Иногда мы с ним ходили на речку делать зарядку. Летом ходили в лес за 7 км. Несколько раз ходили в лагерь за 35 км. Шли обратно: он, я и Аякс.

Бывало, он приходил домой пьяным. Мы с Гелием его жалели, садились ему на колени, и это как-то смягчало мать. Вообще же она была настроена непримиримо.

Я смутно помню то время, и себя, и брата, и родителей. Кроме описанного выше – ничего.

За туманом ничего не видно.

Осталось только добавить одно размытое и странное воспоминание. Это было накануне нового 1942 года в Вазерках под Пензой, где мама заведовала школой. Я болел, была елка, кто-то держал меня на руках. И вдруг я сижу на стуле за пустым столом, напротив меня отец, он только что вошел, сел за стол, уставший и грустный. Я видел его и не видел, просто знал, что это он, и сочувствовал ему. Это все, что я помню из того времени, когда мы жили в Пензе.

Среда, 8 марта 2017

Вечером приехал после работы Костя, на этот раз с Юлей. Нина испекла кабачки и blueberry cobbler. Пили кубинский кофе bustelo. Шутили, смеялись.

Разговор вертелся вокруг Юлиного университета, ее предстоящего переезда в Мемфис, и между прочим я сказал, что

Гелий Вишенчук-Вишенька

никогда ничему не хотел учиться. Юля выслушала и показала пальцем на себя. Умная девочка.

И не простая. Была еще совсем маленькой, но уже со своим юмором. Притащила мне компас для поисков комара, который больно кусался. А для обнаружения пасхальных яиц в траве взяла с собой увеличительное стекло. Когда предлагали ей игрушки, она сразу выбирала одну и только одну. Ни две, ни три не хотела. И не расставалась с ней до конца. Такой вот у нее характер.

КИПЯТОК

Пенза закончилась

В 1942-м сразу после похорон мама увезла нас в Казахстан в деревню Денисовку на Тоболе. Там жила тетя Аня с детьмилевой и Таней, они были 2-3 годами младше меня. Муж тети Ани Виктор Красавцев погиб в самом начале войны. Две вдовы с четырьмя детьми стали жить вместе.

Детский инстинкт не позволяет предаваться печали, и в самых жутких условиях ребенок находит возможность радоваться жизни. В целом Денисовка была местом, где хотелось остаться навсегда. Но были моменты, о которых невозможно вспоминать без содрогания и ужаса. Пьяный шофер грузовика наехал на детей. Мальчик увидел мертвую сестренку на дороге и поскакал на одной ножке.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Воскресенье, 12 марта 2017

Ночью выпал снежок, запорошил крыши и лужайки. Зимы в этом году в Чаттануге, можно сказать, не было, и вот на тебе.

Таблица умножения

В Денисовке была предпринята первая попытка усадить меня за школьную парту, что было истолковано мной как грубое посягательство на мои права и свободу. Учиться я отказывался. Сидеть, не двигаясь. Какие-то перья, чернильницы... Напрасны были уговоры. Я никак не мог понять, зачем мне это.

Со второй попытки, через год, когда мне было уже восемь лет, что-то убедило меня пойти в школу, но все равно я не помню, чтобы у меня были учебники или тетради, хотя тогда их не было вообще ни у кого. Учительница была немка и по логике того времени шпионка.

В 44-м вся семья перебралась на станцию Лазорки под Полтавой, а в следующем году мама, Игорь и я были уже во Львове. Оттуда в письме родным, оставшимся в Лазорках, брат писал: «Гельку, наверно, не примут в школу из-за его отметок».

Мне было уже 10 лет. Но как раз тогда впечатление от сказочного города Львова встряхнуло меня так сильно, что я впервые стал осознавать себя как личность.

Мир изменился, расширился, перестал быть моим, я сделался его частью. Таблицу умножения я в конце концов одолел, но не памятью, а какой-то другой непонятной силой. Вдруг все числа сами собой правильно сложились у меня в голове.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Четверг, 6 апреля 2017

Долгие крики

По Чаттануге наискосок с юго-запада прошла грозовая волна с торнадо. Это всегда тут страшновато. Люди прикидывают, в каком уголке дома безопаснее всего спрятаться. К ночи все кончилось.

Первого апреля в городе Тулса (Tulsa, Oklahoma) умер Евгений Евтушенко, один из гигантов советской поэзии. В Америку он свалил почти одновременно со мной. Разница в том, что я уехал, потому что не мог жить при советской власти, а он уехал, потому что не мог жить без советской власти.

Многие его стихи запомнились: «Долгие крики», «Со мною вот что происходит», начало «Идут белые снеги»... Он был настоящим, большим поэтом.

Понедельник, 6 ноября 2017

Couple of Minutes

За время, прошедшее с последней записи, много чего произошло. Юля (за три года) закончила East Tennessee State University, with Honors. В мае все ездили на церемонию graduation. С августа она уже в Медицинской школе в Мемфисе, специальность – фармакология. Уже вошла во вкус и говорит, что ей нравится.

А 3 августа к неописуемой радости всей семьи Поля родила прелестную девочку Катю.

Все это время я был занят подготовкой 5-го издания «Избранного из Библии». Прочитал в сети смешной отзыв Валентины Кузнецовой о моем переводе и решил, что пора отредактировать его заново. Костя уже вывесил новую редакцию на моем сайте. Бумажного варианта не будет. Вряд ли в России найдется охотник потратиться на это дело, а мне не под силу.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Я написал «все это время». Ну, не все. 23 июля Костя отвез меня в Emergency Room по поводу запущенного случая Benign Prostatic Hyperplasia. Через пару дней – heart attack и еще один stent (шунт) в сердце. Пришел в себя от боли в ребрах. Оказалось, что меня вытаскивали «оттуда» дефибриллятором. На вопрос, как долго я был там, услышал ответ: couple of minutes. В наркотическом тумане мелькнуло ленивое сожаление – зачем я там не остался. Впрочем, ничего интересного оттуда я с собой не принес. Но где-то там побывал. Тоннель? Свет в конце? Нет, ничего не видел.

Вторник, 8 ноября 2017

На нас они не смотрели

Зимы в Денисовке были суровые, удивительно снежные. Мы с Игорем залезали на крышу и оттуда бросались в сугроб. Как-то утром открыли входную дверь – и уперлись в белую стену из снега. Нашим жилищем был небольшой дом с плоской крышей, в нем маленькие сени, две комнаты. В первой комнате большая русская печь. Но с дровами была проблема. Вокруг расстилалась степь, качался на ветру ковыль. Топили киззяками – это сухой коровий помет с соломой. Летом мы ходили за коровами и прямо из-под них голыми руками собирали теплые лепешки. Зимой по ночам к дому подходили волки и выли.

Зимой 44-го через Денисовку на санях проехал народ, изгнанный со своей земли. Тогда мы не знали и даже не догадывались, кто были эти люди. На нас они не смотрели, а нам смотреть на них было страшно.

Дамба

Через два дома от нас протекала река Тобол, перегороженная дамбой. В дамбе был проем, откуда вода с ревом пада-

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

ла на другую сторону. Через проем (он был гораздо уже, чем на современной фотографии в сети) была перекинута деревянная лестница. Все лето мы с Игорем проводили на этой дамбе. Там я научился плавать.

Сначала какой-то мальчишка из старших столкнул меня в запруду. Я сразу пошел ко дну. Меня вытащил Игорь и вытряс из моих легких воду. Во второй раз я сам бросился в речку с берега, но обратно не доплыл, стал тонуть. Берег был каменным и обрывистым, как стена. Игорь протянул руку и снова вытащил меня. На третий раз я уже освоил технику плавания.

В своих воспоминаниях Игорь описывает это так:

Гелий прыгал с плотины и сразу кричал: «Тону!» – а я его вытаскивал.

Со стороны водопада водилось много рыбы: в основном пескари и окуни. Рыбная ловля была нашим первейшим занятием. Пицца была скудная. Вечером перед Новым годом на праздничном столе стоял котелок с картошкой и «пампушками» (наподобие украинских галушек). Рыба из реки была хорошим подспорьем.

Как и в Пензе, я любил в одиночку бродить по округе. Однажды ушел в степь далеко за горизонт, но звериным детским чутьем взял правильное направление и вернулся.

Ваш дорогой Лева

О младших детях я не заботился и не обращал на них внимания. С Таней иногда играл во дворе. Однажды что-то стеклянное расколослось в моих руках, и осколок угодил ей в лоб. Небольшой шрам над бровью остался у нее на всю жизнь.

Лева часто болел (ему это нравилось) и у него была своя

Гелий Вишенчук-Вишенька

отдельная кровать, тогда как мы все спали на полу. В кровати он мерз и звал на помощь: «Тётъ Варь, дует». Мама шла и подтыкала ему под бок одеяло. Лева вырос очень хорошим, добрым, наивным и простодушным человеком. Письма он всерьез подписывал так: «Ваш дорогой Лева».

В последние свои годы он попросил меня прислать ему из Америки что-нибудь из военного обмундирования. Я послал ему настоящую натовскую куртку. Его жена Галя потом рассказывала мне по телефону, что он гордился необычным подарком, «носил не снимая».

Что стоишь, качаясь...

На ночь мы устраивались на полу и, бывало, начинали в темноте хором петь «Степь да степь кругом», «По диким степям Забайкалья», «Славное море, священный Байкал» и прочее в том же роде. Ну и, конечно, наши матери-вдовы заводили свою «Гонкую рябину», а мы подтягивали.

Удивительно, до чего тоскливы старинные русские песни. Там обязательно кто-нибудь умирает, замерзает, мыкается, бедствует, казнится. Много лет спустя меня потрясла веселая украинская «Ой, як збиралась там чорна хмара» – подарок Володи Малюка. А Валентин Карпенко научил нас с Игорем петь очаровательную детскую испанскую *De colores*. Эта песня стала нашей любимой застольной.

В Денисовке завершился дикий, доисторический период моего детства, период Одиночки, в дальнейшем сильно повлиявший на мой характер: отсюда идут упрямство, эгоизм, наивность, непонимание простых вещей, трудность в общении, замкнутость, независимость, неприятие чужой воли, неумная жажда свободы.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Среда, 9 ноября 2017

Юрий Эмир-Суинов

В Денисовке у нас была корова. Мы по очереди сбивали сливочное масло. Это трудоемкий процесс – нужно очень долго вертеть мешалкой в посудине со сливками. Корова потом пропала в степи, не пришла. Мы остались без молока.

Тетя Аня взяла к нам на период выздоровления раненого лейтенанта Юрия (Юнуса) Эмир-Суинова (тогда такая инициатива вознаграждалась правительством). Он был хорошо образованным человеком с умом и юмором. Высокий рост и роскошные монголоидные черты лица. Тетя Аня вышла за него потом замуж. Нет, не вышла, но какое-то время они жили вместе.

Вскоре мы все уехали из Денисовки навсегда.

Суббота, 11 ноября 2017

Вчера приехал Костя, вместе поужинали. Был наш домашний супешник, свежий творожок (Нина приготовила его как раз накануне из 2% молока), свежий домашний хлеб с маслом (хлеб я испек тоже сам) и чай. После ужина Костя отправился домой, а потом улетел в South Bend, Indiana, на занятия. Это его последняя поездка туда, а заканчивает он свой курс онкологии в августе следующего года.

Мы оставляем Денисовку

В 1944 году дедушка Степан Степанович вышел на пенсию, лишился казенной квартиры и оказался бомжом. Евгений Григорьевич Агафонов, мамин друг по комсомольской юности, а к тому времени заведующий транспортным отделом ЦК компартии, предоставил в наше распоряжение товарный вагон. В Денисовке мы совсем изголодались, и было решено ехать в Украину – там, по слухам, можно было

Гелий Вишенчук-Вишенька

выжить. В вагон мы влезли в Кустанае, а до Кустаная добрались на волах, в телеге.

В Пензе мы подобрали дедушку Степана и бабушку Дусю (дедушка звал ее Душа, с ударением на первом слоге). С нами ехал и Юра Эмир-Суинов. Ехали долго, с продолжительными (до нескольких дней) остановками на каждой станции, на каждом разъезде.

На больших станциях нас ждала радость: мы набирали во все, какие были, посудыны настоящий горячий-прегорячий крутой кипяток. На стене здания, называемого «кубовой», большими буквами было написано КИПЯТОК, а под надписью торчал огромный кран, и вот из него с клубами пара вырывалась толстенная, со взрослую руку, струя кипятка. Пить кипяток считалось наслаждением.

Но были опасные случаи: народ с узлами и чемоданами рвался к нам в вагон, и тогда мы крепко запирались. Ни разу никто не проник.

Нас много раз отцепляли и прицепляли от одного состава к другому. Наконец на станции Лазорки в Полтавской области железнодорожный начальник сказал дедушке: все, дальше пути нет, высаживайтесь здесь.

ПЛЕТКА СТАРОГО ЦЫГАНА

Собирание трав

Мы поселились в двух комнатах на втором этаже разрушенного двухэтажного дома. Дедушка нашел большой осколок стекла и вставил его в оконный проем, заложив брешь кирпичами. Спали на полу, но это была не новость. Новостью были сады, огороды и густая трава на лугах.

У старшего поколения был богатый опыт выживания. Дедушка собирал желуди, а также крапиву, щавель, лебеду и другие неизвестные мне травы. Среди детей самой популярной травой был паслен с его сладкими черными ягодами. Дедушка брал Леву с собой в поле и передавал ему свой опыт собирателя трав. Не мне же. Я никогда никого не слушал.

А бабушка была семейным лекарем. Царапины и раны она лечила подорожником, а все остальные болезни касторовым маслом и бадягой.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Воскресенье, 12 ноября 2017

Корова, коза и поросенок

Приобрели корову, но она оказалась бодливой, не позволяла себя донть, пыталась достать рогом, лягалась, и молока давала мало, хотя вымя было огромное. Помучившись, обменяли ее на маленькую, неказистую коровенку с одним рогом и выменем с кулачок, зато молока каждый раз было полное ведро. Потом приобрели козу и поросенка.

С коровой не было забот: она ходила себе по лугам и щипала траву. Коза была упрямое существо: лезла куда не надо и повернуть ее обратно не было никакой возможности, только смотрела на тебя зеленым глазом, как нечистая сила.

Поросенок показывал свою свинскую натуру. Ему готовили корыто с арбузными корками, картофельными очистками, отрубями и всякими другими отбросами и помоями. Но поставить это корыто перед ним мне ни разу не удавалось: он своим рылом сразу выбивал его из моих рук, а потом хлебал прямо с земли вместе с навозом и громко чавкал. Мерзавец.

Подарок короля Георга VI

Приехал раненый дядя Вася, моряк. Он служил кочегаром на ледоколе на северном флоте. От него я заразился морской романтикой и впервые услышал песню «Раскинулось море широко».

Позже, во Львове у меня откуда-то взялся учебник парусных кораблей, и я выучил наизусть названия мачт, рей, парусов и палуб. Дело дошло до того, что я запросился в нахимовское училище, но медкомиссия меня не допустила, чего-то там у меня нашла в смысле непригодности к службе на флоте, кажется, близорукость. Пронесло. Да и если бы нет, все равно рано или поздно я наверняка сбежал бы, не выдержав армейской рутинны.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Приехала раненая тетя Лида. У нее в Сталинграде при бомбежке погиб грудной ребенок, сынок. Ее муж Вениамин Коновалов погиб в том же году, сгорел в танке. А сама она воевала в ополчении на тракторном заводе. В строительстве этого завода она перед войной участвовала вместе с американскими инженерами.

Тетя Лида целыми днями стояла, прислонившись спиной к печке, и не разговаривала.

А приехала она из Москвы, где 2 февраля 1944 года в составе делегации из Сталинграда была в Кремле и присутствовала на церемонии вручения меча – подарка английского короля Георга VI.

Сапожная лапа и машинка «Зингер»

В Лазорках мы, мальчишки, обнаружили заброшенные яблоневые и сливовые деревья и целыми днями болтались на их ветвях. Были еще арбузные бахчи, но они охранялись.

Однажды нас засек сторож и погнался за нами. Мы бросились бежать через поле конопли, не подозревая, что через коноплю бежать невозможно: стебли обвивались вокруг ног, как удавки, и стоило невероятных усилий хоть немного передвигаться.

Сторож поймал Игоря, отвел его в контору. Дедушка и мама кое-как вызволили его. В военное время это было непросто. И опасно.

Одежда изготовлялась дома. Из чего попало бабушка шила и латала штаны и рубахи, дедушка строил и чинил обувь.

Я помню его инструменты: сапожная лапа, шило, суровая нитка, гудрон для смазки ниток и деревянные гвозди, которые он делал сам. А у бабушки была швейная машинка «Зингер».

Гелий Вишенчук-Вишенька

Понедельник, 13 ноября 2017

Денежка

В Лазорках в семью пришла похоронка: погиб Юра Пластиков. Дедушка взял бумажку из рук почтальона, глянул и зарыдал.

Степан Степанович Пластиков был из того марсианского мира, от которого ничего не осталось, а память о нем сильно искажена. Он представлял себе добро и справедливость так, как их понимали в его молодые годы, там, тогда, в давно прошедшем и забытом времени.

Из его рассказов самой яркой была, пожалуй, история о старом цыгане.

Весь табор собрался у постели умирающего барона. Цыгане молча прислушивались к дыханию старика: каким будет его последнее слово? Наконец он сказал:

– Дайте мне мою плетку.

Принесли и дали ему плетку. Он размахнулся, хлестнул по толпе и откинулся на подушки, отошел к своим цыганским праотцам.

Душой и делами, хотя и не очень заметными, дедушка был революционером и верил в идею. Идея отплатила ему на манер старого цыгана.

Бабушка рассказывала: вдвоем они пошли в магазин за продуктами, она задержалась у прилавка, а он остался стоять у стенки. Подошла женщина и сунула ему в руку денежку. Дедушка посмотрел на денежку и заплакал.

БЫЛА НОЧЬ

Это не могло быть правдой

Осенью 45-го мама повезла нас с Игорем во Львов. Случилось это так. У мамы смолоду были друзья: Евгений и Клавдия Агафоновы. Евгений был теперь большим человеком в Москве. Мама написала ему письмо, он разыскал дядю Павлушу во Львове и дал ему наш адрес. И дядя Павлуша пригласил нас к себе.

Сейчас, пока пишутся эти строчки, я вижу львовский вокзальный дебаркадер и нас троих в его как-будто нарисованном пространстве. По полупустому перрону (многие пассажиры уже ушли) в нашу сторону идет красивый человек в федоре, идет и смотрит на меня. Стеклоанный свод крыши, длинный перрон с зажженными фонарями и человек в федоре показались сказкой, на секунду остановились и навсегда запечатлелись в памяти. Это была моя первая встреча с цивилизацией.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Нет, пожалуй, первая встреча произошла в Киеве, где мы по пути во Львов навестили тетю Аню. Незадолго до нашего отъезда она оставила Лазорки и поступила на учебу в киевском университете. А жила в общежитии. Я запросился пописать. В коридоре тетя Аня показала мне дверь, я вошел, быстро сориентировался, а когда застегивал штаны, мой взгляд остановился на красивой цепочке, свисавшей откуда-то сверху. Потянул за цепочку. Со страшным ревом откуда-то куда-то хлынула вода. Я в ужасе отступил к двери, как перед явлением катастрофы.

Возвращаюсь на вокзал. Дядя Павлуша рассказывал потом, что он узнал нас, когда увидел меня – я был очень похож на отца в таком же возрасте. На первое время он устроил нас у себя в двухкомнатной квартире на улице Обертинского (теперь Зарицких). Однажды мы вдвоем разговаривали, дядя Павлуша гладил меня по голове и плакал.

Но сказка продолжается. Была ночь. На привокзальной площади дядя Павлуша посадил нас в кабриолет и мы поехали по темным улицам Львова. Горели газовые фонари, копыта лошадей ритмично цокали по бульжной мостовой в абсолютной тишине, мимо сплошным потоком проплывали причудливые здания невиданной красоты. Это не могло быть правдой.

Вторник, 14 ноября 2017

Первое письмо в Лазорки

Львов, 14 сентября 1945.

Здравствуйте дорогие дедушка, бабушка, тетя Лида, дядя Вася, Лева и Таня!

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Мы приехали во Львов 13-го вечером. В Киеве сидели сутки и еле сели. Нас проводила Аня. Во Львове нас встретил дядя Павлуша. Город очень красивый, квартиры изящные, с ваннами, светом, газом, с мебелью. Здесь жили паны. Когда едешь, видны поля-полоски – ведь тут нет колхозов.

Дядя Павлуша с тетей Валеёй живут хорошо. У дяди Павлуши есть приемник и машина и он хочет купить нам мотоцикл. Завтра пойдем в школу. Тетя Лида, приезжай к нам, тут хорошо жить. Картошка четыре рубля кило. Дешевле груши. Квартира на окраине города, перед окном пустырь, а за ним панский замок.

До свиданья. Игорь

Далее на том же тетрадном листке пишу я (орфография оригинала).

Здравствуйте (написано со второй попытки) Бабушка Дедушка Тотя Лида Дядя Вася Лева и Таня.

Мы севодня купались в ванне (вторая буква н дописана сверху). У нас в квартире есть ванна. Дядя Павлуша купит матацыкл. У нас тутхорошо. Приежайте скорей. Геля

Второе и третье письма в Лазорки

Львов, 19 сентября 1945.

Здравствуйте дорогие дедушка, бабушка, тетя Лида, дядя Вася и ребята!

Мама вчера ходила в гороно, ей дали работу в школе. Она там будет работать завучем. Мы уже записались в школу, но Гельку, наверное, не примут из-за его отметок. Мамина школа близко от нашей квартиры. В квартиру вселимся, как только уедут хозяева, надеюсь, это будет скоро. Как только мы устроимся, будем хлопотать насчет вагона. Коровы тут от

Гелий Вишенчук-Вишенька

6 до 12 тысяч, но дорогой корм.

Если уехала тетя Лида, пришлите ее адрес. Напишите, как занимается Лева и что сказал врач. Пишите письма чаще.

Мама не хотела устраиваться на селе по известной вам причине, в городе этого нет. Целую. Игорь

Еще одно письмо пишет мама.

Папа и мама, завтра, 20 сентября начинаю работать в 21 школе, где 1200 девчат. Горono имеет меня в виду на директора, говорят, что это будет, вероятно, скоро. Ставка завуча 700 рублей, да часы, будет с тысячу. Правда это по здешней жизни мало, но будем надеяться на лучшее. Коровы стоят средние 6-8 тысяч, хорошие 10-12 тысяч, пороса на 7-8 кг 600 рублей, гуси 80-100 рублей, масло сливочное 140-150 рублей кило. Груши, сливы 15 рублей кило, пшено 28 рублей кило. Молоко 10-15 рублей литр.

Варя, ребята и Павлуша с ВалеЙ

Идеальный город

Да, перестроиться после деревни сразу не получается. Жительница идеального города, одного из культурных центров западной цивилизации интересуется ценами на коров, поросят и гусей. Брат пишет о панах, как-будто что-то знает о них, и удивляется, что в квартирах есть мебель. Все в растерянности. Дядя Павлуша, не зная, что сказать, пообещал купить мотоцикл.

Я впервые в жизни помылся в ванне. И сумел со второй попытки написать слово «здравствуйте». Это было первое письмо в моей жизни.

От первых двух лет во Львове мало что сохранилось в памяти. Программа «Одиночка» стерлась не сразу, я опом-

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

нился лишь в пятом классе, когда мне было 12 лет. И удивился. Начал писать диктанты без ошибок. Грамотность пришла сама собой в результате постоянного жадного чтения книг.

Квартира номер 13

Возвращаюсь к началу. Осенью 1945 года началась депортация поляков из Львова. Город наполовину опустел, и дядя Павлуша выхлопотал нам трехкомнатную квартиру на четвертом этаже в доме номер 18 на улице Яблоновского. Этот красивый дом был построен в стиле сецессии в начале 1900 годов. Войдя во внутренний двор, нужно было посмотреть направо вверх: там в четыре окна вдоль всей стены располагалась наша квартира номер 13. С фасада дом был трехэтажным, а во внутреннем прямоугольном дворе-колодце, куда нужно было спускаться, войдя с улицы в дом, четырехэтажным. Наш этаж был верхним, и солнце в течение дня навещало все комнаты.

Когда после десятилетнего перерыва я снова приехал во Львов, мне захотелось взглянуть на нашу прежнюю обитель. Чувствуя сильное сердцебиение, я зашел в подъезд, спустился во двор, посмотрел вверх на четвертый этаж, по диагонали дошел до начала лестницы, поднялся на четвертый этаж, увидел дверь – и у меня перехватило дыхание, отяжелели ноги. По всем признакам – явный случай гипертимезии.

Улица Яблоновского начиналась от улицы Зеленой, шла до площади Стрийский рынок и за ней раздваивалась, переходя в улицу Обертинского, где жили дядя Павлуша с тетей Валею, и немного левее в улицу Стрийскую. Площадь пересекала также улица Ивана Франка, которая затем переходила в улицу Свенцицкого. Прямо перед рынком можно было свернуть налево и по улице Волошской мимо рынка дойти до Свенцицкого и дальше до школы № 14, где я учился.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Я назвал много улиц, но путь до школы занимал всего минут, может быть, 15-20. В школу меня с моими отметками все-таки приняли.

Среда, 15 ноября 2017

Попытка усыновления

Дядя Павлуша и тетя Валя решили меня усыновить. Мама не возражала. Вскоре они с Игорем перебрались на Яблоновского, а я остался. Меня приодели, облагородили мой внешний вид и установили для меня режим усиленного питания. Тетя Валя была мастерица кулинарного дела. Она готовила красивый борщ с белой, тонкой, как хохолок кукурузы, хрустящей капустой. Среди закусок номером один была заливная рыба в прозрачном желе с оранжевой монеткой моркови и зеленой веточкой петрушки сверху. Стол накрывался белой скатертью. Во время обеда тарелки менялись под блюда. Вилка слева, ложка и нож справа, матерчатые салфетки... С ума сойти.

К Пасхе тетя Валя пекла кулич в мистическом стиле с изюмом. Она была верующей, ходила в православную церковь и однажды взяла меня с собой.

Церковь произвела на меня тягостное впечатление. Разнаряженные бородатые дядьки распевали заунывные каденции, много раз повторяя одно и то же. Люди с виноватым видом крест накрест махали руками и кланялись. Нет, мне не понравилось. Мой Одиночка подсказывал мне, что здесь имеет место принуждение с одной стороны и рабское послушание с другой, то есть отсутствие свободы, а ничего страшнее этого я не мог себе представить.

А между тем у меня появилась ученическая обязанность выполнять домашнее задание. Времени для улицы оставалось мало. И я заметил, что за мной наблюдают. Тетя Валя

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

была любознательная женщина. В последующие годы, когда мы приходили в гости, она всегда спрашивала меня, что я ел на завтрак и на обед, и требовала перечислить все наименования, начиная с хлеба. Ну, а сейчас ей, видно, хотелось изучить мой характер, понять мои интересы, вот она и подсматривала, *sancta simplicitas*. Я заметил, как она пытается разглядеть меня через окошко в двери, разъединяющей комнаты. Но что можно было разглядеть сквозь матовое стекло? Я вертел в руках какую-то железку, найденную на свалке. Никакой тайны это не составляло, но слезка ударила по струнам и отозвалась протестом. Я просто взял и ушел. Вопрос о моем статусе в семье больше не рассматривался.

Чайная ложечка

Дядя Павлуша по профессии был врач и в то время заведовал в городе районным отделом здравоохранения. Был чиновник, о котором он часто упоминал в разговорах, фамилия чиновника Панчишко. Я привожу здесь эту фамилию только по той причине, что ее произносил дядя Павлуша, ничего другого об этом человеке не знаю.

Дядя Павлуша был тонкой души человек, золотое сердце, добрый, чуткий и sentimentalный. Ко времени моего второго возвращения во Львов он уже был пенсионером.

В конце недели мы с Игорем обычно отправлялись к дяде Павлуше в гости, и Валентина Михайловна накрывала роскошный стол. Дорогого, близкого человека, бывает, запомнишь по какой-нибудь пустяковой мелочи, а потом эта мелочь становится самым ярким воспоминанием. Вот и сейчас я вижу, как дядя Павлуша подносит ко рту чайную ложечку с горячим напитком. Он всегда так пил горячий чай — ложечкой.

Валентина Михайловна разводила редкие комнатные

Гелий Вишенчук-Вишенька

растения, из них выделялся огромный, до потолка, фикус в кадке, захвативший весь левый угол большой комнаты. Она была уроженкой города Фастова, что около Киева, говорила по-украински и очень любила нас угощать, заботясь, чтобы все наелись. По своей глупости я никогда не задумывался, во что обходились эти угощения двум советским пенсионерам.

Четверг, 16 ноября 2017

Пан Таддей и пани Зося

Когда мы приехали во Львов, у дяди Павлуши и тети Вали были друзья, поляки пан Таддей и пани Зося. Обычно они вчетвером усаживались за стол и играли в карты. Вместо денег выкладывались разноцветные полосатые и крапчатые фасольки. Но смотрел я больше не на фасольки, хотя видел их тоже впервые, а на этих двух странных и загадочных людей. Перстень на руке у пана Таддея, сережки в ушах у пани Зоси, ее послевоенная прическа, нерусский профиль, иностранная речь – я смотрел, слушал, выдохнул волшебный запах, исходивший от гостей, и чувствовал, что нахожусь в полубормочном состоянии.

В этом городе все было странно и непривычно. Мужчины раскланивались друг перед другом с противоположных сторон улицы, приподнимая шляпу. Женщины, прогуливаясь, опирались на локоть своего спутника, а мужчины при встрече целовали им руку. По улицам бегали с пачками газет мальчишки моего возраста и кричали: «Червоны штандар! Червоны штандар!» С грохотом проносились маленькие трамвайчики с открытыми передней и задней платформами, с гроздьями пассажиров, висящих на подножках. По утрам дворники мыли тротуары, поливая их водой из шланга. Вечером появлялись фонарщики и зажигали на улицах газовые фонари. Из маленьких кофеен неслась музыка, в основ-

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

ном звучали скрипка и баян, и незнакомые песни. К нам во двор заходили прилично одетые музыканты, наигрывали опереточные мелодии. С балконов им бросали деньги, завернутые в бумагу или тряпицу. Но многое из этого вскоре закончилось: поляки уехали. Уехали и пан Таддей с пани Зосей.

Польский орел

Школа №14, где я учился, располагалась на вершине холма. Когда-то это была гимназия. Один из классов был построен в виде амфитеатра, здесь проходили уроки физики с демонстрациями опытов. Был зоологический музей с множеством чучел животных. Над входной дверью высоко на фронте красовался барельеф польского государственного орла. Я помню, как его скovyрнули оттуда и он с грохотом рухнул под ноги потрясенных школьников. Сейчас в этом здании поселился Украинский католический университет, а на месте орла так и осталось безобразное пятно.

С тыльной стороны здания был двор с футбольным полем. Отсюда открывался вид на высокий необитаемый холм. Хотя у меня уже были приятели и друзья, я приходил сюда один. Его вершину я назвал Чертовым камнем, выкопал там нишу наподобие пещеры и подолгу сидел в ней, размышляя о морских путешествиях и опасных приключениях, поджидавших меня на далеких таинственных островах.

Серебряная пепельница

Было еще одно офигенное место – «Дядипавлушина горка», холмистая возвышенность по другую сторону улицы Обертинского. За ней продолжался город, но снизу был виден только один единственный дом, тот самый, который в письме Игоря назван «панским замком». И это не было

Гелий Вишенчук-Вишенька

окраиной.

Небольшие овраги на горке использовались для свалки, куда сбрасывалась всякая мелочь, оставшаяся в квартирах депортированных поляков. Ничего не было интересней этой свалки. Из вещичек, найденных там, сохранилась серебряная пепельница в виде корытца. Она и сейчас находится у моей двоюродной племянницы Нины Ляшук на улице Зарицких (бывшей Обертинского) 36, кв. 3.

Пятница, 17 ноября 2017

Первая кровь

В 46-м году во Львов наконец съехались все из Лазорек. Я брал Леву и Таню и уводил их на Дядипавлушину горку покопаться в мусоре, побегать, поиграть. В один прекрасный день я заметил, как сверху по склону в нашу сторону спускается небольшая группа мальчишек числом семь-восемь. Сразу сообразив, в чем дело, я говорю: «Лева, Таня, давайте быстро вниз. Ждите меня там». Дети послушались и побежали в сторону улицы к домам.

Мальчишки подошли, окружили меня: «Ты что тут делаешь? Это не твое. Иди отсюда». Я стал возражать, сказал, что это моя горка и уходить я не собираюсь. В ответ начались толчки. Тогда я крикнул: «Что? Все на одного, герои! Выставляйте своего бойца». Мальчишки послушались и выставили. К моему удивлению, как только я ударил, боец упал. Я подождал, пока он поднимется, и ударил снова. Он снова упал. После этого мальчишки набросились на меня все разом. Я стал отмахиваться, но кто-то из них схватил и опустил мне на голову кирпич. Показалась кровь, мальчишки испугались и бросились бежать к себе наверх. Я стал бросать им вслед камни и кричать, чтобы они больше здесь не появлялись, а то будет плохо.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Макарчик

Года два спустя я попал в аналогичную историю, но закончилась она иначе. На этот раз это была хорошо организованная банда, искавшая приключений. Мы шли с моим приятелем Макарчиком с футбольного матча. Вдруг сзади наступили мне на ногу. Ну, бывает в толпе, мало ли что. Я не обратил внимания. На второй раз я оглянулся: сзади шли пацаны. На третий раз оставлять это так было нельзя. Я остановился и сказал: «Кто?» Им это и надо было. Они мгновенно окружили меня и давай паясничать: «Кто? Кто?» Я уже понял, чем дело кончится, но на всякий случай выдал свой коронный номер: «Давайте один на один».

Но у них уже лопнуло терпение. Сперва я попытался отбиваться. Не тут-то было, это были опытные бойцы. Тогда я просто согнулся и закрыл лицо руками, хоть это и мало помогло. Отделали они меня будь здоров. Хорошо, хоть не повалили на землю. Макарчик сбежал, а то бы неизбежно досталось и ему. Этого я не хотел.

Настоящее имя Макарчика – Генрих Макаров. Он почему-то был сильно привязан ко мне. Однажды он сказал, что не понимает стрелок на часах и попросил научить его читать время. Ему не было стыдно признаться в этом мне.

Жил он недалеко от школы, на Снопковской. Каждый раз, когда мы приходили к нему домой, он вел меня на кухню и угощал водой из-под крана. Воду он пил из половника, а глотая, производил громкие булькающие звуки.

У его отца была огромная библиотека, мне хотелось прямо зарыться в эти книги. Но сам Макарчик относился к ним без интереса. Он просто сидел на диване и с удивлением наблюдал, как я хватал и перелистывал толстые тома никому не нужной писанины.

Макарчик был хороший человек, я ценил его за добрую

Гелий Вишенчук-Вишенька

душу, но, к сожалению, это все, что я о нем помню. Последний раз мы виделись в начале 70-х, когда я вернулся во Львов. Он был все такой же: водил меня к себе и старался что-нибудь подарить.

Памятник Фредро

С первых дней нашей жизни во Львове я начал ходить-бродить по городу. Шел и шел куда глаза глядят. Это было моим любимым занятием и тогда, и во все последующие времена. Опишу лишь место, откуда обычно начинались мои походы. Выйдя из дома, я тут же под косым углом сворачивал влево на улицу Костомарова (наш дом был угловым), затем опять влево по очень короткой, в один квартал, Скальной, пересекал улицу Ивана Франко и выходил на удивительно красивую улицу Саксаганского. С левой стороны на всем протяжении ее второй половины высилась каменная стена, поросшая вьюном, а немного дальше на пригорке стояла церковь святого Николая. Улица заканчивалась небольшим сквериком без названия. От скверика в разные стороны расходились еще пять улиц. Это была отправная точка многих моих маршрутов.

Посреди скверика стоял памятник польскому поэту и комедиографу Александру Фредро. На скамейке сидел красивый кудрявый человек с роскошным бантом на шее, в распахнутом легком пальто. В левой руке он держал свиток, в правой гусиное перо и весело глядел куда-то вдаль. Это было изумительное произведение искусства, выполненное с особым изяществом.

Через год после нашего приезда памятник исчез, уехал вместе с поляками. В городе остался только невероятной красоты памятник Мицкевичу в центре города и еще памятник Яну Калинскому в Стрийском парке.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Суббота, 18 ноября 2017

Ты что, немец?

Однажды маме показалось, что в четырнадцатую школу ее сыну ходить далеко, и она с нового учебного года перевела меня в шестую школу, располагавшуюся сразу за углом. Я нахватал там двоек и вскоре вернулся в более благоприятную среду родной школы.

Это был пятый класс. Появился новый предмет: иностранный язык. В новой школе был немецкий, а в моей старой (я уже вернулся) – французский. На первом же уроке учитель французского языка (бывший фронтовик) велел мне взять в руки учебник и читать. Дойдя до слова *soldat*, я вместо правильного «солда» прочитал на немецкий манер «зольдат». Услышав враждебное слово, учитель вышел из себя, стал на меня орать: «Ты что, немец?».

Не то чтобы я сильно испугался его крика, но что-то меня задело. Мне понравилось читать и писать на французском, произносить французские слова. Однажды я изготовил самодельную книжицу, переписал в нее отрывки из романа Альфонса Доде «Гаргарен из Тараскона» на французском языке и сопровождал текст акварельными рисунками.

Little darling.

Психология-антропология

До этого момента первые два года во Львове прошли, как в забытом сне. Мои успехи в учебе награждались в основном двойками и тройками, и не знаю, как я вообще удерживался на плаву.

Мама задалась целью все-таки понять, почему я так плохо учусь, ведь ее старший сын Игорь абсолютный отличник. Однажды она привела домой женщину, то ли психолога, то ли антрополога. Эта психолог-антрополог поставила меня

Гелий Вишенчук-Вишенька

перед собой, внимательно посмотрела мне в глаза, ощупала мою голову, задала мне пару вопросов и отпустила. Уходя, я услышал: «У вас умный мальчик».

После этого мама перестала серьезно интересоваться моими отметками. Она была мудрой женщиной, не донимала нотациями, не отчитывала за глупости, предоставляя мне возможность до всего доходить самому. Предполагаю, что в школе меня выручала простая сообразительность.

Портрет Гамлета

К тому времени я уже пристрастился к чтению. Мама преподавала в школе историю древнего мира, и так получилось, что моими первыми книжками были «Илиада» и «Одиссея», мифы древней Греции и древнего Рима и еще между ними случайно затесался «Гамлет» Шекспира. (Потрясенный героем этой драмы, я на большом чертежном листе бумаги карандашом нарисовал его портрет и прибил к стенке над кроватью). Я стал часто ходить в библиотеку, брал Фенимора Купера, Майн Рида, Жюль Верна, Марка Твена, Стивенсона, Конан Дойла, Эдгара По. Не знаю, кто из нас был такой разборчивый, библиотекаря или я сам, но книги советских авторов прошли мимо меня.

Позднее в книжном шкафу в Самаре я обнаружил роман Гладкова «Цемент», раскрыл, но, наткнувшись на сцену изнасилования, побежал в туалет, и меня вырвало. «Тихий Дон» Шолохова тоже остался недочитанным.

Надо сказать, что слова об «умном мальчике» не вызвали во мне никаких особенных эмоций. Тогда я еще не знал, что существует глупость, как не знал и того, что существует ложь. Все, что делалось и говорилось вокруг меня, было разумным, естественным, не подразделялось на уровни и не имело двойного смысла.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Мальчик в слезах

Летом мама устроила меня в пионерлагерь. Сначала мне там понравилось. После отбоя я читал детям сказки Гауфа: «Маленький Мук», «Карлик Нос». Приходила вожатая, выключала свет и дальше я рассказывал в темноте. Между прочим, для меня нет ничего лучше сказок Гауфа.

В первые дни я сдружился с одним мальчиком. Он считал себя профессиональным певцом, берег горло от простуды и действительно пел каким-то не своим голосом. Однажды его забрали родственники и дня два он отсутствовал. Он вернулся с белым, мокрым, как полотенце, лицом и сильно пах слезами. У него умерла мать.

Через пару дней мне там надоело, я вышел за ворота и пошел домой.

Черный старик

В доме на Яблоновской было много тайн. Кто были те поляки, что жили в квартире до нас? Что они говорили друг другу? Что запомнили эти голые стены, оставшиеся после них?

В квартире напротив жил старик со своей сестрой, которая выглядела, как нищенка, и в моих фантазиях была его прислугой. Сам он каждый день в одно и то же время выходил из дому с тросточкой и во всем черном: в черном пальто, черной шляпе, черных ботинках и черных брюках, – и около часа гулял по городу. Я зачислил его в шпионы и, назначив себя сыщиком, однажды пошел за ним следом. Через два квартала он обернулся и сказал что-то по-польски. Я понял, что разоблачен.

В квартире напротив жила «пани майорова» (с ударением на ов), но сам майор никогда не показывался, и было непонятно, существовал ли он вообще.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Чердак

На лестничную площадку четвертого этажа выходили две двери: наша и «черного старика». Отсюда узкая лестница вела выше на чердак.

Чердак был огромный, пыльный и почти пустой, но откуда можно было выглядывать в окна и вылезать на крышу. Прежде всего я обследовал темные углы: там был всякий мусор, оказавшийся совершенно бесполезным, но как можно было пропустить.

Впрочем, нашлось несколько книг, одну из них я принес домой. Книга была на польском языке и рассказывала о соперничестве двух лодочных команд Оксфордского и Кембриджского университетов. Как мне удалось что-то в ней понять, остается загадкой.

Трепетные руки

Какие-то ребята, не помню, откуда они взялись, пригласили меня к себе на вечеринку. Мне уже было лет пятнадцать. Собрались в богатом особняке, с девчонками, по-взрослому. Пластинки с песнями Шульженко, Козина, Утесова, модных тогда, танцальки, вино. Я не участвовал – это было для меня впервые. «Я вспомню ласковые и трепетные руки, и о тебе они напомнят мне». Что за ахиней!

Вышли во двор, стали стрелять из винтовок по бутылкам. Потом все отправились в город, висели на подножках трамвая, выскочил водитель, одного поймал, остальные набросились на него самого, стали бить. Я все понял и, ни слова не говоря, ушел.

Много лет спустя я узнал, что это были дети больших городских чиновников. Потом они организовались в настоящую банду, грабили и убивали людей. Их поймали, судили и, кажется, приговорили к расстрелу.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Воскресенье, 19 ноября 2017

Костя вернулся из поездки два дня назад, благополучно завершив процесс обучения. В августе будущего года предстоит последний экзамен. Есть надежда, что после этого он сможет перейти на другую, более подходящую работу.

А вчера вечером пришло паническое письмо от Болотова:

Гелий!

Привет! У меня случился еще один инфаркт. В больницу я ехать отказался. Ты знаешь, какие у нас больницы. Хочу умереть дома. Тебе здоровья и многих лет жизни. Если не буду отвечать – знай, что я jointed the majority. Я прожил достаточно. Слава БОГУ. Хочу умереть дома. На хорошей, мягкой кровати, рядом с близкими.

Болотову 86. Профессор. Филолог. Я благодарен ему по гроб жизни, он – инициатор самого большого, решающего события в моей биографии. Я написал ему, чтобы не дурил, а раз обещал дожить до 90, то и живи. А там видно будет.

НАЧАЛО МЕЧТЫ

Во сне я увидел

Возвращаюсь во Львов. В городе было множество открытых и закрытых бассейнов, был небольшой бассейн даже в бане на Академической. А у самого большого открытого бассейна посередине был остров. За лето можно было вдоволь наплавать и даже загореть, несмотря на постоянную дождливую погоду, присущую этой местности.

Зимой – катание на лыжах в Стрийском парке по аллеям и пологим склонам. Но была там так называемая Чертова горка, высокая и очень крутая. Сначала я обходил ее стороной, но как я мог не испробовать себя! Я взобрался наверх и долго стоял, дожидаясь, когда уймутся мои страхи. Наконец, оттолкнулся и поехал.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

До середины спуска я держался, но потом ноги подкосились – и я упал. Попробовал еще раз и третий раз – то же самое. Разум подсказывал, что пора прекратить попытки, и я отступился. Было такое ощущение, что я сам хотел упасть. Акрофобия, боязнь высоты.

В том же Стрийском парке была парашютная вышка, и однажды мне вздумалось взобраться наверх. На середине лестницы я почувствовал, что со мной творится что-то неладное. На верхней площадке руки уже мертвой хваткой вцепились в перила. Я перестал соображать, и появилось дикое желание броситься с вышки вниз головой.

В нашей квартире на четвертом этаже было две входных двери: одна на лестничной площадке (этой дверью мы не пользовались), а другая – с противоположной стороны, куда нужно было идти мимо всех наших четырех окон по длинному узкому балкону с тонкими перилами.

Прошло много лет с тех пор, как я прошел по этому балкону в последний раз, и во сне я увидел, как он рассыпается у меня под ногами.

Понедельник, 20 ноября 2017

Буржава

За углом от улицы Яблоновской располагался закрытый спортивный комплекс. Туда я ходил почти так же часто, как в библиотеку. Здесь всерьез занимались спортом. Сначала я записался в секцию плавания. Поплавал-поплавал, понравилось, – кроль, брасс, батерфляй – потом надоело. Все время нужно добиваться каких-то результатов, изо всех сил носиться по водной дорожке туда-сюда. Добивало однообразие. Я перешел в секцию бокса. Бинты на руках, рукавицы, ринг, замечательный тренер по фамилии Буржава. Здесь я задержался.

Гелий Вишенчук-Вишенька

В одной группе со мной занимался шупленький паренек, как будто ничего из себя не представлявший. Но когда Буржава выставил его на ринг в тренировочном бою, он с первого удара свалил соперника с ног.

– Охренеть! – сказал Буржава.

Подобных подвигов за мной не наблюдалось, и хотя Буржава однажды в качестве поощрения сказал, что из меня «получится хороший боксер» (эти слова не могли не запомниться), я ему не поверил. Вскоре появилось и подтверждение.

На одной из тренировок моим напарником оказался парнишка с боевым опытом. Он сразу стал меня безжалостно колошиматить и все время повторял: «Нападай! Защищайся!» У меня ничего не получалось. Но как раз за это ему спасибо. Я понял, что бокс в смысле мордобоя не для меня. К тому же пора было уезжать мне с мамой в Самару. Тренировки прекратились сами собой.

Бей правой

В Самаре боксерские навыки мне все-таки пригодились. Зимой я брал лыжи и отправлялся далеко за город на высокие берега реки Самарки. Однажды подкатывает ко мне местный парень и спрашивает: я один или не один. Я ответил, что один. Тогда он потребовал отдать ему лыжи. Что за шутки? Я отмахнулся. Стал подниматься в гору, и тут чувствую, что парень начинает срезать крепления с моей ноги, вижу бритву у него в руке. Долго думать я не стал, а раз он приходился по левую руку, то я и врезал ему хуком правой в челюсть. Он покатился под гору, вскочил и помчался в сторону и наверх. Там топталась группа его приятелей. Кто-то крикнул, кажется, он сам: «Живым не уйдешь». Опять шутка? Я развернулся – и домой.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Вчера Том и Поля приехали из Провиденса и привезли с собой Катю. Сегодня вечером мы с Ниной ездили посмотреть на нее. Чудесная девочка. Хорошенькая и, сразу видно, умненькая, а какой еще может быть наша правнучка. Ей три с половиной месяца. Смотрит на тебя и улыбается. Уснула на руках у Нины.

Поля рассказывала о себе: пятнадцатилетней девочке пересадила почку, и через пять дней девочка была как новенькая. Посидели, попили кто чай, кто кофе и поехали домой. Увидимся в четверг 23-го в день Благодарения.

Вторник, 21 ноября 2017

Блаженство

Комнаты в квартире на Яблоновского располагались в затылок друг другу. Их было три и еще кухня. Третья комната, она же первая со стороны лестничной площадки, оставалась необитаемой: для нее не было мебели. Квартира начиналась с обратной стороны, с кухни, дальше – комната с высокой, до потолка, зеленой изразцовой печкой. Зимой эта красивая печка была настоящим спасением. Сказать, что такое блаженство? Это теплое одеяло. Мама обхватывала одеялом горячую печку, а затем набрасывала его на меня.

Уголь и дрова были дефицитом. В городе печку тайком топили газом с помощью шланга, присоединяемого к вентилю. Городские власти боролись с этим, рассылая инспекторов, – те не спросясь заходили в квартиру и без всякого стыда шарили по углам. Забирали шланг и уходили.

Но газовое благо то и дело оборачивалось бедой для новых советских жителей, не имевших навыка обращения с газом. Уходя из дому, они забывали перекрыть вентиль, а когда возвращались, что-нибудь включали, зажигали, чирка-

Гелий Вишенчук-Вишенька

ли – и взрыв. Обваливалось сразу несколько этажей. Когда в городе случилось внезапное сотрясение воздуха, было понятно – опять!

Поездка в Броды

Приехали из Лазорек все, кто там еще оставался. Началась новая, городская жизнь. Хлеб по карточкам, ночное стояние в очередях, номерки на ладонях...

Тетя Аня рассталась с Эмир-Суиновым и вышла за украинца Шевченко. Он был то ли директором, то ли председателем чего-то там и увез ее в город Броды. Я решил навещать тетю Аню. Купил на вокзале билет, сел в поезд и поехал. Ехал, ехал и уснул. Проснулся на какой-то станции за Бродами. Сошел с поезда, стал спрашивать, как мне добраться до города Броды. А кто там у тебя? – спросили меня. Я назвал Шевченко. Так мы как раз туда едем, – сказали мне, – и на грузовике довели меня до места. В гостях у тети Ани я пробыл два дня. В саду возле дома стояла огромная старая груша. Я взобрался наверх, встал на толстую ветку и пошел по ней туда, где можно было дотянуться до плодов. Груши оказались мелкими и твердыми.

После Денисовки тетя Аня стала жить отдельно от своих детей. Как-то это было всем понятно и не обсуждалось. Лева и Таня перешли теперь к тете Лиде.

Среда, 22 ноября 2017

Галчонок

На кухне была встроенная в стену кладовка размером с небольшой шкаф, и там было оконце, выходившее в узкий колодец непонятого назначения. В колодец упал галчонок и поднял крик. Дедушка сделал петельку и после нескольких попыток сумел подцепить галчонок за лапку и вытащить.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Птенец сразу сделался ручным. За обеденным столом он обычно садился мне на плечо и клевал пищу с моей ладони.

Однажды он исчез. Маме дали должность директора детского дома, и она отнесла его туда ребятам для развлечения. Развлечение выразилось в том, что галчонку в первый же день свернули голову. Жалея меня, мама рассказала мне об этом, когда мы были уже в Самаре.

Тетя Лида

Тетя Лида вернулась к себе в Сталинград, а вслед за ней отправились туда и все остальные: дедушка, бабушка, Лева, Таня. Там же вскоре оказались и тетя Аня со своим Шевченко, дядя Вася с женой и детьми, а также Юра Эмир-Суинов, который впоследствии завел там свою семью.

С тех пор почти каждое лето я проводил в Сталинграде. Тетя Лида водила меня по развалинам и рассказывала, что и как там все было. Однажды ей пришлось убить немца, когда тот внезапно выскочил из-за угла. Ей стало плохо, стошнило. Зимой на Волге она провалилась под лед. На счастье поблизости была другая прорубь, и ей удалось выбраться. Зашла в разрушенный дом, согреться, а там, прислонясь к стене, сидели немцы – мертвые, обледеневшие.

На пляж нужно было долго идти босиком по раскаленной дорожной пыли мимо развалин тракторного завода, где до войны работала тетя Лида, а потом там же воевала. На пристани садились на допотопный лопастной пароходик «Чапаевец» и плыли поперек Волги на песчаный остров. Удовольствие заключалось в том, чтобы целый день беситься в воде и валяться на горячем песке под солнцем.

Когда в последний раз я приехал в Сталинград в 50-м году,

Гелий Вишенчук-Вишенька

мне навстречу вышел Лева, и я увидел, что у него нет левой руки. Чтобы не было страшно, я подумал, что это шутка, а Лева заплакал. В Сталинграде после войны из-за множества неразорвавшихся мин, снарядов и бомб то и дело гибли дети. С Левой было еще двое ребят. Их не спасли, а Лева остался без руки.

Когда подросли Лева и Таня, тетя Лида усыновила соседского мальчика Веню и воспитала его в спартанском, вернее в пролетарском духе. Летом они спали вдвоем на полу под кроватью, где, считалось, было прохладнее.

Веня закончил школу и в тот день, когда был выпускной вечер, нашел взрыватель от гранаты, стал вертеть его в руках – и погиб. Последние годы жизни тетя Лида была не в своем уме, никого не узнавала. Таня до самого конца ухаживала за ней. Перед самой смертью тетя Лида пришла в себя и сказала:

– Таня, прости меня.

Пистолет ТТ

Уезжая из Львова, тетя Лида оставила часть военных трофеев, среди них зеленый немецкий мундир и штык с орлом и свастикой.

Штык я выменял у какого-то мальчишки на пистолет ТТ. Мальчишка собрал своих друзей, и мы все пошли к Чертову камню на холме возле школы. Там мальчишки спрятались в окопах, сохранившихся после войны, а я несколько раз выстрелил из пистолета.

Вечером пришел мальчишкин отец, коротко спросил: «Где?». Я показал. Он схватил пистолет и, ни слова не говоря, ушел. Здесь прямо сейчас я еще раз облегченно вздохну за этого человека. Потеря оружия была бы для него настоящей катастрофой. В то время да.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Гиперболоид

Под влиянием брата я на короткое время увлекся радиотехникой. Не то чтобы вправду увлекся, а просто попробовал слепить детекторный радиоприемник. Все свободное время Игорь сидел за коротковолновым передатчиком и стучал азбукой Морзе. К нему приходили красивые карточки QSL со всего света, в том числе из Америки. Свой приемник я кое-как сварганил, послушал голос диктора и выбросил устройство за ненадобностью. Оно разочаровало меня своей будничностью: разные голоса я и так мог слышать по радио. А вот другое устройство меня по-настоящему заинтересовало.

Прочитав «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого, я стал строить этот самый гиперболоид. Задним умом я понимал всю глупость моей затеи, но упорно добивался результата и все строил и строил, приспособивая стекляшки, свечки, фонарики... Пока не устал.

За пять лет жизни во Львове я приобрел настоящих друзей, но не сразу, а в течение двух последних лет. Я учился в одном классе с Мишей Каряевым и Володей Малюком. Нам было по пути из школы домой и еще, наверное, в наших характерах совпадали какие-то психоневрологические моменты. Этих моментов было достаточно, чтобы сдружиться нам на всю жизнь.

Четверг, 23 ноября 2017

Сегодня, в день Благодарения вся семья собралась на Brock Road. Все были в восторге от нового члена семьи Кати Змиевской (ей три с половиной месяца).

Нина подарила Поле веретено, принадлежавшее ее бабушке по материнской линии Екатерине Морозовой. Ранее в этом году Поле также досталось полотенце с вышивкой из того же наследства.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Миша Каряев

Миша, Володя и я обычно вместе возвращались из школы домой. В начале Яблоновского Миша сворачивал налево в сторону Обертинского. Его дом был в двух кварталах от площади, но на другой улице. Далее мы с Володей шли по Яблоновского и расставались у моего дома. Володя жил на улице Герцена, одной из шести улиц, берущих начало от сквера, где когда-то стоял памятник Александру Фредро.

У Миши было трое братьев: Лешка, Женька и Валерка, он же Патя (по его самоназванию в период раннего детства). Миша был старшим и имел право урезонивать всю команду, когда начиналась чересчур буйная возня. Мать Антонина (виноват, отчества не помню) была очень доброй женщиной. Видя мои голодные глаза, она, бывало, усаживала за обеденный стол заодно и меня. Сегодня в день Благодарения как не вспомнить ее милосердную душу.

Мишин отец в войну был военным ветеринаром в звании подполковника. В его комнате стояло трофейное пианино, на котором никто никогда не играл. Он частенько бывал в подпитии и в этом состоянии любил подтрунивать над сыновьями, совершенно незаслуженно называя их троешниками. Видно, это от него Миша перенял свой иронический характер.

Пятница, 24 ноября 2017

Сегодня нас навестили Слава, Поля и с ними малютка Катя. У этого визита была особая цель: Поля хотела, чтобы Нина рассказала о своей бабушке Екатерине Морозовой.

За чаем коротко обсудили завтрашнее крещение Кати. Я выслушал Полю и Славу и пойти на церемонию отказался. Наверное, плохо сделал.

Нина полтора часа рассказывала о своей бабушке и под

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

воздействием невеселых воспоминаний сильно расстроилась.

Поля пожелала взять две моих картины, и еще я подарил ей моего любимого Стивенсона, при этом посоветовал прочесть первую страницу в романах *Treasure Island* и *Kidnapped* на предмет того, как нужно начинать рассказ. Поля разносторонне талантлива и, кроме всего прочего, пробует себя в литературе.

Суббота, 25 ноября 2017

Володя Малюк

Володя был отличником. Отличником был и его старший брат Виктор, который помимо прочих своих достижений увлекался еще и гимнастикой. Перед соревнованием он принимал допинг: в один присест съедал целый лимон.

Володины родители оба были учителями. Софья Захаровна преподавала русский язык и литературу, а отец (имени не помню) химию и еще какие-то предметы.

В моем присутствии семья общалась на украинском языке, а со мной разговаривала на русском. Володя играл на скрипке и иногда демонстрировал нам с Мишей свой музыкальный талант.

Когда мы, бывало, возвращались из школы и шли по Яблоновского, Володя разворачивал бутерброд с колбасой и делился. Это был довольно большой бутерброд, и я подозреваю, что Софья Захаровна делала его таким не случайно. Много лет спустя, незадолго до ее смерти, я рассказал ей об этом в разговоре по телефону, но она ответила, что ничего такого не помнит.

Софья Захаровна обладала яркой внешностью: рыжие волосы, зеленые глаза, нос с горбинкой и по всему лицу веснушки. Да, по-моему, это было красиво.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Котенок

В 1950-м закончился седьмой класс. Был выпускной вечер (седьмой был тогда выпускным). После никому не нужных торжеств Володя, Миша и я отправились бродить по городу. Бродили допоздна и наткнулись на беспризорного котенка: он изо всех сил старался привлечь наше внимание жалобным мяуканьем. Я засунул его за пазуху и принес домой.

Мяуканье сразу объяснилось: котенок весь был облеплен блохами, они копошились даже у него в глазах. Мама и Игорь еще не спали. Они тоже разволновались и придумали обсыпать котенка дустом. Это помогло: буквально все до одной блохи прыгнули на пол. Их было столько, что я взял молоток и стал бить по ним, как по гвоздям. В общем, котенок стал жить у нас на Яблоновского. Потом он вырос, пошел искать себе подружку и не вернулся.

Chattanooga Choo-Choo

В скверике с шестью улицами (о нем я уже не раз упоминал) был кинотеатр с диким названием «Щорс». Там я впервые посмотрел «Серенаду Солнечной долины». Сумасшедшая до божественности музыка, сказочный сюжет, непонятные, гипнотические слова:

Pardon me boy, is that the Chattanooga Choo-Choo?

Мечта повела меня за собой. Но мог ли я тогда хоть на секунду вообразить, что моя нога когда-нибудь ступит на землю Чаттануги?

РАЗМЫТЫЕ ОБРАЗЫ

Воскресенье, 26 ноября 2017

Все хорошо

В молодые мамины годы, когда она вышла замуж за моего отца Михаила Вишенчука, в их компании вращался Петр Агафонов. По его собственным словам, он тоже будто бы раскатал губу на Варю, но не вышло: соревнование было не на равных. И вот теперь через его брата Евгения Агафонова они списались и чего-то там решили.

Однажды мама позвала нас с Игорем и, после короткого предисловия с изложением этой старой истории из ее юности, спросила нас, согласны ли мы на ее брак с Петром Григорьевичем Агафоновым. Мы недолго думая согласились, но не ради прекрасного Петра Григорьевича, которого мы в глаза не видели, а из уважения к маме. Раз она думает, что так будет лучше, значит, все хорошо.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Не могу без отличников

И вот я с мамой уже в городе Самаре (тогда Куйбышеве). Семья сразу сложилась, если не считать некоторого напряжения со стороны моей новой сестры Люси, что было естественно и объяснимо: всего год или два назад она потеряла мать, умершую от рака. Но потом ей, кажется, стало интересно. Мальчишка читал свои книжки и мало обращал на нее внимания. Люся была младше меня на три года и, разумеется, отличница в школе. Ну, как можно без отличников.

Любители чтения

Отчим повел себя очень правильно. Он никогда не вмешивался в мои дела, ни в чем не ограничивал мою свободу. В доме была хорошая библиотека, составленная из подписных изданий и отдельных, довольно серьезных книг. Из последних выделялся ставший потом редкостью иллюстрированный том переписки Маяковского с Лилей Брик. Я погрузился в чтение. Читал все подряд, том за томом: Гоголь, Диккенс, Толстой, Проспер Мериме, Бальзак, Достоевский, Блок, Хлебников (по счастливой случайности купил сборник его стихов в букинистическом магазине), Стендаль, Лесков, Чехов, Шекспир, Куприн, Дюма, Ильф и Петров, Гюго, Бомарше, Салтыков-Щедрин, Сервантес...

Петр Григорьевич и сам был большим любителем чтения, правда, не про себя, а вслух, для жены. Он был человеком не очень грамотным, говорил с акцентом, произносил твердые ч и щ и в конце слова опускал ся (говорил «чэтал» и «трудяшние»), но голосом обладал крепким и за три года вслух перечитал маме весь многотомник Диккенса и принялся за Горького. По Горькому я тоже прошелся, но где-то ближе к середине стал чувствовать себя неудобно, а когда дошел до Клима Самгина, меня затошнило, и я раз навсегда

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

зарекся брать в руки книги этого автора.

Герка Коновалов

Квартира была коммунальная, двухкомнатная, с одним соседом, на первом этаже большого пятиэтажного дома на углу Ленинградской и Чапаевской – это центр города. Вместо внушительного красивого углового подъезда там сейчас стоит уродливый ларек с шаурмой. Уму непостижимо.

В одной комнате окно выходило на улицу, в другой – во двор. Зимой двор заливали водой и получался каток. Там с утра до вечера носилась на коньках дворовая детвора. С самого начала вечно занятый чтением, я долгое время вообще во дворе не показывался. В первую зиму, когда залили каток, я выжидал, пока ребята разойдутся по домам, и только уже поздним вечером выходил и катался в одиночку. Но мальчишки выследили меня и однажды по уговору выскочили все сразу. Разговорились, покурили за углом и ребята сказали: «А мы думали, ты вроде как не свой». В общем, приняли.

В доме у меня появился приятель Герка Коновалов. Герка собирал почтовые открытки с картинами русских художников и этим заинтересовал меня. У него впервые я увидел картины Куинджи, Ге, Васильева... Герка был старше меня, он закончил школу и был призван в армию, а когда вернулся, меня уже в Самаре не было. Я до сих пор ему благодарен: всего-навсего какие-то открытки, а как сильно повлияли они на развитие моего интереса к живописи.

Понедельник, 27 ноября 2017

Очки улетели

Отчим был нервным человеком. Он не срывался, не буянил, этого никогда не было. Наоборот, он охотно поддавался маминому влиянию, признавал ее превосходство, слушался

Гелий Вишенчук-Вишенька

ее и вообще отличался мирным характером, был уступчив. Но что-то постоянно тревожило его душу. Если он не читал Диккенса и не был занят делом, то сразу начинал безостановочно сновать по комнате, туда-сюда, туда-сюда. Выдавала его и чрезмерная резкость движений.

Мама хотела поставить посудину с супом на обеденный стол и отвела ее немного в сторону, чтобы рассмотреть, куда поставить, а ему показалось, что посудина падает. Он дернулся, попутно сорвал с носа очки и вышиб посудину из маминых рук. Суп обрушился на скатерть, очки улетели за шифоньер. Чтобы достать их оттуда, нам пришлось вчетвером сдвигать с места эту тяжеленную громадину.

Несколько лет спустя мама съездила во Львов навестить нас с Игорем. А при возвращении в ходе радостной встречи в Самаре отчим в своих железных объятиях сломал ей ребро.

И потом эта его постоянная суетливость. В трамвае он не мог просто так спокойно досидеть до конца. Примерно за три остановки до пункта назначения он вскакивал и занимал место у выхода. Толпа тащила его за собой наружу, но он героически выдерживал давку.

Не всегда все заканчивалось благополучно. Стараясь быть впереди всех во время посадки на автобус, он в толкучке угодил ногой под колесо. Ногу в конце концов удалось залечить, но эпизод был страшноватый.

Так не бывает

В 1936 году отчим поступил на службу в НКВД и дослужился в органах от сержанта до капитана. Дальше не позволяло образование. Он говорил, что заведовал картотекой. При Сталине работал далеко за полночь, возвращался домой в темноте и шагал посередине улицы, опасаясь разбойного нападения.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

При Хрущеве, незадолго до пенсии, его переназначили в милицию с присвоением очередного майорского звания.

Мне было все равно, где он служил. Я был не в курсе и нервозность отчима ни с чем не связывал. Каждый год он по служебной путевке один уезжал на поправку в элитный санаторий НКВД в Сочи. Интересно, от каких трудов работники картотеки там отдыхали.

Как положено, Петр Григорьевич был коммунистом и политику партии, как и все советские люди, одобрял и, может быть, даже проводил ее в жизнь. Любил читать передовицу газеты «Правда», а на критику отвечал:

– Это как же «Правда» может говорить неправду? Так не бывает.

Сын-диссидент

После нашего возвращения с Кубы он с мамой почти каждый год в разгаре лета приезжал к нам в Одессу. Косте исполнилось пять лет, а какой коммунист не знает, что это как раз тот возраст, когда ребенку пора идеологически подковаться и услышать о Ленине. Костя слушал, слушал, а потом возьми да и скажи:

– А никакого Ленина не было.

Отчим вскочил с криком: «Ах ты, пшенок!». Я вернулся с работы и как раз в этот момент вошел в комнату. Так я спас сына-диссидента от преследований по политическим мотивам. Но вот что я думаю по этому поводу: отчим набросился на Костю просто потому, что считал его ровней – ну, как мальчишки дерутся. Что-то в нем такое было.

Кажется, он немного меня побаивался. Года два-три подряд мы проводили летние отпуска в деревне Выползово за Волгой. Мне нравилось встать раньше всех и чем-нибудь заняться в одиночку. Чаще всего это было чтение, иногда

Гелий Вишенчук-Вишенька

какой-нибудь физический труд. В тот раз я взялся колоть дрова. Отчим вышел на крыльцо, сел и начал подсказывать: комель туда, топор сюда... Я послушал, бросил полено и взвесил в руке колун. Подсказчика как ветром сдуло.

Круто. Но не умно.

Однажды он крикнул на маму: «Чортова кукла!». На мой протест он отреагировал правильно и больше таких слов от него я не слышал.

Дэди Длинноногий

Петр Григорьевич хорошим манерам обучен не был и вел себя по-деревенски: рассказывал похабные анекдоты, подурачки шутил, создавал нелепые ситуации (например, в гостях у своего московского брата Евгения подсматривал за ним) и не стеснялся неподобающего касания, а в просторечии хватания за сиськи молодых женщин в нашей семье. Рассказывая свои истории, он хлопал собеседника по колену и тыкал кулаком в бок.

Он вызывал на соревнование малышей, при этом старался победить и обидно хвастался, доводя их до слез.

В семейной памяти сохранился короткий, но яркий диалог, случившийся между его внуком и моим племянником Мишей Вишенчуком. Оба были, кажется, в возрасте семи лет.

– Ты знаешь, кто мой отец? – спросил Миша.

– Конечно, знаю. Профессор.

– Дурак ты. Мой отец Дэди Длинноногий.

Визитер

Осенью 67-го мы уехали на Кубу, Полина Филипповна осталась одна и зимой приболела. Мама решила послать Петра Григорьевича на подмогу. Посланник в основном

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

помогал тем, что хорошо кушал, а также пытался «чэтать» Полине Филипповне вслух. Но она попросила его не читать, а разжечь хотя бы печку, на что тот отвечал, что таким вещам не обучен. В конце концов ему надоело помогать и он сделал то, что лучше всего умел: распустил руки. Полина Филипповна, занятая уборкой, огрела его мокрой половой тряпкой по морде и велела немедленно убираться. Петр Григорьевич, будучи послушным человеком, в тот же день слинял.

Сестренка Люся

Маме хотелось, чтобы я называл его папой, и прямо попросила меня об этом. Но у меня язык не поворачивался, хотя бы просто потому, что отец у меня уже был и никто другой, будь хоть семи пядей во лбу, на эту роль не годился. Но отношения в семье были нормальными.

Правда, моя новая сестренка-отличница частенько доставала меня своей дотошностью. Каждое мое слово она подвергала проверке по словарю или энциклопедии.

Подопрет подбородок ладонью и давай выворачивать меня наизнанку по поводу какой-нибудь чепухи. Она просто не верила сказанному, верила только написанному. Однажды я не выдержал, сделал паузу, и в моих глазах появилось что-то такое, что можно было принять за прямую угрозу убить. Сестренка бросилась бежать, я за ней, но она успела запересться в другой комнате.

Я в ярости схватился за дверную ручку и вырвал ее с корнем. И пришел в себя.

Это был единственный случай, который можно назвать конфликтом в наших отношениях. Люся была нормальной девочкой, хорошей сестренкой.

Еще одна характерная черта моей сестренки – стопро-

Гелий Вишенчук-Вишенька

центное отсутствие чувства времени. Много лет спустя, мы с Ниной приехали к маме в Самару и Люся пригласила нас к себе в гости (она с мужем и детьми уже давно жила отдельно). С нами был еще Игорь. Мы стали собираться, и мама сказала: «Не торопитесь. Когда придете, Люся будет мыть полы. Она откроет вам дверь с тряпкой в руке, а на полу будет таз с грязной водой».

Мы, конечно, не поверили. Но вышло все в точности так, как было сказано. Люся открыла нам дверь с тряпкой в руке, а на полу стоял таз с грязной водой.

Просто от радости

Самара – город красивый, с разнообразной архитектурой, каменной и деревянной. Я прогуливал и увидел, что на Арцыбушевской сохранились деревянные дома, а наша Ленинградская похорошела и стала пешеходной. Ну и, конечно, набережная Волги. Правда, с великой русской рекой не все так ладно. После того как ее перекрыли плотинной, она почти остановилась, пропахла болотом и перестала разливаться весной.

Весной 53-го года накануне первого выпускного экзамена мы с друзьями отправились на лодке на противоположную, залитую паводком сторону Волги. Наломали большие охапки черемухи. На середине реки я бросился в ледяную воду – просто от радости, что школа позади. Черемуху мы раздали прохожим.

А на экзамен я пришел с высокой температурой, плохо соображая.

Много лет спустя я пошел посмотреть на свою 13-ю школу на Чапаевской в двух кварталах от нашего дома – и не узнал ее. Вот память. За три года учебы не запомнил, как она выглядит. Зато первый день помню как сейчас.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Все дураки

Первый урок – алгебра у кудрявого, ироничного Абрама Ильича Сандлера. Новая тема. Контрольная. Он спрашивает, знаком ли я с темой. Говорю: нет не знаком, мы только что приехали. Ну ладно, говорит, вот тебе на всякий случай листок, посиди подумай, чтобы зря время не пропало. Я взял листок, посидел подумал, что-то нацарапал.

На следующий день Абрам Ильич, войдя в класс, закричал, что все дураки, ничего не поняли, одна пятерка, у Вишенчука.

Почти то же самое случилось на уроке физики. Но учительница проявила осторожность (и правильно сделала) и заявила, что на первый раз ставит четверку. После чуда на уроке Абрама Ильича класс стал болеть за новенького и недовольно загудел. А на уроке французского языка учительница, послушав мое чтение, встала и выкрикнула: «Вот как надо читать!» Короче говоря, молодец. Но я-то знал себя и не обольщался.

Ходить к вам в школу да еще делать ваши домашние задания – фиг вам. Абрам Ильич удивился и вкатал двойку. А потом опять новая тема, контрольная, пятерка. Абрам Ильич понял, с кем имеет дело, и мы договорились: я буду делать что хочу, а он будет ставить мне в журнал тоже что хочет. Это и отразилось в аттестате.

Вторник, 28 ноября 2017

Пришли, рассказали

Абрам Ильич Сандлер – необычный человек. Он талантлив, умен, харизматичен, находчив, обладает превосходным чувством юмора. Он – единственный из школьных учителей, кого я помню по имени. Талантливый человек способен радовать одним простым фактом своего присутствия в памя-

Гелий Вишенчук-Вишенька

ти.

В 1991 году Абрам Ильич уехал в Израиль. Он выучил иврит, был счастлив и умер в городе Ашкелоне в ноябре 2014-го на 96-м году жизни.

Летом 54-го, спустя год после окончания школы, мы, студенты высших учебных заведений, его бывшие ученики, собрались и отправились к нему домой рассказать о себе. Пришли, рассказали. Я тоже похвастался, полагая, что ему будет приятно узнать о моем поступлении в политехнический институт, да еще с пятерками. Абрам Ильич покачал головой и сказал: «Не туда ты поступил».

Среда, 29 ноября 2017

Полный трындец

От постоянного чтения в башке у меня образовалась полная каша. Вместе с тем стали вырисовываться смутные очертания возможного будущего. Я начал писать стихи, куда-то их отнес, где было сказано, что в них «что-то есть». Над школьными сочинениями по литературе корпел с большим старанием. Стал играть на школьной сцене в спектаклях. Правда, сцена оказалась еще страшнее, чем парашютная вышка: я трясся как в лихорадке, не чуял под собой ног и однажды в критический момент начисто потерял память, встал столбом – это был полный трындец.

С тех пор я никакую сцену и трибуну, как говорится, «не люблю».

Коллекционирование почтовых открыток – пустяки, но все же. Да, начал интересоваться серьезной музыкой и театром. Короче говоря, стало вырисовываться какое-то общее направление.

И вот этого направления я начисто не видел, о чем и сообщил мне Абрам Ильич.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Четверг, 30 ноября 2017

Утром встаю в шесть и после легкой зарядки и завтрака сажусь за компьютер, читаю или пишу. В восемь просыпается Нина. Я обнимаю ее и говорю: «Нинюшка моя ненаглядная, все б глядел на тебя, моя голубоглазенькая, любимая, драгоценная, сокровище мое, как я люблю тебя, красивая моя, единственная, лучшая на свете, цветочек мой полевой, веточка вишневая расцветшая, не могу налюбоваться на тебя...».

Каждая секунда нашей первой встречи записалась в моей памяти наподобие видеоклипа. Я окликнул ее, она обернулась – на меня смотрят голубые с туманцем глаза... Я люблю ее больше жизни.

Пятница, 1 декабря 2017

Света Полякова

В Самаре у меня появилась подружка, Света Полякова. С ней познакомил меня мой одноклассник Женька Деянов, высокий блондин с длинным шмыгающим носом. Зимней порой мы ходили с ним по дворам и нанимались к старушкам колоть дрова. Настоящих дружеских отношений у нас с Женькой не было, а было нечто, напоминавшее мне Макарчика: тот и другой видели во мне как бы исповедника. Несколько лет спустя именно исповедью Женька Деянов навсегда отворотил меня от себя. Не буду рассказывать.

А тогда была зима, и он позвал меня на каток. Я стал отнекиваться, потому что еще плохо стоял на коньках. Но надо же было когда-то начинать. Женька был с этой самой Светой Поляковой. После первого знакомства он пригласил ее на каток, а я был нужен ему для храбрости...

Какое-то время я стоял с краю в одиночестве, а потом подъехала Света и утянула меня на лед. Я подхватил ее за талию, и мы поехали по кругу. Первый круг, второй... На

Гелий Вишенчук-Вишенька

третьем у меня заломило в лодыжках. Боль была такая, что я запаниковал, а разве можно это показать. Но то, что я сейчас с размаху упаду, не вызывало сомнений. Как раз в этот момент Света Полякова говорит: «Давай посидим», – и мы сели на скамейку. Потом мы прокатились еще раз. Подъехал Женька, но она опять утатила меня на лед. В конце концов Женька заревновал, сунул мне в руку номерок от локера и отчалил. Так появилась у меня подружка.

Света Полякова жила через дом от меня на втором этаже самого красивого дома на Ленинградской улице в квартире с эркером и большим каменным балконом. Трехэтажное здание с надписью В. Л. ЖУКОВЪ на фронтоне украшала богатая лепнина, а балкон смутно намекал на какие-то итальянские или испанские романтические сюжеты.

*Volverán las oscuras golondrinas
En tu balcón sus nidos a colgar.*

Доисторический В. Л. Жуковъ был богатым самарским купцом.

Театральные дела

Света училась в музыкальной школе, в доме было пианино, и она играла для меня школьные пьески. Все мои музыкальные знания и интересы – от нее. Она водила меня на концерты в филармонию и на постановки в драмтеатр (его игрушечное здание само по себе сказка), словом, приобщала к искусствам. Со своей стороны я сколько мог делился с ней своей начитанностью.

Но мое первое знакомство со сценическим искусством состоялось не в Самаре, а во Львове. Мама и Валентина Михайловна (тетя Валя) взяли меня с собой в оперный театр.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Кажется, это была «Наталка Полтавка». Там суетились и бежали по сцене странные люди в красивых, ярких нарядах и все время пели. Я не мог оторвать от них глаз.

После первого акта мы ушли. Наверное, женщины хотели просто посмотреть на интерьер знаменитого театра. Но я сопротивлялся и не хотел уходить. В конце концов театр все-таки пришлось покинуть, но всю дорогу домой я дулся и всячески старался продемонстрировать недовольство: далеко отставал, зависал у витрин, пинал воображаемый мусор под ногами.

Ведро холодной, вкусной воды

После окончания школы я уехал во Львов и до следующего лета мы с моей подружкой переписывались. В Самару шли письма с выражением любви и преданности до гроба. Какие письма приходили во Львов, не помню. Ничего не сохранилось.

На летние каникулы я вернулся в Самару. Были у Светы на даче, провели там целый день вдвоем. Я рассказывал ей какие-то свои и чужие истории. Из колодца вытащили ведро холодной, вкусной воды. Постояли с кружками. Под порывом ветра взлетело платье, показали трусики. Мы оба засмутились. На этом все кончилось. Это был финал.

У Светы появился парень, курсант академии военной медицины. И сама она училась в мединституте. Потом она вышла за этого парня замуж. Некоторое время наши матери обменивались новостями, потом и это заглохло.

Воскресенье, 3 декабря 2017

Сегодня отмечали день рождения Кости. Нина испекла классическую «шарлотку». Завтра нашему сыну исполняется 49. Когда уходили, я сказал ему: «Спасибо, сынок». Спасибо

Гелий Вишенчук-Вишенька

ему. За то, что он таким вырос. За то, что он у нас есть. Мы так любим его.

За столом я рассказал, что когда мы везли по Малекону маленького Костю из госпиталя, где два дня назад он родился, я велел водителю не превышать скорость 50 км. Гадюка (такая была фамилия у водителя) застонал, как от боли, но подчинился.

Порфирьевна

Первое время в Самаре у нас была домработница, маленькая женщина крепкого сложения. Звали ее, как звали тогда в быту таких женщин, по отчеству – Порфирьевна. В Пензе с нами тоже жила крестьянка Терентьевна.

Институт домработницы был выгоден обеим сторонам. Хозяйка освобождалась от забот по дому, а крестьянская женщина сама спасалась от голода и семье помогала. С Порфирьевной мы сдружились. Она была бездетной и очень меня любила. Звала меня по всякому поводу. Утром говорила:

– Еля, вставай. Я пошла за молоком.

Потом у нее обнаружился рак. Она стала плохо себя чувствовать, и в конце концов ей пришлось уехать.

При расставании она сказала:

– Еля, приезжай ко мне в деревню проститься.

Мы обнялись, мне было жаль с ней расставаться, но я не понимал всей серьезности того, что происходило. И не приехал.

Понедельник, 4 декабря 2017

Новые друзья

В моих бумагах сохранилась студийная фотография четверых самарских друзей. На фото запечатлены Славка

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Самохвалов, Валька Муравьев, Эдька Анохин и я. Трое первых были на хорошем счету у Абрама Ильича. Особенно блистал Валька Муравьев. Потом он поступил в физтех (МФТИ) в Москве и впоследствии стал там профессором. И вообще, Валька был отличник (везет же мне на отличников), а кроме того, хорошим другом.

А еще он был музыкален, играл на фортепьяно, и мы с ним пытались под его аккомпанемент спеть старинный романс на два голоса. В то время пение в народе было в основном двух сортов: застольное типа «Ревела буря» или, среди образованных людей, классическое концертное типа «Я встретил вас, и все былое...».

Пение не удалось: мне не хватало ни голоса, ни слуха. Ну, слух какой-то был, а вот голос... Мы посмеялись неудаче и занялись игрой в шахматы.

Разыгрывалась партия на скамейке под яблоней у Вальки на даче. Пока я раздумывал над фигурами, он уходил и вернулся с очень бледным лицом. У него разболелась голова, и его стошнило. Я предложил закончить партию, но он сказал: «Интересная комбинация. Надо закончить». Я согласился, и мы доиграли до конца.

Бесчувственный болв...

Эдька Анохин блестяще успевал в математике, но письменная работа по литературе была для него казнью. На сочинение в классе обычно отводилось два часа и давались две темы по рядам. Эдька сидел за моей спиной, так что тема у нас была одинаковая. В течение первого часа я писал сочинение для Эдьки, потом он переписывал его, а я строчил свое. Так я научился излагать два разных взгляда на один и тот же предмет.

Эдька отличался остроумием и однажды это плохо обернулось для нас обоих.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Ласковое слово

Самара сразу меня поразила своей непохожестью на Львов. Много лет спустя в один из наших с Игорем визитов к маме в Самару произошел такой случай. Мы шли вдвоем к автобусной остановке. Игорь уезжал, а я еще оставался. Буквально ниоткуда вдруг возникла между нами некая личность, явный отморозок, причем под дурью – и сразу с разговором к Игорю. Учужал. В характере Игоря была такая наивная струнка. Не то чтобы все люди у него были добрыми от природы, но ему казалось, что ласковое слово способно обезоружить зло. На все его душевные речи отморозок отреагировал коротко:

– Сейчас я тебя зарежу, если хочешь.

Я примерно представлял себе, чем кончаются шутки такого рода, и сразу включил актера. Войдя в роль, я забыл о самом себе и, видимо, поэтому не запомнил, чем отвлек отморозка, каким-то, кажется, специфическим знанием воровской фени, хоть и примитивным. До автобусной остановки мы дошли в целостности и сохранности.

Ассасин

В Самаре у нас был небольшой земельный участок за городом, несколько грядок картофеля. Я любил ездить туда на велосипеде поливать и окучивать. И вот я жму по пустынной дороге. Вдали возникает грузовик. Быстро приближается, до меня ему метров двести. Едет по своей стороне, но какой-то едва уловимый сдвиг пространства подсказывает мне, что надо спасаться.

Справа высокая насыпь, перемахнуть не получится. Сворачивать влево поздно. Он уже мчится прямо на меня. Мне становится необычно весело. Адреналин. Что есть мочи налегаю на педали. Сейчас, сейчас... Все, давай! Взлетаю на

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

насыпь, борт грузовика – пшух! – мимо уха, я падаю на дорогу грудью, локтями, ладонями.

Разрываю майку надвое, перевязываю окровавленные ладони и разворачиваюсь обратно, домой. Мало не показалось. Меня трясет. Я злорадно улыбаюсь.

Следующая Молодогвардейская

Мы с Эдькой стояли на площадке парадного подъезда нашего дома на Ленинградской, и мимо нас по улице куда-то торопилась группа из четырех парней серого типа. Они не просто торопились, они бежали, и Эдька с его остроумием не утерпел и крикнул им вслед:

– Следующая Молодогвардейская!

Тут же последовал поворот все вдруг, и Эдьке жестко прилетело по физиономии. Видно, парни в самом деле торопились, так что мы легко отделались. Было обидно, конечно. Но мы хотя бы не струсили и не убежали.

А вот один из нас все-таки осмелился и ответил. Славка Самохвалов был такой себе увалень и с виду ленивец. Он все делал неторопливо, обстоятельно, с умом. И еще он не мог терпеть несправедливость.

Однажды летом он возвращался на барже с пляжа и увидел, как какие-то серые в кепках приставали к девушке. Славка подошел и посоветовал им оставить девушку в покое. Совету они последовали, но когда все стали сходить с баржи на пристань, в толпе пырнули его ножом в живот. Хорошо, что во-время подоспела скорая.

Прощайте, друзья! Я закончил свой рассказ. Спасибо вам за то, что вы были. Без вас тускло было бы вообще на этом свете.

НЕ ТУДА

Вторник, 5 декабря 2017

Ну, тогда нате!

Распрощавшись с Самарой, я вернулся в родной город Львов начинать новую жизнь. Позади школа, а что впереди? Игорь встретил меня на вокзале, мы запрыгнули в трамвай и поехали. Я сказал: «Куда мне теперь, не знаю». Слева проехало здание политехнического института, и Игорь говорит: «Как куда? Сюда!» – и ткнул пальцем. Сюда так сюда, какая разница, подумал я и согласился. Вот дурак-то.

То же самое, только другими словами, сказали в приемной комиссии, когда заглянули в мой аттестат (потом эти слова повторит Абрам Ильич): «Не туда поступаете, молодой человек». Но это меня только раззадорило: туда или не туда – это мы еще посмотрим.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Игорь закончил политехнический с отличием (он все делал с отличием, иначе не мог) и его пригласили в институтскую лабораторию, где он еще студентом участвовал в научных разработках. Его необыкновенные способности в сфере точных наук даже на элементарном уровне проявлялись, например, в том, что он знал на память всю что ни на есть таблицу логарифмов. Поэтому на его родном радиотехническом факультете очень заинтересовались еще одним вдруг появившимся Вишенчуком. Игорь привел меня к декану и тот заверил меня, что если я сдам экзамены на тройки, то могу рассчитывать на химический факультет, где всегда был недобор. Ах, так? Ну, тогда нате!

Какого хрена я туда поперся!

И я начал набирать пятерки. Вступительных экзаменов было четыре. Первый был самый легкий: диктант. Piece of cake. Второй – физика. В общем, вторая пятерка. Потом была химия. Этот экзамен запомнился. Рядом со мной перед страшной дверью в экзаменационную стоял бледный как смерть паренек из Белоруссии. Он хотел что-то спросить у меня, но не смог выговорить, только постучал зубами.

Химия в школе нагоняла скуку и криком кричала о своей ненужности. Но учительница мне нравилась. Молодая химичка с ее тонкой натурой сильно страдала от шума и разговоров в классе, но так как ее авторитет среди нас равнялся нулю, то на ее просьбы прекратить бардак никто не обращал внимания. Из-за этого противоречия она частенько падала в обморок.

Как-то так получилось, что во многих эпизодах этой драмы Эдька Анохин играл центральную роль. «Анохин, прекрати! Анохин!» – и бац в обморок. Анохин же первый и приводил ее в чувство. Эдька, между прочим, был красивый

Гелий Вишенчук-Вишенька

парень.

Да, так вот. На последнем уроке химичка продемонстрировала на доске две задачки и сказала, что они, возможно, будут фигурировать на вступительных экзаменах в вузы в качестве дополнительных вопросов вне программы. И эти вопросы, сказала она, как раз могут стать решающими для оценки. На пару минут я включил внимание и запомнил задачку.

И как же я был прав. Она-то и попалась мне на экзамене. А между тем на мою третью пятерку легла тень несчастного паренька из Белоруссии. На его муки мученические нельзя было смотреть без ужаса. Он так и не смог справиться с собой, продолжал трястись и на вопросы экзаменатора отвечал невнятицей. Я думаю, у него просто жизнь сломалась после этого.

С каждой новой пятеркой лицо Игоря светлело все больше. На кафедре стали говорить, что появился еще один талантливый Вишенчук. Последним был экзамен по математике. Накануне я перелистал учебник, и к вечеру в голове как-то само собой утряслось все многочисленное математическое воинство. Я повеселел и взялся за раздел высшей математики. А впрочем, ну ее к чертям... и бросил. Короче говоря, меня приняли на РТФ (радиотехнический факультет). До электроники страна в то время еще не доросла.

Но какого хрена я туда поперся!

Среда, 6 декабря 2017

Мой любимый львовский дождик

Конечно, это была глупость. И даже, как утверждает известный афоризм, больше, чем глупость – ошибка. Был ли у меня тогда выбор? Ну да, был, только я о вариантах не думал. Мне не нужна была профессия. Выучиваться на инже-

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

нера или там врача, учителя означало будущую зависимость от государства, от множества условий и обременительных правил, одним словом – рабство. Но я нуждался в интеллектуальной среде, а ее и искать не надо: поступай в институт, любой. Я так и сделал. Стало быть, вопреки афоризму, это все-таки не было ошибкой. А вот глупостью было. Да ведь умные люди мне так и говорили: не туда.

В первый день моего возвращения во Львов мы втроем, Миша, Володя и я, повторили ту давнюю ночную прогулку 1950 года, когда мы закончили седьмой класс и я уезжал в Самару. Новостей было много, мы долго бродили по темным улицам под благословенным львовским дождем, а когда уже стали прощаться, я угодил ногой в глубокую яму, приготовленную для дерева и полную воды, и окончательно промок.

Львов необычно дождливый город. В послевоенное время мы не знали, что такое зонт, защищались подручными средствами – газетой, портфелем, – но чаще ничем. Явиться домой мокрым было привычным делом. Со временем дождь перестал восприниматься как досада или препятствие для прогулок. Во Львове я научился любить дождь, когда он льется на тебя, и не бегать от него.

Валенки и френч

В Самаре я забыл, что зимой не везде так много снега, и захватил с собой во Львов валенки. Утром гляжу в окно: кружатся снежинки. Надел валенки и поперся в институт. Там смотрели на меня как на идиота, но я все еще не понимал: а что тут такого? Понял, когда вышел из здания, расписанного по потолку Яном Матейкой, никогда не носившим валенок. Первый шаг со ступенек – в лужу. И так по лужам прошлепал всю дорогу домой.

А потом еще этот немецкий френч. Напялил на себя и,

Гелий Вишенчук-Вишенька

как ни в чем не бывало, отправился на занятия. Как раз была военная подготовка. Подполковник, бравый вояка, прошедший всю войну, долго присматривался ко мне издали, не мог поверить своим глазам, а когда поверил, отступил к стене для увеличения пространства, и заорал:

– Зеленый! Немецкий! Вон сейчас же! Переодеться!

Посмотрел и отвернулся

А как там получилось с интеллектуальной средой, куда я так рвался? Ребята в группе были замечательные, в основном провинциалы, очень неглупые, целеустремленные, но суховатые, у одного из них даже фамилия была такая – Серый. Правда, у другого наоборот – Король. Словом, технари.

Львовских ребят было, не считая меня, двое. Был Игорь Лавриченко с ярко голубыми миндалевидными глазами. По дороге в институт он заходил во двор нашего дома и свистом вызывал меня. Прогулка пешком до института – это, пожалуй, все, что у нас было общего. Много лет спустя я увидел его в одной из львовских забегаловок в незнакомой компании. Он пустыми глазами посмотрел на меня и отвернулся.

Он знал о моем увлечении Жанной Щербаковой. Я сам рассказывал ему с восторгом об этой девочке. Потом он женился на ней. Но это была ошибка с обеих сторон. У них ничего получилось. Да и не могло.

Артур Земсков

И был Артур Земсков, большой, высокий парень, добродушный и умный, душа компании. Он любил обращаться сразу ко всем и говорить примерно так:

– Ну что, святые отцы, давайте начнем.

В него была влюблена Света Ромашова (правильную фамилию не помню) из нашей группы, рыжая и в веснушках.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Однажды в ходе особенно сумбурной вечеринки он, будучи под воздействием, переспал с ней, а когда опомнился, честно сказал ей правду. Мне он объяснил это так:

– Понимаешь, почувствовал возле себя мясо и не удержался. Противен сам себе.

Света интересовалась моими стихами и нашла у меня поэмку о безответной любви, подумала, что там описана ее история, стала благодарить меня и плакать.

А что по-настоящему окончилось трагически, так это жизнь самого Артура. После института он получил солидное назначение и скоро дорос до директора одного большого и серьезного завода во Львове. Женился, умножил семью, но не прекращал заводить любовниц. У одной из них это и случилось. Оба тупо забыли выключить газ на кухне. Пассия случайно проснулась, сумела добраться до двери и выползти в коридор. У Артура к тому времени уже остановилось сердце.

Суббота, 9 декабря 2017

Завтракали с Костей и Юлей (она приехала на каникулы) в дальнем Cracker Barrel.

Вчера выпал первый снежок.

Света, Эмма и Свирцева

В нашей группе РТ-12 было четыре девочки. Свету Ромашову. я уже упоминал. Вторая девочка отличалась замкнутым характером и неправдоподобно красивой внешностью. Звали ее Эмма Романская. Много лет спустя мы встретились с ней у Жанны Щербаковой на следующий день после смерти Артура. Я отвез ее домой на своем «москвиче». Она жаловалась на здоровье и выглядела устало. Тогда мы, может быть, впервые с грустью посмотрели друг другу в

Гелий Вишенчук-Вишенька

глаза, пытаясь вспомнить то, чего никогда не было.

Наконец, высокая девочка с серыми глазами по фамилии Свирщева. Из уважения к ее серьезному отношению ко всему на свете никто не называл ее по имени.

Жанна

И еще была Жанна Щербакова, кудрявая, с умом и усмешкой в карих глазах. Это была моя девочка, моя веселая подружка, моя учительница английского языка, ценительница поэзии и моих стихотворных опытов, умница, отличница (о, Господи!), девушка моей мечты. У нас сложились вполне романтические отношения. Только из них ничего не вышло, да и не могло выйти, потому что карты обещали мне дальнюю дорогу и совсем другую девушку в далекой жаркой стране.

Жанна намеренно глуповато звала меня КМЗ (Кися Моя Залотая). Ей нравились эпиграммы, которые я придумывал на всех вокруг, веселые стихи и поэмы. Я порядком насочинял их в то благословенное время.

Облачным летним днем без солнца мы забрели на Лычаковское кладбище – нет ничего прекраснее его аллей с развесистыми деревьями, изумительной красоты скульптурами, изящными мраморными склепами. Мы сели на скамейку с тыльной стороны склепа и целовались. Незаметно для нас живое чувство сомкнулось с тайной небытия. Любовь и смерть подошли к нам сзади и взяли за руки.

And I cried a river.

Как через пень колоду, я нехотя тащился через курсовые, лабораторные, зачеты, от одного экзамена к другому и стал быстро обрастать долгами. Преподаватели смотрели на меня с удивлением, не понимая, как можно с отличных оценок скатиться так низко. Но вскоре до них дошло: «На брата ты не

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

похож». Ну, наконец-то.

Заканчивался первый год тяготы в институте. Что-то случилось со зрением. Ослеп. Сидел дома с повязкой на глазах. Каждый день приходила Жанна, водила меня по комнате. И случилось мне в сплошной темноте задуматься: что я делаю? На руках у меня оказался академический отпуск, нужно было начинать все сначала.

Понедельник, 11 декабря 2017

Digitus Impudicus

Жизнь пошла наперекосяк. Все мои друзья знали, что где-то там за горизонтом есть желанная цель, и все, что они делали сегодня, отвечало интересам этой отдаленной цели. Чертежи, расчеты, схемы, октант, швеллер, мартенсит-троостит – все эти «химии-мумии-антимонии» нагоняли тоску, но из вот таких тоскливых подробностей, как из кирпичей, должно было сложиться, и складывалось, здание будущего. Учиться, чтобы работать. Я хотел другого: учиться, чтобы не работать.

После моего возвращения во Львов с нами на Яблоновского некоторое время жил наш двоюродный брат Владик Пластиков. Пока я был в Самаре, у Игоря квартировала семья нашего дяди Вячеслава Степановича Пластикова, полковника артиллерии. Потом по службе его перевели в Николаев, куда он переехал вместе с семьей. А его сын Владлен (Владик) успел поступить в политехнический на отделение архитектуры и остался.

Осталась и теща Вячеслава Степановича, бабка Машталова, которая запомнилась тем, что у нее на правой руке не сгибался средний палец. Тогда мы еще не знали, что у этого

Гелий Вишенчук-Вишенька

пальца есть название – *digitus impudicus*. Бабка Машталова невзлюбила меня из-за кофе. По забывчивости она перепутала сахар с солью, а потом эти помои подсластила: не пропадать же добру. Вкус получился тошнотворный, и я отказался пить. Игорь вышел. Вот два разных характера. Один не хотел обижать старость, а другой увидел тут попытку насилия и не уступил. Нахал, конечно.

Владик был довольно развитым парнем двумя годами старше меня. Он серьезно интересовался оперой, классической музыкой, сам хорошо пел и устраивал у нас дома заседания клуба любителей классики. Потом он переселился в студенческое общежитие и с тех пор мы мало общались.

Клуб поэтов

Но до той поры я уже успел сдружиться с двумя студентами с архитектурного. Павло Мамалыга и Зенек Пидлисний, как и я, оба пробовали себя в поэзии, они на украинском, я на русском. Павло играл на гитаре, сочинял музыку и замечательно пел. У него был красивый и сильный голос. Чувствовалось, что он музыкально одарен, и поэзия его была сильная, живая.

Павло бросил институт и уехал к себе домой в Залещики. Его гнал прочь затхлый советский дух учебного заведения.

Такой же советский дух подействовал и на моего друга-приятеля Ярослава Притуляка. В 1956 году, после вступительных экзаменов в университет, еще до начала занятий нас отправили в колхоз, в деревню Александровку под Кировоградом (ныне Кропивницком, прощай, совок). Нас поразила там жуткая нищета. Мы расселились по хатам и увидели уже самое дно, умирание рабов. На следующий день

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Ярослав сказал мне, что возвращается в город. Я попытался отговорить его, сказал, что ему грозит отчисление из университета. Он ответил, что ему все равно, а смотреть на этот ужас, до которого довела людей советская власть, он не может. И уехал.

Летом 1961 года мы с Павло случайно встретились на улице в Черновицах, откуда я собирался ехать дальше в Испас. Была середина дня, мы зашли в парк, сели на скамейку и до вечера беседовали. Я рассказал ему, что с сочинительством давно покончил, а теперь на два года делаюсь школьным учителем. У Павла новостей было больше. Он спел вальс собственного сочинения, потом голосом изобразил часть симфонии и, конечно, прочитал множество стихов. Рассказал, как его гнобят в союзе композиторов. Типичная советская история таланта, раздавленного на корню. Мы распрощались, выразив надежду на новую встречу. Больше мы не виделись.

Много стихов

Зенек уговорил меня поехать с ним на каникулы в Калуш, городок под Львовом, к его родителям. Поедем, говорит, проведем неделю в спокойной обстановке и напишем много стихов. Приехали, сели ужинать. На столе борщ, гуляш с картофельным пюре и грибами, соленые огурцы, говяжий язык в сметане, яблочный пирог, чай. С тяжелыми животами отправились в комнату Зенека, сели на диван и заснули. На следующий день с утра то же самое, и днем, и вечером – от стола к дивану и обратно. Стихи не складывались, вообще не хотелось думать ни о каких стихах. За неделю мы потеряли остатки мозгов, зато вернулись во Львов с круглыми морда-

Гелий Вишенчук-Вишенька

ми.

Двадцать лет спустя Зенек навестил меня в Одессе. Теперь он был главным архитектором города Львова, выглядел солидно, и при нем была какая-то девица невнятного назначения. На меня смотрел сверху, обсуждал со спутницей архитектурные детали зданий, прямо говоря при мне, что «он» этого не понимает. Пожаловался на какую-то свою болезнь, смертельную, которая в любую секунду могла его убить. Как будто хвастался этим.

Не буду гадать, сколько он еще прожил. Что с ним было дальше, не знаю.

Вторник, 12 декабря 2017

Down by the Riverside

А из каких кирпичей строил я свое здание? Суть моих рассуждений укладывалась в две короткие фразы: хрен знает что! Пора с этим кончать.

Удивительно, как за год-два может измениться человек и даже целое поколение. В новом окружении я уже был другим, совсем другим. Решил быть как все. Никаких стихов. Никаких выкрутасов типа «Одиночки». Забудь о себе, не отличайся ничем. Плюнь на все и забудь.

Новые друзья оказались хорошо продвинутыми. Шахматы, преферанс (пулька)... это само собой, но совка уже начала теснить Америка. Пожалуй, больше всех джазом увлекался Крах (Слава Маренков), черноволосый паренек с синими глазами. Он хватал первый попавшийся предмет и молотил им по столу в такт музыке. Down by the Riverside. Разобрать слова было трудно, и он на ходу переиначил их на русский лад: «Давай бери, бросай». У него был самодельный магнитофон, на него он записывал все, какие попадались, джазовые вещи.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Нездешние миры

Это было начало того времени, когда в мою жизнь начали входить Луи Армстронг, Элла Фитцджеральд, Дейв Брубек, Фрэнк Синатра, Дюк Эллингтон, Нат Кинг Коул, Глен Миллер... а немного позже новые книги – Хэмингуэй, Скотт Фитцджеральд, Кафка, Герман Гессе... «Волшебная гора» Томаса Манна взбудоражила меня описанием такой пронзительной любви, какую я не встречал даже, скажем, у Достоевского, разве что только у Стендаля. Я сразу и навсегда погрузился в фантастическую, невероятно притягательную мешанину из музыки и литературы других, нездешних миров.

Обычно мы собирались дома у Краха или у Вовочки. У Краха был отчим. Проходя в свою комнату мимо нас, он ни разу не произнес ни слова и не посмотрел в нашу сторону. Он не был сердит – просто такая манера. Мать Краха угощала нас вкусным картофельным супом и крестьянским хлебом с маслом.

Вовочка был высокий белобрысый парень с заплывшими глазами. Он отличался умом (и в науках, и в жизни), иронией и язвительностью. Вовочка и Крах постоянно сражались, кто кого переиронизирует. Крах валял дурака: куда, мол, мне недоумку. А Вовочка соглашался: вот именно, кто же ты еще.

Приходил и играл с нами в пульку тощій, как-будто измученный пытками Развалина. Во рту у него обычно торчала сигарета с надписью чернилами: «последняя». Но я не помню, чтобы он когда-нибудь бросил курить.

Вовочка и Гета

Второе место, где мы собирались, была Вовочкина однокомнатная квартира. Его родители переехали в Москву, а он остался. Туда к нам, то есть к нему, обычно приходила Гета,

Гелий Вишенчук-Вишенька

единственная девочка в группе, насмерть влюбленная в Вовочку. Она усаживалась рядом с ним и не спускала с него глаз. На ее присутствие он никак не реагировал, а если считал нужным отвечать на ее слова, говорил, не поворачивая головы.

В такой расстановке ситуация осталась навсегда. После окончания института Вовочка отправился в Тулу. Крах навещал его там несколько раз и рассказывал, что Вовочка живет в однокомнатной квартире, как монах, без телевизора, зато книгами забиты все полки и углы.

Через пять лет все собрались во Львове у Геты. Встреча выпускников прошла, как обычно проходят такие встречи. По общему сговору Вовочку оставили наедине с Гетой и ушли. Что там было, никто не знает. На следующий день, когда на вокзале провожали Вовочку, Гета стояла в общей толпе.

Муррофф и Рымша

Муррофф, или Птица – еще один представитель нашего благородного собрания. Муррофф – это искаженное Муравьев, а прозвище Птица, как объяснил мне Крах, возможно, произошло в результате разматывания цепочки сложных ассоциаций, начинающихся с муравья и далее до пернатых существ, способных летать. (Между прочим, о своем прозвище Крах сам не знал, откуда оно взялось). Муррофф был серьезный парень с благородной кинематографической внешностью, он мог бы придать вес и достоинство любой компании. Его постоянно сопровождала красивая, под стать ему, девушка. На ней он потом и женился раньше всех из нашей компании.

Иногда появлялся круглоголовый, беловолосый Рымша. Он высмеивал наши сборища, но любил бывать у нас,

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

наблюдать за нашей игрой в карты или шахматы. Он жил в шикарном доме на улице Герцена, как раз напротив Володи Малюка. Иногда нам не хватало денег и тогда мы с улицы вызывали его условным свистом. Он выходил на балкон и с четвертого этажа бросал нам деньги.

Ему подсказывали!

Самаркин был мастером спорта по шахматам. С какой стороны он был вхож в нашу компанию, я не запомнил. Приходил он не часто, но каждый раз вызывал ажиотаж и сильное желание выиграть у него партию. Он давал нам фору вплоть до ферзя, но выиграть у него было невозможно.

Однажды мы всей гурьбой отправились на шахматный турнир посмотреть, как он играет серьезные партии. К началу турнира он не явился, а пришел где-то минут за пять до конца своего времени. Его противник, не потерявший ни секунды, встретил его улыбкой победителя. За свои пять минут Самаркин с блеском разгромил его. А тот, увидев нас за его спиной, заорал: «Ему подсказывали!»

ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР

Среда, 13 декабря 2017

Все равно валяется

Поначалу решение «быть как все» действовало. В общем потоке учебного процесса я еще держался. Но сколько можно мотать себе душу! Ведь сказано было: не туда. Значит – не туда. Уехать куда глаза глядят, начать все сначала. Перетащить свои проблемы в другое место. Это гениально! Сколько я ни раздумывал, ничего не получалось.

Помог Валентин Власов, бывший одноклассник Игоря. Ни с того ни с сего он принес и подарил мне двухтомник учебника английского языка для заочного обучения (сказал, что все равно валяется). Учебник я взял с собой в Самару.

Летом собралась в Выползово, деревне по ту сторону Волги, большая компания. Был Игорь, приехали Лева с Таней, тетя Аня с собачкой Акбаром. Я вставал раньше всех, с восходом солнца, и брался за учебник. За лето я выучил его наизусть. Совершив этот замечательный подвиг, я понял, куда мне надо.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

В августе я стал студентом филологического факультета Львовского университета.

Филолог.

Ну, что – теперь туда или не туда? А хрен его знает. Во всяком случае нужно было как-то оправдывать отставание, хотя бы финансово. За академические успехи (это было не трудно) получил повышенную стипендию.

Отличник.

Обзавелся учениками. Откликнулся на просьбу ехать в дальние, заброшенные села возмещать там отсутствие учителей (кроме меня, никто туда не хотел). Возвращался только на экзаменационную сессию. Вот это мне было по душе – много свободы.

Воскресенье, 17 декабря 2017

Вчера вечером позвонил Костя, сказал, что они с Лилей хотят заехать к нам и поздравить. Oops! Оказывается мы с Ниной забыли свой праздник: 55-летний юбилей. Приехали с большим букетом красных роз. Спасибо, дети, мы вас очень любим.

Нашу первую встречу я могу в любую минуту вспомнить до мелочей. Эти глаза с легким туманцем – как их можно забыть? «Да, это я». «Да, пожалуй. Раз уж так получилось».

Ярослав Пригуляк

Учебный процесс начался в конце октября. А еще до начала сентября нас всех отправили в колхоз. В поезде моим соседом оказался Ярослав Пригуляк. Мы сразу нашли друг друга. Чтобы никому не мешать и чтобы не мешали нам, мы вышли в тамбур и там за разговорами простояли всю дорогу, кажется, около тысячи километров. Ярослав рассказал мне свою историю. Ему было 16 лет, когда его взяли прямо на

Гелий Вишенчук-Вишенька

уроке в школе. Преступление: националистические стихи на украинском языке. Долго пытали, били, уже потерявшего сознание бросали на ледяной цементный пол одиночки. В итоге у него нарушилась речь и начались эпилептические припадки.

После приговора его отправили в лагерь где-то в районе Воркуты. Там его взял под свою опеку заключенный, бывший генерал, латыш. Он обучил Ярослава философии и английскому языку. У способного ученика оказалась феноменальная память. В тамбуре он декламировал мне в оригинале стихотворение ИФ Киплинга, цитировал целыми кусками Спенсера, Канта, Ницше... Говорил он медленно, с трудом выговаривая слова, но красиво строил фразы, и высказывал странные, незнакомые мысли. Я слушал его как замороженный.

Александровка

В украинском селе Александровка нас расселили по хатам. Мы с Ярославом оказались в хате, где не было семьи, а жил один больной хозяин. Он умирал от рака, лежал, не вставая, и от невыносимой боли все время кричал. Его койка почему-то стояла прямо у двери, и ночью я приходил и сидел около него с кружкой воды в руке. От его криков спать я не мог. Иногда хозяин на короткое время успокаивался и тогда говорил, что я добрый хлопец.

На второй день Ярослав заявил, что уезжает. Я пытался его отговорить, напомнив, что это грозит ему отчислением, но он, выслушав меня, сказал, что все равно не может смотреть, как власть убивает его народ.

В Александровке действительно было невесело. Жителей осталось совсем мало, особенно молодежи, а та молодежь, что уцелела, к вечеру напивалась вусмерть. Один из них ни с

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

того ни с сего ткнул меня ножом в живот. Но обошлось. Рана была неглубокой. Сам он испугался и убежал.

На улице было светлее, чем дома. Девчата собирались у хаты на краю села и пели одну и ту же песню:

Наши окна друг на друга
смотрят вечером и днем.

С оружием в руках

Как я и думал, Ярослава отчислили из университета. Но наши встречи продолжались. Он приходил ко мне и мы подолгу беседовали. Он говорил о своей ненависти к кагэбэшникам, о том, как он каждый раз, когда бывает у них, высказывает им это в лицо. Однажды он пришел в сильном волнении и сообщил, что собирается перебраться через границу в Венгрию, присоединиться там к восставшим и с оружием в руках бороться против коммунистов.

На какое-то время он пропал, потом неожиданно мы наткнулись друг на друга на Академической. Он выглядел плохо, в глазах дым, как после припадка, смотрел на меня искоса, сказал: «Тебе куда?» Я махнул рукой: «Сюда». Он показал в другую сторону: «А мне туда». И мы разошлись.

После этой странной встречи Ярослав навсегда исчез из моей жизни. Игорь сказал мне о нем: «У всех твоих новых друзей с головой обязательно что-то не так». Может быть, не надо было мне рассказывать ему о Ярославе.

Понедельник, 18 декабря 2017

Оглушение согласных

Кафедрой английского языка на факультете заведовал Пимен Гордеевич Зеленский. Солидный такой дядя, внешне как бы повторяющий свое имя-отчество. Он был ветераном

Гелий Вишенчук-Вишенька

и инвалидом без правой руки, потерянной на войне. Английского языка он не знал, но старался показать обратное. Его секретарша целыми днями выстукивала на пишущей машинке десятки экземпляров опуса Pedagogical Dictionary of the English Language. Он сам состряпал его, выписывая из толстых словарей статьи типа book, pen, pupil, lesson и пр., и собственноручно раздавал студентам. Зайдя в один прекрасный день в туалет, он обнаружил там в куче мусора все свои замечательные труды.

Пимен Гордеевич был наивным человеком. Когда в аудитории раздавался смех, он не прочь был посмеяться вместе со всеми, не понимая, что смех мог быть вызван не его остроумием, а как раз наоборот. На лекциях он излагал ахиною, придуманную им самим, с нелепым названием вроде «Лингвистические способы грамматических употреблений» или «Марксизм и грамматика».

В русском языке, разъяснял он студентам, видя в них третьеклассников, звонкие согласные оглушаются в конце слова: «Например, возьмем слово ДУБ. Пишем так, а произносим ДУП. А как узнать? Берем родительный падеж и убеждаемся: ДУБА. Значит, Б, а то бы мы говорили ДУПА». Раздавался громкий смех. Пимен Гордеевич тоже смеялся, полагая, что незаметно для себя где-то сострил. Во Львове только он один, наверное, не знал, что означает слово dupa.

А хто Львова не шанус,
най нас в дупу поцілює.

Ради богов бессмертных

Но по другим предметам уровень преподавания был нормальным, а иногда и очень высоким (у профессора Рудницкого на его шекспироведении), но для меня этот

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

момент не был критическим. Одни предметы не предлагали мне ничего нового, другие не представляли интереса – я их игнорировал.

На лекции профессора Лурье по античной литературе собирався поток из нескольких групп. Я редко там бывал – материал был мне знаком, хотя сами лекции нравились. Говорили, что на экзамене Лурье был страшен: вскакивал и начинал ходить. Ходит, ходит, как тигр в клетке. Но я думаю, что студенты боялись не столько профессора, сколько его предмета. Сельским парням и девочкам чужды и непонятны были все эти Ахиллы, Аяксы... Кто-то из них однажды жену Одиссея назвал Антилопой.

На экзамене он сначала поспрашивал меня о Сократе, потом речь зашла о древнеримской поэзии. Когда я сказал, что Гораций мой любимый поэт, профессор вскочил, прошелся туда-сюда по комнате, сел и спрашивает:

- А можете что-то назвать?
- «К Лидии», например.
- А прочесть строчку-две?
- Да, вот:

Ради богов бессмертных,
Лидия, скажи, для чего ты Сибариса губишь
страстью своей?

Профессор опять вскочил, сел и пододвинул к себе мою зачетку.

Подводя итоги экзаменационной сессии в общей аудитории, он поднял меня и, подражая Понтию Пилату, сказал:

– Смотрите – вот человек. С ним можно говорить об античной литературе.

Мне было неловко. Простое знание не есть достоинство,

Гелий Вишенчук-Вишенька

да и не с кем мне было соревноваться: у кого еще античная литература была детской книжкой?

That Hamilton Woman

За все пять лет мы так ни разу и не услышали живой английской речи. Спасались только фильмом *That Hamilton Woman*. Ну, хоть это, и то ладно. Великолепный Laurence Olivier увлек меня настолько, что я выучил наизусть всю его речь на заседании парламента.

Lord Spencer, gentlemen,

You are celebrating a peace with Napoleon Bonaparte. Peace is a very beautiful word as long as the impulse of peace is behind it. But, gentlemen, you will never make peace with Napoleon...

И далее до конца.

Не считая передач BBC, доносившихся до меня сквозь помехи на коротких волнах радиоприемника, по этому аудио из фильма я учился британскому произношению. А еще была повесть *The Hunter* by James Aldridge – тоскливая тяготица, наводящая тихий ужас. Эту книжку мы трепали очень долго и все равно я не помню ничего, кроме того, что одинокий охотник все время бродил по лесу и у него была там хижина, или не было.

Вторник, 19 декабря 2017

Из тьмы времен

В университете появились новые друзья. Контингент в основном девичий и сельский. Из восточных областей Украины был простой парнишка Петро Зорило, белолицый, черноглазый, с фиолетовыми, прямыми, как проволока, волосами. Мы сошлись с ним на наших деревенских детствах

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

и любви к труду.

В колхозе нужно было по доскам перетаскать мешки с зерном на верхний настил амбара. Усилия требовались немалые. Слава Головановский, Юра Савчук, коротышка Федя Кузик, который, как шутили про него, сидит на перевернутом ведре, свесив ножки, и Женя Крижевич наотрез отказались корячиться с мешками. Но не хозяин же мой умирающий должен таскать эти мешки. И мы с Петро взяли за дело: один мешок, второй, третий. Ну, и парни тоже оторвали свои задницы от ведер.

Из тех, кого я здесь называю, никого, наверное, уже нет. Но пусть их имена еще раз прозвучат, а их лица возникнут в моей памяти, выглянув на секунду из тьмы времен.

Был еще паренек по фамилии Капустянский. Имени не помню, его затмила фамилия. Нет, вспомнил – Семен. У него, как видно, с рождения сложилось унылое лицо, а потом еще прибавилась благостная поза: руки он держал, сцепив на груди, как для молитвы. Полковник, преподаватель военного дела, всерьез звал его Монастырским, думая, что правильно запомнил.

Среда, 20 декабря 2017

Сегодня утром был у врача. Nurse practitioner Lacie Roddy поменяла мне катетер и удостоила похвалы: «Your urine looks good». Еще раз процедура повторится в середине января, а 19 февраля новая урологичка Kumber Habenicht сделает операцию на простате. Фамилия немецкая и дословно означает Неимущая.

Средневековая лестница

Петро Зорило и Женя Крижевич вдвоем снимали каморку на верхнем этаже дома номер 21 (Каменица Домбровского,

Гелий Вишенчук-Вишенька

семнадцатый век) на площади Рынок. Две узких койки, тумбочка под небольшим квадратным окошком – больше ничего поместиться там не могло. В каморку вела явно средневековая деревянная лестница, ступеньки под ногами взвизгивали, как от боли, и опасно шатались.

В этой каморке мы пару раз устраивали вечеринки. Женя прилично играл на гитаре и пел блатные песни. Он был хорошим парнем с большими светло карими глазами и слегка вислым носом. При нем непременно была девица, каждый раз постоянная и навсегда. В последний раз была симпатичная Зирка. Когда мы надолго застревали в каморке, она приносила еду.

Петро не отличался талантами артистического плана, но обладал харизмой содружества. После каморки он стал на постой у немолодой разведенки, согласясь с ее условием спать с ней, когда она захочет. Но, кажется, своего счастья он в этом не видел.

После окончания университета связь между нами прервалась. Петра Зорило я навсегда потерял из виду. Кажется, он уехал в Целиноград (нынешнюю Астану).

Женя Крижевич некоторое время учительствовал на Вольни, потом вернулся в свой родной Киев, написал сборник стихов «Журавли над городом» (это было время литературных «журавлей», «подснежников» и «черемух»), перевел на украинский язык несколько книжек американских авторов, в том числе Fahrenheit 451 Рэя Брэдбери, и неожиданно ушел из жизни в 48 лет.

Четверг, 21 декабря 2017

Американская выставка

В июле 1959 года Крах, Муррофф, Вовочка, Рымша и я отправились в Москву на американскую выставку – она долж-

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

на была открыться 25 числа. Два дня мы бродили по ресторанам и кафе и шлялись по павильонам ВДНХ, не пропуская ни одной забегаловки, пока у меня не кончились деньги. Я уехал в Самару, а Крах обещал прислать мне приглашенный билет на выставку, как только он сумеет его как-нибудь раздобыть. Билет он прислал «до востребования», но я забыл сходить на почту, и так получилось, что на выставку я не попал, о чем до сих пор жалею. А может, и нет.

Целина

Осенью я отправился с добровольцами на Целину. Мы прибыли в Петропавловскую область (туда, где был арестован отец). Сначала жили в палатках около индивидуального сортира с одной дыркой в полу. Сортир очень пригодился, потому что у многих сразу же по прибытии началась дизентерия.

С нами на Целину решилась ехать смелая девочка Лора. Что ей пришло в голову, не знаю, но поехала она среди мальчишек одна единственная, и надо отдать ей должное, вела себя на равных. На дверях сортира крючков не было. Лора рванула на себя дверь, а там сидит студентик по фамилии Мушак. Лора от неожиданности говорит:

- Это ты, Мушак?
- Да, я. А ты кого хотела увидеть?
- Не тебя. Давай вали отсюда.

Было предложено две опции: складывать стога или идти копнильщиком на комбайн, где плата была вдвойне, хотя и работа тоже. Я пошел в копнильщики, остальные – к стогам. Меня увезли далеко в степь и поселили в заброшенном доме без мебели, с выбитыми окнами и дверью, с соломой и окурками на грязном полу.

Рано утром, перед самым рассветом меня забирал грузо-

Гелий Вишенчук-Вишенька

вик и мы неслись по полям. В пути я успевал замерзнуть, и кружка горячего чая за завтраком была очень кстати. Потом начиналось. Я стоял на мостике копнителя, куда непрерывным потоком сыпалась солома. Моя обязанность была вилами разбрасывать солому равномерным слоем и не допускать перенаполнения, иначе забьется транспортер. Ничего особенного. Но вилами нужно было шуровать во всех концах копнителя, центр тяжести уходил слишком далеко, к тому же просто одна секунда промедления грозила катастрофой, то есть остановкой комбайна.

В самом низу копнителя была железная заслонка, которая должна была открываться под тяжестью соломы, но не открывалась, от слова никогда. Что делать? Я вставал на перила мостика, с размаху бросался в копнитель и вместе с копной вываливался на землю, причем получал по башке чувствительный удар этой заслонкой. Я вскакивал, стремглав несся догонять комбайн, взлетал по ступенькам на мостик — и все начиналось сначала.

Владимир Войнович в «Автопортрете» описывает свой опыт копнильщика на Целине во всех этих деталях, и эта заслонка у него там тоже есть. Мы где-то рядом работали и даже могли мимоходом встретиться.

В полдень привозили обед: большая миска жирного рыжего борща со шматом сала. На второе огромный кусок вареного мяса с перловой кашей или картошкой. На третье — кружка полусладкого взвара. Ну и ломоть черного хлеба. После тяжких трудов я был так голоден, что, ни о чем не думая, кроме как поскорей наестся, быстро запихивал все

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

это в себя. Сразу же начинали слипаться глаза, по телу растекалось неодолимое желание заснуть. Но нет, бегом на мостик, вилы в руки – и вперед.

Холодный ветер

Бывали минуты блаженства – это когда бункер полон, а грузовик еще не подъехал, чтобы забрать зерно. Минут 10-15 обвального сна. Как раз в такие минуты случались трагедии. Соседний комбайнер заснул на теневой стороне копны. А у шоферов было развлечение: налететь и перескочить через копну. Грузовик переехал сонного комбайнера передним, а потом задним колесом. До больницы его не довезли.

По дороге в ночлежку я давал себе клятву: утром не вставать и никуда не ехать. Около 4-х часов утра раздавался крик бригадира: «Подъем! По машинам!» Я вскакивал и вспоминал о клятве, когда в ушах уже свистел холодный ветер.

На Целине я заработал 100 рублей. Купил маме кофточку. Я также увидел, куда девается целинный урожай. Много сторают на токах или сбрасывается с баржи в Иртыш.

«На диком бреге Иртыша»... Иртыш в том месте течет ровень с берегами – идешь, идешь по земле, и вдруг вода.

Кончилась работа на Целине. Обрато в город ехали по степи на ледяном ветру в открытом грузовике. Я уже терял сознание, когда наконец мы прибыли на вокзал. Нам подали специальный поезд с купейными вагонами, а проводники встретили нас с распростертыми объятиями. Их служебные кабинки были забиты ящиками с водкой. Некоторые из нас оставили в этом поезде весь свой целинный заработок. Да и какой он был-то, этот заработок.

THANK YOU, Mr PORTNOY

Пятница, 22 декабря 2017

Лимна

В селениях западных районов Украины, особенно вблизи польской границы, критически не хватало учителей, никому не хотелось туда ехать, в условия отнюдь не уютные. Мне предложили Лимну (большое село в Турковском районе на самой границе). Была осень 1960 года.

В Лимне я поселился в пустующей сторожке в два окна. Переднее окно выходило в заброшенный сад, а с тыльной стороны под вторым окном по камушкам перекатывался Днестр – он тут только начинался как небольшая речушка. Ночью я засыпал под его журчание. В сторожке был чердак с сеном.

Дом директора школы располагался на другом краю сада, а метрах в пятидесяти далее по дороге стояло двухэтажное здание средней школы села Лимны. Был директор школы, была его жена – они преподавали историю, географию и другое гуманитарное. И была молодая девочка, выпускница Львовского университета, с английским языком. Все остальные предметы достались мне.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Бросай это дело!

Утром младшие дети приходили в школу босиком, поэтому не было слышно, как в класс входили опоздавшие. Опаздывать я не запрещал. Босиком приходили и в октябре, и в ноябре. Люди жили бедно. В некоторых домах не было мебели, дети готовили уроки на колоде.

На занятия вечерней школы приходила старшая молодежь. Уставшие после работы парни и девчата смотрели на меня сонными глазами. Я раскрывал им секреты математики в доступной форме так, чтобы они не испытывали мучение, ну и давал домашнее задание, хотя знал, что это глупость. Каждый раз выяснялось, что домашнее задание никому осилить не удалось, и тогда я брал задачку и показывал решение на доске под удивленные возгласы:

– Та Гелій Михайлович! Як це ви здогадалися?

Едва ли не каждый вечер в класс врвался хорошо набравшийся сельский врач и требовал прекратить учебный процесс:

– Бросай это дело! Никому не нужно. Идем выпьем.

Так как это случалось уже не раз, ребята знали, что делать: брали врача под микитки и выводили на дорогу, чтобы шел домой. Никогда ни при каких других обстоятельствах и ни в каких других местах я его в Лимне не встречал ни до, ни после этого. Прятался он, что ли?

Деревянные яблоки

В выходные дни я шел в буфет и брал полстакана венгерского бренди Chain Bridge и сырое яйцо местного производства. Ничего другого на полках в буфете не было, если не считать каких-то несъедобных на вид консервов. Пытаюсь вспомнить, что за пицца была там у меня. Бренди и яйцо в буфете – это в выходные. Иногда удавалось выловить в

Гелий Вишенчук-Вишенька

Днестре форель. Груши с одичавших деревьев: я забрасывал их на чердак в сено, и там через несколько дней они превращались в деликатес. Яблоки в саду были деревянные, ну, как дерево, – с таким же успехом можно грызть письменный стол. В сторожке была печка, я жарил на ней яичницу, рыбу и еще, наверное, где-то брал картошку и другие продукты. В общем, питался.

Человек с ружьем

Во дворе у директора был курятник, вернее никакого двора и курятника не было, а просто вокруг дома жили куры, и директор с женой, стало быть, ели курятину. К себе он меня не приглашал, но я сам видел, как однажды он вышел из дому с ружьем и прицелился в петуха. Первый выстрел вышел неудачным, петух заорал и скрылся в поленнице. Директор стал разбирать дрова, но петух опять вырвался. Расправа завершилась только после третьего выстрела.

Вечером в субботу я шел в клуб. В основном там были мои ученики. На сцене играл оркестрик: скрипка, сопилка и тамбурин. Все, в том числе и я, становились в круг, положив руки друг другу на плечи, и начинали вращаться в одну, потом в другую сторону, размахивать ногами на месте и опять вращаться. Можно предположить, что такое круговое вращение – древнейший вид танца, когда ловкость и изящество не были целью и не проявлялись индивидуально, нужно было только продемонстрировать единство и общую решимость выжить.

Корзинка лисичек

Лимна расположена в долине. Вокруг стоят горы, пусть невысокие, но их высоты достаточно, чтобы утром и вечером загоразивать солнце. В долине довольно холодно. Зато

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

очень красивый вид во все стороны: зеленые склоны гор и на них, как игрушки, стоят смереки (местные ели). Здесь не строят мосты, а просто кладут поперек Днестра бревно. Это устройство так и называется – «кладка». Пройти по кладке непросто, нужна сноровка и привычка. Навестить меня с одновременной проверкой приезжал инспектор областного отдела народного образования с преподавательницей лексикологии из университета. Эта преподавательница (очень жалею, что не запомнил ее имени) была замечательным человеком, живым, знающим, с острым языком, с военной биографией. Я провел гостей по Лимне, и надо было (не очень надо, но мне так захотелось) пройти через Днестр по кладке. Лексикологичка быстро пробежала на ту сторону, а инспектор после первых двух шагов дальнейший путь проделал на карачках.

На склонах гор каждое утро выскакивали все новые и новые грибы лисички. В последний мой день приехала мама. Я писал ей восторженные письма, и ей самой захотелось посмотреть на невиданную красоту. Мы увезли с собой корзинку лисичек.

Суббота, 23 декабря 2017

Учитель средней школы

Весной сдуру опять отправился в село, но в другое, где-то восточнее Львова, названия не помню, да я и пробыл там всего пару недель. Кажется, какие-то Глыняны, что ли, потому что там действительно было много глины. По дороге в школу приходилось руками вытаскивать обувь из глубин раскисшей от дождей земли.

Как назло, все было устроено так, что мелкие раздражители очень быстро стали превращаться в большую депрессию. Квартирная хозяйка готовила мне тошнотворный завтрак из

Гелий Вишенчук-Вишенька

яиц, жареных на сале. Ночью вместо одеяла предлагалась перина, чистое мучение: укроешься – жарко, откинешь – холодно. И помывка, и стирка производились в тазике с водой, причем вода была перенасыщена солями, от них волосы превращались в липкую белую массу. Унылые лица учителей, учительская в тоскливых плакатах – от всего этого хотелось дожидаться какого-нибудь серийного душителя, чтобы он схватил тебя за горло и наконец прикончил. В таком раздрыганном состоянии я задумался о своей дальнейшей судьбе.

Это был год, когда Хрущов распорядился писать в дипломном документе не филолог, не лингвист, а учитель средней школы – в самой этой поправке было что-то унижительное – и отправлять выпускников университета в деревню. И я подумал: а не застряну ли я тут навсегда? Долго думать я не привык, собрал манатки и потопал к автобусной остановке.

А была у меня как раз в ту пору подружка, можно сказать, невеста, Инна Кузьмина, студентка из моей группы. Она присмотрела меня еще года полтора назад. Именно так, присмотрела. У нее были на меня виды. Ей нужно было сделать из меня сначала человека и просто мужа, а потом ученого мужа со степенью. Я не возражал. Мне показалось интересным, что кто-то захотел из меня что-то сделать, а не просто смотрит на меня как на готовую продукцию и этим доволен.

Инеза

Инна была писаной красавицей: шикарные, как у фараоновой кобылицы, черные волосы, (о, эти) черные глаза, непростой взгляд, чуть вздернутый носик, надутые губки – ни дать ни взять голливудская звезда. Все началось с того, что было решено пойти в оперу. Своей одежды я не стеснялся, сошло бы и так, но Инеза (так по «Дону Гуану» я ее называл)

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

потребовала костюм – доставай где хочешь. Я привел ее на улицу Герцена, велел подождать, а сам поднялся на четвертый этаж к Володе Малюку и переоделся в его дорогой серый костюм. Володя был больше меня на два размера. Утонув в его костюме, я вышел на улицу. Инеза даже не улыбнулась, окинула меня взглядом и без эмоций сказала: «Опера отменяется».

Этот случай дал старт новым требованиям к моей внешности. В конечном итоге у меня появились белые сорочки, разноцветные галстуки, коричневый костюм, сшитый в ателье из рекомендованного Инезой материала, коричневое, тоже заказанное в ателье, пальто, желтый шарф (подарок Инезы) и шляпа, присланная из Москвы. Все это очень напоминало мне о моем любимом романе «Мартин Иден».

Но главная задача, поставленная Инезой, была несравненно сложнее: требовалось найти зацепку и остаться во Львове. Сама Инеза, будучи практически человеком, к тому времени уже успела зацепиться. Пару лет она вела кружок английского языка во Дворце пионеров и теперь ей светила работа в каком-то детском учреждении. Все эти замечательные Инезины планы пока что совпадали с моими собственными: я не прочь был выглядеть не бомжом, а приличным человеком, и, хотя деревенская жизнь была мне знакома, привычна и в общем любима, я не собирался посвящать ей всю жизнь.

Воскресенье, 24 декабря 2017

Vodka and Onions

Затруднений с устройством на работу в Интуристе не было. Мне и раньше уже приходилось летом подрабатывать там переводчиком. В основном приезжали украинцы из Канады, а также американцы и гораздо реже англичане. С этими последними проблем не было: я изучал их язык. А вот с теми

Гелий Вишенчук-Вишенька

– были. Две американки, выскочив из van'a, сразу бросились ко мне с вопросом, где тут можно купить vodka. В их произношении я это слово просто не узнал. Только после того, как они стали объяснять, что в Америке бутылка водки стоит целых 5 долларов, а у нас она считай даром, я все понял. Те же американки потребовали от меня, чтобы я показал им onions. Пришлось их разочаровать: «луковок» во Львове не было.

Женщины заплакали

Были студенты из Мичиганского университета, холеные, коротко стриженные ребята. Бросалось в глаза различие цивилизаций. Они просто выглядели другими существами. Я привел их на Высокий Замок и показал Львов с птичьего полета. В свою очередь студенты мне рассказали, что Западная Украина в 1939 году была не добровольно присоединена, а самым наглым образом захвачена. Будучи советским человеком, я равнодушно выслушал новость. Вечером студенты собрались в сквере между оперным театром и памятником Мицкевичу и хором на хорошем русском языке спели нашу патриотическую «Скажи-ка, дядя».

Группа американских украинок, попросила меня показать им дорогу к собору Святого Юра. Когда мы все подошли к воротам собора, женщины заплакали.

A Dime Coin

Приезжал мистер Портной, высокий, худой старик, миллионер. Он сказал мне, что болен и, перед тем как умереть, решил навестить родные места. Во Львове у него оказалось так много родственников, что от них мы оба в конце концов устали. Я возил его по городу в лимузине, и каждый раз надо было решать, кого из них забрать, а кого оставить, потому

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

что сразу все в автомобиль не влезали. При расставании мистер Портной вручил мне монетку в 10 центов и сказал, что с такой монеткой он когда-то начинал свою карьеру и уверен, что и у меня получится. Duh!

Мне все равно

В Интурист пришла бумага из деканата с угрозой судебной расправы в случае, если я не буду немедленно уволен. Делать нечего. Против лома нет приема.

Пришлось прибегнуть к плану Б: филиал Академии наук. Там меня знали по моим переводам, и сразу приняли на работу, фиктивно зачислив инженером. Утром зачислили, а к вечеру прямо ко мне домой прибежала испуганная дама, заведовавшая там отделом кадров, и сказала, что вынуждена меня уволить из-за бумаги, поступившей из деканата. Кто же так быстро на меня донес?

Членам комиссии по распределению я сказал, что выбирать село из их списка не желаю, пусть они делают это сами, мне все равно – повернулся и ушел.

На церемонии выдачи дипломов корочки я взял, но руки декану не подал, спрятал за спину. Глупости, конечно. А что было делать?

Как что? Поджечь себя. Выброситься в окошко.

Записочка не помогла

Село, куда меня сослали на два года, называлось Испас, это Вижницкий район Черновицкой области.

Лексикологичка, однажды смело перебежавшая по кладке через Днестр, дала мне записочку к своим знакомым из Областного отдела народного образования в Черновицах. В записочке содержалась просьба отпустить меня с миром. К знакомым я пришел, записочку вручил, но радушного прие-

Гелий Вишенчук-Вишенька

ма не заметил. Велено было прийти за ответом вечерком. Вечерком я пришел, постучался, подождал на скамейке, постучался еще раз и ушел. Записочка не помогла.

В Черновицах я немного побродил по городу и случайно встретил своего дружка Павла Мамалыгу. Мы обрадовались друг другу и после долгого разговора неохотно расстались. Как оказалось, навсегда.

ПРОСТИ – ПРОЩАЙ

Понедельник, 25 декабря 2017

Скоро, скоро я уеду и вернусь в любимый город не раньше чем через десять лет, да и то ненадолго. Львов я не узнаю, он покажется мне чужим и враждебным.

Вчера мы в неполном составе собрались у Андрея и Славы на Brass Lantern Way в их большом красивом доме и отпраздновали Рождество. Змиевские (Том, Поля и малютка Катя) остались у себя в Провиденсе. С нами была одна Юля.

Слава приготовила утку, картошку в укропе, печеные яблоки, маринованные грибы, салат из свежих огурцов и авокадо, жареные перцы и зукени, клюквенный соус к утке и прочие мелочи. Было вкусно и все хорошо наелись.

Рождество 2017 года запомнится уткой и веселыми семейными разговорами.

Вчера весь день лил дождь.

Среда, 27 декабря 2017

Илья Ватрич

В Вижнице по дороге в Испас я зашел в книжный магазин и обнаружил там редчайшую в то время книгу Керама «Боги, цари и ученые». У меня просто руки затряслись. Это была такая же удача, как приобретение «Истории» Геродота и «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле в тоскливых книжных киосках на вокзалах и в аэропортах. Эти три книги я потом повсюду возил с собой.

В Испасе я квартировал у Ильи Ватрича. Мне отвели каморку, примерно два на полтора метра, с окном, выходящим в яблоневый сад. Вкусные яблоки можно было срывать с веток прямо из окна. Вместо кровати – дощатые нары, покрытые простыней. Жестко, но терпимо.

У Ильи была жена Василина, маленькая дочка Катерина лет пяти-шести и его больная мать, никогда не слезавшая с печи. Илья был молодой человек с веселым характером. Он любил рассказывать о своих амурных похождениях с соседкой, раскручивая интимные детали. Василина, тоже не лишённая чувства юмора, посмеивалась.

С советской властью Илья, как и все жители села, мирился, но не признавал ее, игнорировал и смеялся над ней. Партийные руководители назначили его комсомольским лидером, и он согласился, какая разница, хоть самым генеральным секретарем, но дали отбой, увидев, как на храмовый праздник он нахально выходит с народом из церкви.

Старший брат Ильи Алексей с оружием в руках воевал против «советов», в начале 50-х был схвачен и отправлен на 25 лет в Сибирь. Он вернулся домой в 1956 году по хрущевской амнистии. Как-то раз он пришел хмурый, достал из кармана черного пальто бутылку водки, и мы сели за стол. Выпили, поговорили о том о сем, Алексей взглянул на меня

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

и говорит:

– У ті роки я б тебе поставив до стінки.

– За що? – спросил я, хотя уже знал ответ.

– А ні за що. Ти добрий хлопець, але ж ти москаль.

Был еще один брат, младший, он подорвался на mine и его разнесло в клочья. Илья рассказал, что мать, не говоря ни слова, обмыла кровавое месиво, а потом залезла на печь и с тех пор оттуда не спускалась.

Жеребец лорда Нельсона

В приятельских отношениях с нами был также председатель сельсовета лорд Нельсон. Я дал ему это прозвище из-за черной повязки, которой он прикрывал отсутствующий глаз. Лорд Нельсон разъезжал по селу в коляске, запряженной вороным, похожим на мифического зверя жеребцом. Я пожелал прокатиться в этой коляске, но жеребец не согласился и сразу затащил меня в кювет.

Еще до того как взяли и увезли в Сибирь Алексея Ватрича, лорд Нельсон уже прятался в погребе и от своих, и от чужих, не веря ни в какие милости ни от какой власти. Сам он считался погибшим, но семейство продолжало исправно прирастать младенцами. По этому признаку его вычислили и достали из погреба.

Четверг, 28 декабря 2017

Вышли мы все

Иван Иванович Зрютин был единственным, я не в счет, русским человеком в Испасе. В 1944 году его, тяжело раненого, оставили тут умирать. Но он не умер, поправился, осмотрелся и решил остаться. Ему приглянулась юная дочь хозяев, которые его выходили. Он женился, появились дети, четверо мальчишек. Сам он был родом из деревни под

Гелий Вишенчук-Вишенька

Ульяновском, каждый год ездил туда к родне, но вообще по ней не скучал. Говорил он на языке пиджин, смеси 50 на 50 русского и местного украинского. От родины у него остались две пластинки с революционными песнями «Вышли мы все», «На бой кровавый», «Смело, товарищи» и пр.

Однажды мы с Иван Иванычем и директором школы хорошо накатили. Лорд Нельсон отвез нас в своей коляске на заброшенное футбольное поле под горой, где стояла трибуна для приема парадов, которых никогда здесь не было. Мы взбирались на эту трибуну и произносили речи. Пока речь произносил один, трое других стояли внизу и, открыв рты, слушали ахиною, которая неслась сверху. Я говорил: Lord Spencer, gentlemen...

Христина

В Испасе у меня появилась девушка. Ой, а как же невеста во Львове? Отвечаю: не знаю.

Ну, скажем, не девушка, а замужняя женщина лет двадцати, по-молодому красивая. Звали ее Христина. Мужу, школьному завхозу, было за 50. Как случился этот неравный брак, я не спрашивал, не мое дело.

Христя заведовала сельской библиотекой, а я первым делом по приезде поперся туда за книгами. Там и состоялось наше знакомство, сразу переросшее в нечто большее. Мы обнимались и целовались среди книжных полок в соответствии с высокими идеалами великих романов о любви, пылившихся на этих полках.

Прошло три месяца, и вдруг повестка из военкомата. Мне предлагалась служба в армии в должности переводчика в Ташкентском общевоинском военном училище, куда уже прибывали для обучения кадеты-иностранцы. Повестка вызвала во мне знакомое веселое чувство перемен. Я подумал

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

и решил резко развернуть свою жизнь в другую сторону. В прошлом году после военных сборов мне было присвоено звание лейтенанта с должностью командира взвода 122-мм гаубиц – вот и пригодилось.

Надо сказать об этом два слова.

Фелек Зданкевич

Сборы проходили в сосновом бору под Бродами. Чудесное место. Ночевали в палатках, а днем возились с артиллерийскими орудиями: 45-мм противотанковыми и 122-мм гаубицами. Было много тяжелого физического труда, например, затаскивание 56-мм орудия на вершину песчаного холма, поросшего соснами. Тем большее удовольствие доставляло посещение бани, куда мы ходили строем с веселой песней:

Felek Zdankiewicz był chłopak morowy,
przyjechał na urlop sześciotygodniowy.
Ojra, tarira ojra, tarira ojra,
tarira raz, dwa, trzy.

Наш командир, подполковник, каждый раз требовал только эту песню. Прохожие останавливались, услышав эхо времени, которое закончилось у них в 1939 году.

Первые две строчки запевал Александр Савицкий, студент классического отделения (латынь и греческий), загадочная личность. Он был гораздо старше нас всех, смотрел сверху и бахвалился тем, что в прошлом был солистом Венской оперы. На праздничных концертах в университете он действительно исполнял какие-то ариетки, пока однажды не пустил петуха. Впрочем, пел и после этого. Он изображал из себя то ли кушца, то ли аристократа из романов Достоевского

Гелий Вишенчук-Вишенька

и однажды в ресторане заказал «полбутылки» вина (у Достоевского это означало бутылку емкостью пол-литра). Официант пожал плечами и принес наполовину опорожненную бутылку.

В палатке, кроме меня, был Юра Савчук и еще двое ребят. Как-то раз зашел у нас разговор об Украине и я высказал свою точку зрения, на что один из них окрысился на меня и заорал:

– Таких, как ты, расстреливать надо.

Что за напасть! Куда ни повернись, всюду расстрел. На следующий день этот патриот залез в заброшенном саду на черешню, засунул себе в рот горсть ягод вместе с осой и получил укус в щеку. Щека раздулась и разболелась, губы запылились. Парень качался взад-вперед и мычал от боли. Получай что заслужил.

Пятница, 29 декабря 2017

Пройдет несколько дней и я покину Испас, отправлюсь в далекую азиатскую страну. Что там, кто там меня ждет? Все мои мысли – о будущем. Но никак не отпускает Львов. Все мои привязанности – там, все мои приятели – там, все самое дорогое – там. Я даже не смогу ни с кем проститься. Много лет не увижу ни брата, ни друзей, ни дядю Павлушу, ни тетю Валю.

Балакнотик

Дружба с Мишей Каряевым и Володей Малюком, пока я был во Львове, в основном продолжалась в своеобразной форме прогулок по городу. В кондитерской на Академической мы покупали дешевые конфеты в бумажном пакете и ходили по улицам, рассуждая обо всем на свете, неважно, о чем.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Такие разговоры не оставляют никакого следа в памяти, ну разве что случайные мелочи. Володя учил нас хорошо пережевывать пищу, а Миша рассказывал, что соседский мальчишка смешно коверкал слова и говорил, например, «балакнотик». Нет, Володя еще страдал нас рассказами об ужасах в анатомичке мединститута, где он учился.

Дома у Володи было полное собрание сочинений нашего любимого Чехова. Мы раскрывали книгу, читали вслух и разыгрывали сценки. А у Миши играли в шахматы, но без Володи: у него были другие пристрастия, на такие пустяки он время не тратил.

Игоревы друзья

У Игоря были любимые места питания и любимые блюда. Ресторан «Бристоль» днем предлагал дешевые обеды с упрощенным меню: суп, котлетки и прочее. Пока это было, мы ходили туда. Вообще, с общественным питанием во Львове дело обстояло более или менее прилично, был выбор.

Но больше всего Игорю нравилось ездить в Брюховичи, где была настоящая классическая чебуречная. Поездки туда обычно сопровождались возлиянием.

У него были свои друзья: Анатолий Кретов, Борис Усатов, Юзевич, Педанич, Соголовский, Валентин Карпенко, Валентин Власов, других не помню. Из этого списка я хорошо знал двух.

Валентин Карпенко

Валентин Карпенко закончил испанское отделение львовского университета, и ему по причине непригодности приобретенной профессии пришлось заново поступать в политех. Таким образом он проделал кульбит, подобный моему,

Гелий Вишенчук-Вишенька

только в обратном порядке. Он научил нас с Игорем петь детскую песенку на испанском языке, и она с первого раза навсегда стала нашей любимой застольной:

*De colores,
De colores se visten los campos en la primavera.*

Валентин женился на хромоножке и очень ее любил. Перед свадьбой он попросил меня перевести для нее на русский язык стихотворение Густаво Адольфо Беккера:

*Volverán las oscuras golondrinas
En tu balcón sus nidos a colgar...*

В память об их беззаветной любви привожу перевод, который я тогда для него сделал:

Построить гнезда на твоём балконе
вновь ласточки весною прилетят
и крыльями, как молниями, в окна,
играя, застучат.

Но только тех, что здесь тогда кружили,
запоминая наши имена,
тебя в цветах и нас, таких счастливых, –
их не вернет весна!

Вновь зеленея, жимолость густая,
в твоём саду ограду обовьет
и легкий аромат цветов и листьев
по саду разольет.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Но капли той росы, что трепетала,
как слезы ночи, в утренних лучах,
те слезы на цветах... они сверкают
теперь в моих глазах.

И будут вновь перед твоим балконом
слова любви и петь, и говорить.
Не устояв пред ними, твое сердце
проснется, может быть.

Но я любил любовью несказанной,
я словно видел образ божества
и понимал: уместно лишь молчанье
и ни к чему слова.

Валентин Власов

Он был сначала одноклассником, потом однокурсником и наконец шурином Игоря. Они были друзьями немножко странноватыми. Игорь иронизировал по поводу философских умонастроений Валентина и считал его отвлеченные рассуждения белибердой. А Валентин был глубоким интровертом и не замечал его иронии, хотя в конце концов все-таки стал больше обращаться ко мне, чем к нему. Баня была нашим излюбленным местом бесед. Там, когда мы сидели на мраморной скамейке с мочалками в руках, наши слова приобретали особый смысл и глубину. Игорь в наших разговорах не участвовал, он предпочитал взбираться на верхнюю полку в парной и хлестать себя березовым веником. После бани мы шли в пивную. Беседа продолжалась. Игорь отделялся молчком.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Суббота, 30 декабря 2017

Неожиданные способности

Он вообще любил помолчать. Мы с ним настолько хорошо знали друг друга, что почти не разговаривали, общались посредством телепатии, предпочитая обходиться без слов.

Валентин время от времени открывал в себе неожиданные способности. Однажды с ним приключилась такая история. Он шел по улице и увидел на противоположной стороне двух своих знакомых: стоя у витрины магазина, они что-то оживленно обсуждали.

Вдруг он почувствовал, что их разговор озвучивается у него в голове. Он пересек улицу, подошел к ним и слово в слово пересказал их беседу.

В туманных далях

Валентин Власов – еще один яркий пример попадания не туда. С годами ему все больше нравилось уступать неожиданно проснувшимся в нем способностям. Он начал писать стихи, однажды прислал мне свою повесть, всерьез занялся живописью и тосковал по настоящим философским дискуссиям. Вот характерный отрывок из его письма мне в Америку в 1995 году:

...после нескольких случаев, меня чрезвычайно удививших своей необъяснимостью, я стал склоняться к вере. Начал читать Библию. Но попались мне в руки и книги по индуистской религии. И меня очень удивило, сколь непохожи эти два вероучения.

Размышления о рае и аде тоже повергли меня в смущение, и получается, что вера, которую я могу иметь, это вера в некое абстрактное верховное существо, вроде того, которое предложили во времена французской революции деятели

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

этой революции. Но тот культ продержался недолго. Жаль, что я не могу побывать в ваших краях и рассеять свои сомнения в беседах.

Он понимал, что употребил свою жизнь на пустые, не имеющие смысла дела. Чувство отчаяния просто кричало в его живописи. На одной из картин он изобразил смерть с косой в руках и убегающего от нее человека. Валентин пожаловался мне в письме, что жена не разрешила ему повесить картину над кроватью.

В его стихах – те же уныние и безысходность. Вот его «Последний шанс»:

Не упусти свой шанс, он больше не придет.
Теченьем времени его мгновенно отнесет
Подальше от тебя... бесповоротно.

В душе твоей останутся следы,
И, может, навсегда запомнишь ты
То, что уж больше не вернется.

Сомненья червь тебя начнет точить.
Он, развиваясь, вечно будет жить.
Тебе останутся лишь сожаленья.

Они с годами будут горше и острее,
А жизнь твоя год от году мрачней.
В туманных даях лет лишь сумрак остается.

После защиты кандидатской диссертации Валентин устроил благодарственное ресторанное угощение двум своим оппонентам из Одесского политехнического институ-

Гелий Вишенчук-Вишенька

та. Он чувствовал себя неловко и для нормализации атмосферы пригласил меня. Встретились, сели за стол. Оппоненты принялись обсуждать свои дела, не обращая на нас ни малейшего внимания. Выжрали всю водку, плотно поели, встали и ушли. Тогда мы виделись с Валентином последний раз.

Золотая звезда

А родственником он стал нам после того, как из Москвы к нему в гости приехала красивая, веселая, только что расцветшая кузина Аида и вышла замуж за Игоря. Тут начинается долгая и запутанная история, от описания которой я, пожалуй, воздержусь.

В то время во Львов, вслед за Жорой, приехала его сестра Римма с мужем Володей Сухачевым и двумя детьми, Олей и Юрчишкой. У Володи на груди сияла золотая звезда Героя. Всю войну он летал, сбрасывая бомбы на немцев. Несколько раз его сбивали.

А Римма была метеорологом на том же аэродроме, где был он. Там они и познакомились. Володя рассказывал, что от страха под обстрелом он избавлялся пением блатной песни «Гоп со смыком».

Граждане, послушайте меня.

Гоп со смыком это буду я.

Он знал ровно 100 куплетов этой песни и демонстрировал это нам на наших застольях у дяди Павлуши. Потом Володя и Римма уехали в Москву.

Признак сильного человека

Пан Таддей и пани Зося уехали к себе в Польшу, и с дядей Павлушей остались двое старых друзей: Петр

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Константинович Астахович и Михаил Федорович Кравченко – два осколка досоветского мира, который погиб, исчез, был затоптан, истреблен, выжжен и развеян по ветру.

Петр Константинович был георгиевским кавалером, летчиком, пилотом, летал в одной эскадрилье с Нестеровым, автором «мертвой петли».

Мертвая петля. Jesus, когда это было?

В 1915 году под Бродами был сбит самолет Нестерова.

А Петр Константинович обнаружил себя в центре исторического водоворота. Он говорил:

– Павлуша – мой друг и единственный человек, с кем я могу говорить откровенно, по душам. Я остался один. Все, кого я любил, погибли. Моя жена исчезла, превратилась в лагерную пыль. Я вернулся из ада, и не знаю, зачем я живу.

Признак сильного человека – чувство юмора. Петр Константинович не просто обладал чувством юмора, было еще какое-то неожиданное изящество в его манере обыгрывать ситуацию. Приходя с Михаилом Федоровичем в гости, он, бывало, говорил, обращаясь к Валентине Михайловне:

– Не серчай, графинюшка, мы пришли со своим: спирт и селедка.

Пупсик

Михаил Федорович был немного другим. Во-первых, он был не в своем уме. Во-вторых, он не был сумасшедшим, он просто себя так вел. И в-третьих, у него было прозвище Пупсик.

«Пупсик» – название оперетки, написанной в 1912 году немецким композитором Жаном Жильбером. Эта совершенно нелепая вещь пользовалась бешеной популярностью в период первой мировой войны и благодаря своей исключительной глупости была предана полному забвению в

Гелий Вишенчук-Вишенька

последующие годы.

Михаил Федорович был, кажется, единственным человеком в мире, способным воспроизвести ее по памяти от начала до конца. Я уверен, и на полном серьезе считаю, что был удостоен чести, когда присутствовал при исполнении уникальных куплетов:

Все Пупсиком прозвали
меня уж с малых лет,
И все кругом считали –
меня милее нет.
Но я над всем смеялся,
мне было все равно,
как вдруг любовь прокралась
в сердечко и мое....

Пупсик, как хорошо с тобой.
Пупсик весь мир пленил собой.
Пупсик, мой милый Пупсик,
Горю огнем.
Гимн любви с тобой споем.

Петр Константинович Астахнович, человек сказочного мужества и благородства, и Михаил Федорович Кравченко, фейковый умалишенный на манер Гамлета, – прекрасные люди забытой эпохи. От них я узнал, что величие характера может сопровождаться не только мудростью, но и безумием. Я счастлив, что они позволили мне почувствовать мистический туман навсегда исчезнувшего мира.

Дядя Павлуша обладал поэтической душой и ангельской харизмой. Он был объединяющим центром, с ним вся троица обретала гармонию и законченность. Условно говоря, это

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

был классический расклад: один как бы олицетворял трагедию, другой – комедию, а третий – поэзию.

Вдруг появился дядя Алексей Вишенчук. Он приехал на несколько дней из Сухуми повидаться с братом. Я видел его всего один раз: тонкие черты лица, серые глаза и общее впечатление тайны. Я не мог отвести от него глаз. Братья спели песню, то ли украинскую, то ли польскую, известную им смолоду. У дяди Алексея был красивый голос, об этом мы знали давно от дяди Павлуши. Затем дядя Алексей исчез так же таинственно, как и появился. Больше о нем я ничего не слышал.

Воскресенье, 31 декабря 2017

3 Гори на Долину

Большое село Испас делится на две части: Долину и Гору. На Горе живут гуцулы, а в Долине русины. Коля Новосивский, еще один призванный военкоматом школьный учитель, собирался, как и я, в Ташкент. Он был человеком семейным – жена, маленький ребенок – и жил на Горе. Там у него и состоялись проводы. Стол накрывали несколько раз, обновляя угощение вместе со скатертью. Засиделись за полночь. Пелись коломийки:

Ой, як з Гори на Долину я до тебе зйду.

Ой, надійся, файна любко, я до тебе прийду.

Было уже часа два ночи, когда мы начали спускаться по узкой тропе с Горы домой. Я шел впереди, за мной Христя с мужем-завхозом и молодой учитель труда. Было темно, Христя споткнулась о камень и едва не упала. Я подхватил ее,

Гелий Вишенчук-Вишенька

и она обняла меня за шею. Всю дорогу я нес ее на руках. Христя дышала мне в щеку и шепотом просила взять ее с собой, увезти ее отсюда. Когда мы пришли, я опустил Христю на землю, сам обнял ее, сказал, что люблю. Нет, не врал. За моей спиной завхоз переминался с ноги на ногу.

На следующее утро я простился с Ильей и Василиной, а Христя ждала меня на пороге своего дома. Мы обнялись. Пролились слезки. Христя нашептала мне на ухо много горьких и нежных слов, и мы расстались.

ПОЛКОВНИК ТРЕУМОВ И ЕГО ЛЮДИ

Понедельник, 1 января 2018

Скоро, скоро мы встретимся, я с нетерпением жду этой встречи. Я уже в Ташкенте, вышел из вагона. Стою на перроне, холодно, идет снег. Какое сегодня число? 14 ноября 1961 года, вот какое. Новая жизнь. Новое время, время шестидесятников.

Устройство саперной лопатки

Нас согнали, почти в буквальном смысле, со всех концов нашей необъятной родины в Ташкент, где открылось военное училище для курсантов из Ганы, Сомали, Анголы, Сирии, Индонезии. Боря Зенин приехал из Сибири, Тургун Ощураунов – узбек, Жакен Калиев – казах, Эдик Эмиров – дагестанец, Ильдар Галиев – татарин, остальных призвали из Москвы, Ленинграда, Одессы, Львова. Мы должны были синхронно переводить весь тот бред, который несли наши военспецы на занятиях по строевой подготовке, саперному делу, артиллерии и прочим военным дисциплинам.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Вся эта затея выглядела убого и примитивно, а главное – бессмысленно. Ну, на фига африканцам шагистика, устройство саперной лопатки, окопов и землянок и давно устаревших орудий, типа сорокопяток. Потом на родине у них будет только одно веселое занятие – носиться на джипах по дорогам и палить во все стороны из калашникова. Или совершать дворцовые перевороты.

Вторник, 2 января 2018

Египет

Переводчики – ребята колоритные. Младший лейтенант Грачев в класс заходить боялся, ничего не знал. Поручили ему строевую подготовку, где не нужно ничего знать. Но и тут он умудрился сказать так, что колонна по команде «кругом, марш!» остановилась и потопаала задом наперед. Трусливость и бездарность Грачева были оценены по достоинству, и его отправили переводчиком в Египет.

Между прочим, меня тоже чуть не отправили в этот самый Египет. Вообще, Египет был одной из мечт, мечтаемых советским человеком. Вот откуда можно было навезти кучу всяких тряпок, да еще купить на бесполосые сертификаты, равные долларам, «Волгу» – распрекрасный советский автомобиль.

Между тем в настоящую минуту мне стало немного страшно: а вдруг бы я уехал из Ташкента. Кто пришел бы тогда под дерево? Кто повел бы Ниноку в кино? С кем бы она смотрела «Крестоносцев»? Нет, пусть все остается как есть.

На Египет было две кандидатуры: Боря Грешнихин из Горького/Нижнего Новгорода и я. Мы поехали в Москву, прошли собеседование в министерстве обороны и получили добро. Через пару месяцев пришел вызов Грешнихину, и он уехал. Мне ничего не пришлось и со временем дело заглохло.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Но просочились сведения из КГБ и мне ребята сказали, что дело затормозили из-за каких-то моих высказываний.

Среда, 3 января 2018

Не хочу и не буду!

Наш командир полковник Треумов всех нас записал и принял в партию. Глупость, конечно, однако жалеть мне об этом не пришлось. Без партбилета не было бы заграницы. А позднее в Одессе именно членство в партии помогло мне избежать ее навязчивого присутствия у меня на работе. Там я сам распоряжался этим делом по своему усмотрению.

Боря Зенин – добродушный сибирский увалень с красными глазами, любитель накатить. Он тоже не был большим знатоком иностранных языков, но хотя бы старался исправить положение. Я дружил с ним. Боря Зенин – честная, открытая душа.

Не все мы задумывались о своей дальнейшей судьбе. Служба в армии резко изменила нашу жизнь, и многим хотелось просто посмотреть, что будет дальше. В числе этих жаждущих был и я. Из Испаса я рванул, как со старта на стометровую дистанцию. Хотелось начать новую жизнь, неважно какую. Даже с Инезой я не попрощался. Да и хорошо бы ей вообще забыть обо мне, так я думал.

Но были и те, кто протестовал. Особенно красочно свое недовольство разыгрывал лейтенант Пруссаков. Он срывал с себя погоны и топтал их с криками:

– К чертовой матери! Не хочу и не буду!

Это не помогло. Увольнению не подлежал никто.

Бесплатный секс

Другие просто демонстративно игнорировали свои служебные обязанности. Москвич Барашкин прибыл в училище

Гелий Вишенчук-Вишенька

пряником из Анголы с чемоданом заграничного барахла. Выглядел он точно, как барашек или ангелок, что резко контрастировало с его буйным, шальным характером. Первую ночь его койка в нашем офицерском общежитии пустовала. Утром он появился во дворе училища, открыл кран с водой и подставился под струю. Заграничный пиджак на нем был разодран вдоль всей спины. Не ночевал он и во вторую ночь, а утром повторил ту же процедуру, только на нем был другой пиджак, заляпанный грязью. В третий раз он появился среди бела дня во время десятиминутного перекура, когда курсанты и преподаватели вышли во двор. Перед нами резко остановился автомобиль, открылась дверь, высунулась голова Барашкина. Голова крикнула:

– Эй, ребята! Давай поехали. Бесплатный секс.

В глубине салона мотались лохматые прически. Обождав с полминуты, Барашкин захлопнул дверь и укатил в облаке пыли. Перекур закончился.

Через пару дней лейтенанта Барашкина посадили на поезд и отправили в Москву.

Разоблачение клеветника

Шарышкин – рафинированный интеллигент из Санкт-Петербурга. Военную фуражку он носит в руке, согнутой в локте, а приветствие отдает кивком головы. Под мышкой у него зажат томик «Идиота» Достоевского. Ежемесячно в получку он покупает билет на самолет и отправляется к себе домой. А перед начальством цинично оправдывается необходимостью посещения библиотеки.

Гэбешники перехватили письмо, где он сравнивал порядки в училище с Аушвицем, и созвали собрание офицерского состава с целью разоблачить клеветника.

Но разоблачение двинулось не в ту сторону. Мы сразу

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

стали дознаваться, каким образом письмо попало в чужие руки, и возмущаться слезжой. В тот период «оттепели» такое было возможно. Кончилось тем, что лейтенанта Шарыпкина тоже посадили на поезд и отправили куда-то поближе к Санкт-Петербургу.

Абсолютный чемпион

Но уволиться никому не удалось. Особенно крепкие ребята ударились было в запойное пьянство. Нет, бесполезно. Пьянство в армии – норма.

Лейтенант Володя Горлашкин, москвич, пытался добиться увольнения по статье психического расстройства, но в госпитале был признан симулянтом. Он, между прочим, обладал одной уникальной способностью. Мы стояли с ним в солдатском туалете и писали, вдруг он сказал:

– Слушай.

И оглушительно пукнул. Я удивился, а он заверил меня, что в этом деле является абсолютным чемпионом и лучше с ним не соревноваться.

Вася!

Вообще, это было сборище самых разных характеров: умников и балбесов, людей чести и жуликов, сексуальных маньяков и девственников.

Лейтенант Пруссаков, тот самый, который срывал с себя погоны, женился на проститутке. Он начитался Достоевского и решил, что брак – это такая воспитательная мера. Но жена подумала, что это поощрение, и на другой же день привела в дом клиентов, а мужа стала бить.

Лейтенант Хрижановский откровенно наслаждался тем, что армия избавила его от каких бы то ни было обязанностей и забот. Его грела мысль о возникшей вдруг ниоткуда воз-

Гелий Вишенчук-Вишенька

возможности прожить жизнь, ничего не делая. После занятий он ложился на койку, смотрел в потолок и ни с кем не разговаривал. Самоликвидировался как личность.

Лейтенант Климин работал с группой офицеров из Ганы, поклонников президента Кваме Нкрумы. Ребята были воспитаны в традициях британской колонии и жаловались на плохие условия, грязные удобства и отсутствие туалетной бумаги. Они привезли из Ганы пластинки с чудесной туземной музыкой, и он похитил их любимую песню. Они знали, кто это сделал, но воришка продолжал честно смотреть им в глаза.

Лейтенант Котов (фамилию точно не помню) не мог дня прожить без женщины. Об этом прямо говорила его внешность, напоминавшая портрет Ноздрева из иллюстраций к «Мертвым душам». Каждый вечер он отпрашивался в город на поиски и всегда находил что искал. Возвращаясь однажды ночью в общежитие, он попросился в машину к узбекским парням. Но как только он влез к ним, они, не говоря ни слова, принялись его душить, избивать, оторвали рукава на кителе, выбили передний зуб, вырвали из головы клок волос и выбросили из машины перед воротами в училище. Рассказывая об этом, он возмущался:

– Могли бы хоть сказать, за что.

Младший лейтенант Александров, щупленький паренек с абсолютно черными зеркальными глазами, был патриотом и до мозга костей коммунистом, обличителем инакомыслящих и врагов, которых он видел в каждом из нас, и открыто занимался доносительством. Скорее всего это он донес на меня. За что ему огромное спасибо от всей души, если это в самом деле он.

Лейтенант Юра Шахов, петербуржец, привез с собой огромную собаку породы дог, разгуливал с ней по террито-

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

рии училища и жаловался, что ежемесячного пособия ему не хватает на еду: все сжирает собака.

Лейтенант Вася Мазур был мыслителем. Он не признавал никаких разговоров, кроме как на философскую тему с употреблением имен Канта, Гегеля и Маркса-Энгельса. Это придавало его личности статус самого вменяемого из нас. Он женился на симпатичной девушке секретарше и в конце концов уехал и обосновался во Львове. Мы с Ниной были там у них в гостях. Вася начал разговор с того, что назвал себя самым выдающимся философом в городе, на что его жена, видимо, не в первый раз пресекавшая амбиции мужа, сказала укоризненно:

– Вася!

И вот тут... Вот тут я уже стою под деревом.

SANTA MARIA DEL MAR

Четверг, 4 января 2018

Под деревом

Да, стою под деревом. Это Болотов меня сюда послал. Сказал, что провожал девушку и договорился о свидании, но никак не может пойти: боль в шее, голова не поворачивается, а девушка хорошая. Я сказал:

– У тебя все девушки хорошие.

Болотов говорит:

– Это не тот случай. Я тебя прошу.

Я говорю:

– Нет. С какой стати?

И тут он привел убийственный аргумент:

– Девушка придет, а под деревом никого нет. Представь себя на ее месте.

Я представил и согласился.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

И вот я стою под деревом на центральной площади хлебного города Ташкента и мимо меня быстрым, легким шагом проходит стройная, высокая девушка и сворачивает за угол. Прозевал. Догони. Стоп. Нет. Вернется. Вернулась. Проходит мимо.

– Извините, вы Нина?

Поворачивается ко мне.

– Да.

На меня смотрят голубые с легким туманцем глаза. Нет, нет, такие от рождения. Рассказываю, зачем пришел. Предлагаю поход в кино. «Крестоносцы». Говорят, хороший польский фильм.

– Да, пожалуй. Раз уж так получилось.

Голос доносится, как через шелковую занавеску. Такой голос может прозвучать только во сне. Волшебный шелест волны на пляже Santa Maria del Mar. Заработала химия.

«Крестоносцы»

В фойе кинотеатра жарко, много народа. Выходим наружу. Холодно, но красиво, идет снег. Был январь, кажется. Или все-таки декабрь? Как у Николаса Гильена:

Когда это было, когда это было – во сне, наяву ...

Во сне, наяву по волне моей памяти я поплыву ...

Чтобы согреться, гонялись за трамваями. Из окон на нас смотрели удивленные глаза.

Фильм «Крестоносцы» оказался страшным и прекрасным зрелищем. Меч, вонзенный в землю. Выданные глаза. Месть. В Америке я вдруг решил пересмотреть «Крестоносцев» – это же наш талисман, орифламма, эмблема, символ первой встречи, начало всего. Убожество. Да

Гелий Вишенчук-Вишенька

пусть. Тогда это было ух ты, в самый раз.

Было еще одно свидание, а потом она не пришла. Зима кончилась. Снега больше не было. У Нины умерла бабушка Екатерина Морозова.

Невеста и невестины планы

В апреле 1962 года я взял десятидневный отпуск и отправился во Львов к невесте. Невеста была капризная. С моей семьей знаться не хотела: семья русская, варварская. Исключения удостоился только дядя Павлуша: он, видите ли, произвел на нее благоприятное впечатление.

Относительно конкретно меня Инеза придумала такую программу. Во-первых, отсечь пролетарскую семью и, как из камня, найденного на помойке, вытесать из меня львовского интеллигента. Во-вторых, внушить мне мысль, что без кандидатской диссертации я не смогу чувствовать себя полноценным мужчиной, которым по праву может гордиться любящая жена. Ну, и в-третьих – никуда. Только Львов.

Все эти прожекты были, конечно, чистейшей фигней. Жизнь все расставит по своим местам. И семья будет признана, и ни за какие коврижки я не соглашусь на кандидата наук, и во Львове я не останусь, не получится. Ни в каких планах я не нуждался. Меня вел за собой мой Одиночка. Он уводил меня в степь за горизонт, учил не бояться волков, бросаться с плотины в речку Тобол, спать на полу, питаться лебедой и вообще гонял по белу свету. Что еще за планы? Глупости.

Пятница, 5 января 2018

Обед у Инезы

Меня пригласили на семейный обед. За столом четверо: мы с Инезой, ее мать и отчим. Инициативой сразу завладевает мать. Многие люди, говорит она, не понимают, как важно

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

быть опрятным, соблюдать личную гигиену, не источать неприятных запахов, свойственных животным. Это касается прежде всего женщин, но и мужчины обязаны соблюдать свои правила гигиены. К тому же у таких людей обычно нет никакого представления о застольном этикете, приличных манерах, едят как попало, путают приборы, ведут себя как дикари. Цивилизованный человек должен отличаться от быдла, а большинство как раз им и является.

Слушать эту галиматью было неловко. В таком духе прошел весь обед. На другой день Инеза мне сказала, что матери я понравился, хотя, по ее (матери) мнению, держал себя скованно.

А еще задолго до этого Инеза рассказала мне историю, классический пример стокгольмского синдрома. Во время войны мать с дочерью были депортированы в Германию и переданы в собственность немецкой семьи. В этой семье они прожили три года.

Да, мы были там рабами, сказала Инеза, отбросив анонимность, но это была высшая цивилизация, она многому нас научила. Там мы поняли, что на родине жили среди варваров. Да и сейчас среди них находимся. Нельзя иметь дело с плебсом, хамы должны знать свое место.

Мы договорились, что в июле Инеза придет в Ташкент и мы поженимся. В июле Инеза не приехала.

Хосилот с арбузом

К тому времени у меня уже была своя квартира в Чирчике, это город в 30 км. от Ташкента. Я не хотел, но меня уговорил Болотов: «Тебе что, нравится ночевать в общежитии? Чирчик лучше, чем ничего».

Это правда, лучше. Хотя там были свои прелести. Каждый день давай катайся туда и обратно в «кунге» (армейском гру-

Гелий Вишенчук-Вишенька

зовике). И потом это была не квартира, а тесная комнатенка, хоть и с дверью и окном, но без кухни. Сортир располагался через дорогу – общий, для дам и джентльменов, с четырьмя дырками в цементном полу. У Болотова была такая же комнатка в соседнем подъезде.

Необходимо было хоть немного скрасить это убожество, милостиво предоставленное нам родной советской армией.

Вечером мы привозили с собой пару бутылок сухого вина с названием «Хосилот», каким-то туманным намеком связанным с именем легендарного рыцаря Круглого стола, и арбуз в авоське.

Зацепив за корягу, мы опускали все это в речку Чирчик, бешено несущуюся позади дома. Затем шли переодеваться и, вернувшись, бросались в ледяную воду. Уф! Нужно было сразу хвататься за корягу, иначе унесет, к тому же вода на самом деле была ледяная, ледниковая. А арбуз был уже готов к употреблению, холодный, как из морозилки. И вино было чудесное, рубль бутылка, правда никакого другого в Ташкенте не водилось.

Рыжий ангел

Володя Болотов был из породы жизнелюбов и о своих похождениях рассказывал мне как мудрый наставник своему любимому ученику. Ну, немного выпендривался, это нормально. А по-настоящему он гордился не этим. Он говорил:

– Такой железной анкеты, как у меня, нет ни у кого. Мой отец – литейщик, рабочий Путиловского завода.

Каково же было мое удивление, когда много лет спустя уже в путинские годы он сообщил мне о своей принадлежности к древнему дворянскому роду, прибавив, что недоволен своим старшим сыном Георгием, наплевавшим на дворянскую честь:

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

– Уехал в Канаду и впервые за 400 лет существования нашего рода стал рабочим человеком.

Вот ведь перевертыш. Впрочем, пусть он будет кем хочет.

Володя Болотов – рыжий ангел, посланный ко мне с вестью о Нине. На земле он отличался умом, любовью к женщинам и добрым, самоотверженным характером. К тому же он был храбр. Однажды он на моих глазах спас маленькую девочку, выхватив ее буквально из-под колес грузовика.

К сожалению, ему не удалось построить сердечные отношения ни с сыновьями, ни с женой. Как-то раз он пожаловался, что Любушка больше разговаривает с курами, чем с ним.

Суббота, 6 января 2018

Другая невеста

В августе Инеза тоже не приехала. Требования оставались прежними: нормальная квартира, обстановка, деньги. Я старался объяснить, что ничего к тому, что у меня есть, прибавить не могу. Военная служба не взирает на личности и никому ничем не обязана.

Инеза настаивала: делай что хочешь, но обеспечь приемлемые условия. Наконец я заявил, что если она сейчас не приедет, мне придется подыскать себе другую невесту. В ответ получаю нагоняй: я сам виноват в том, что не справляюсь с обязанностями жениха и не способен решить простую бытовую проблему.

После этого письма я иду к Болотову и говорю:

– С той девушкой я распрощался на автобусной остановке. Ты адрес, где живет, помнишь?

– Ну, да.

– Давай идем.

Так нашла Нина.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Понятно, что ничего у нас с Инезой не могло получиться никак. Не только от сортира с четырьмя дырками, но даже от невинной чирчикской комнатенки у Инезы поехала бы крыша и до конца жизни она вполне справедливо могла бы считать меня злодеем, испоганившим ее светлые мечты.

Что и требовалось доказать

В декабре из Львова в потеках от слез пришло письмо с жалобами, упреками и требованием немедленно развестись. Тяжело было не мне, а Инезе. Легче было читать это письмо, чем писать его.

Прошло время, и она вышла замуж за кандидата наук Бориса Князевского, замечательного, нормального интеллигентного человека с трехкомнатной квартирой на улице генерала Гарнавского. Что и требовалось доказать.

В начале семидесятых мне довелось какое-то время поработать на кафедре иностранных языков Львовского политехнического института. Инеза преподавала там английский язык, а заведовал кафедрой Борис Князевский. Впоследствии мы с ним в некотором роде сдружились. У нас был общий интерес к библейской тематике. Он увлекался апокрифическими текстами, и я из Америки прислал ему сначала полное собрание апокрифов, а потом, по мере появления новых открытий, – два Евангелия, Иуды и Марии Магдалины.

Воскресенье, 7 января 2018

Сон на балконе

Мы с Ниной стали подолгу бродить по улицам, паркам, цветистым узбекским базарам. В общежитие я возвращался поздно, транспорт уже отдыхал, и с далекой окраины в центр

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

города я добирался пешком. Но это расстояние казалось мне слишком коротким, чтобы успеть передумать все свои мысли.

В сентябре было много учений на полигоне, под палящим солнцем. Я приходил на свидание с белой от высохшей испарины спиной. Однажды, дожидаясь Нину у нее дома, уснул на балконе. Проснулся оттого, что на меня кто-то смотрит, и увидел голубые с дымкой глаза.

Платяной шкаф Болотова

Поздней осенью я привез Нину в Чирчик показать, где я живу. Обстановка холостяцкая: коврик на полу, маленький столик, на нем магнитофон с американской музыкой (Джонни Матис, Элла Фицджеральд, Луис Армстронг, Фрэнк Синатра, Пол Анка, Рэй Конниф, Пэтти Пейдж, Нат Кинг Коул, Дюк Эллингтон, Элвис Пресли...), мягкий желтый стул из ГДР и раскладушка.

Навестили Болотова. У него была настоящая кушетка, на которую мы все уселись, и самодельный платяной шкаф, представлявший собой угол комнаты за занавеской. В этот угол он поверх занавески швырял не только одежду, но и всякие другие предметы, мозолящие глаза.

Наивные люди

За разговором мы не заметили, как наступила ночь. Выбежали на дорогу. Мимо промчался автомобиль. Через час нахально проехал пустой автобус. Движения больше не было. Ночь провели, лежа спина к спине на раскладушке. Утром ехали в кунге. На нас посматривали с понятным смыслом. Наивные люди, они никогда бы не поверили правде.

ИТАК, МЫ НАЧИНАЕМ

Черная шаль

А потом я повел Нину на верхнюю террасу гостиницы «Ташкент». Был типичный узбекский солнечный день. Посреди площади разбрызгивал воду (шпендилял, сказала Нина) фонтан, за ним высился ослепительно белый оперный театр Алишера Навои. Написав это, я попросил Нину вспомнить, что у нас там было на столе. Были какие-то блюда, шампанское и конфеты. И еще она вспомнила, что шампанское осталось наполовину недопитым. Жаль, сказал я. Посидели за столиком, поговорили. В общем, я сделал Нине предложение. Я знал, что оно будет для нее неожиданным, и сказал:

– Ты подумай, я буду ждать, сколько нужно.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Нина подумала, и 16 декабря 1962 года мы отправились в загс. Нас приняла простуженная, закутанная в черную шаль молодая узбечка. Она заполнила официальную бумагу, пододвинула ее к Нине и прохрипела:

– Распишитесь, невеста.

Потом повернула бумагу в сторону Болотова, блиставшего серо-голубой парадной шинелью с золотыми погонами:

– Распишитесь, жених.

Я перехватил документ и расписался. Болотов преподнес Нине букет белых хризантем, завернутый, как положено, в газету. С этим букетом были сделаны два снимка: один – мы двое и второй – с Болотовым. Вечером сыграли свадьбу. Гостями были Болотов и Раиса Ивановна (о ней потом).

В приемаках

Комната в Чирчике оказалась не нужна. Нина летала стюардессой на рейсах от Москвы до Магадана и еще в заграничный Кабул. Изменения в расписании не были редкостью, и нужно было постоянно находиться в полной готовности. Я оказался в приемаках, как мой дед Иван у своего тестя Романа Ковальчука.

Нина жила с матерью Полиной Филипповной и братом Виктором в квартире, мало чем отличавшейся от чирчикской: одна комната на втором этаже с окном напротив двери. Правда, справа от окна была еще одна дверь, ведущая на отгороженную часть общего балкона. Ну и, конечно, удобства во дворе.

Когда-то комната была коммунальной кухней, и в ней сохранилась общественная печь. Я стою на пороге. Справа – эта печь, за ней холодильник, за холодильником дверь на балкон. Слева от этой двери – окно, под окном узкая кровать Полины Филипповны, а перед кроватью, ближе к центру

Гелий Вишенчук-Вишенька

комнаты – небольшой, неясного назначения стол. Вдоль левой стенки размещена наша с Ниной кровать, а сразу слева возле входной двери крепко стоит шифоньер. На ночь между шифоньером и столом ставится раскладушка для Вити, и только перешагивая или перелезая через него, можно совершать ночные походы.

Но тесно было недолго. В начале года Витя женился на русской девушке Кате Рединой (спустя пятьдесят лет она обернулась немкой по фамилии Рединг) и перебрался к ней в пригородные Сергели.

А летом того же года Полина Филипповна, много лет проработавшая санитаркой в поликлинике Аэрофлота, получила в Авиагородке двухкомнатную квартиру с балконом на верхнем этаже нового четырехэтажного дома.

Звонок в Канаду

Вчера (сегодня все еще 7 января) ужинали на Brock Road. Костя с Лилей ездили в Атланту, привезли копченой рыбки. За ужином позвонили в Канаду Мише Вишенчуку, у него 6 января день рождения. Он как раз накрывал стол для гостей, они вот-вот должны были появиться. А кто? Все тут, в Канаде, кроме Марины, она со своими в Москве.

Давным давно во Львове на меня часто оставляли маленькую Маринку, мою племянницу, да я и сам любил с ней повозиться. Мы так сдружились, что однажды она обняла меня за шею и сказала:

– Дядя Геля, я тебя люблю. Ты мой отец.

Понедельник, 8 января 2018

Эх, хорошо в стране советской жить!

Ночью с наслаждением слушал во сне *O mio babbino caro*. Пела Мария Каллас. Зрительных образов не было, только

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

голос. Последний раз я слышал эту арию, кажется, лет двадцать назад.

В 2012 году я оглох и стал вдруг за собой замечать, что постоянно что-то мурлычу себе под нос. Со мной что-то не так? Нет, это типичное состояние глухих. Сегодня прислушался к себе и удивился. Кто бы мог подумать: «Ох, хорошо в стране советской жить!». Песня тридцатых годов прошлого столетия. Иногда вспоминаю марши, под них я бывало топал на военных парадах.

Последнее стихотворение

Нина подгадала удобный рейс и полетела в Самару знакомиться с новой родней. Мама и Петр Григорьевич пришли к самолету с другой моей племянницей, маленькой Валюшкой, и очень удивили Нину: ни о чем не спросили, ни о чем сами не рассказали. Зато заставили Валюшку без конца декламировать стихи: вот этот, а теперь тот – пока не кончилось время. Валюшка так и не успела досказать последнее стихотворение.

Странная манера знакомиться, сказала мне Нина. Ничего странного, сказал я, мама любит демонстрировать достижения членов семьи и ради этого готова жертвовать здравым смыслом.

Свадебное путешествие

Летом 63-го мы отправились в свадебное путешествие: Самара – Москва – Львов. В Самаре сильное впечатление на Нину произвела природа на противоположном берегу Волги. Весь берег – где пологий, а где крутой – сплошной песчаный пляж. Мы отправлялись туда на весь день. Слишком много времени уходило на дорогу, чтобы на том берегу просто искупаться и назад. Брали с собой походную

Гелий Вишенчук-Вишенька

скатерть, еду и кипятили на костре чайник с водой из Волги. Прозрачное течение огромной реки, глубоко прогретые дюны, а чуть отступя от берега – густая трава, кусты и прохладный лес. Ничего подобного в Узбекистане не было.

Побежали по Москве. Ближе познакомились с родителями Аиды.

У отчима в Москве был младший брат, Евгений Григорьевич Агафонов. Он и его жена Клавдия Валентиновна поддерживали с мамой дружеские отношения еще с далекой комсомольской юности (кажется, я повторяюсь). Побывали у них на Кутузовском проспекте. А родители Аиды, Евгений Иустинович и Евдокия Григорьевна Поляковы, жили на Петровке. О них в другой раз.

Во Львове все собрались у дяди Павлуши. Был Жора и Римма с мужем Володей. Дядя Павлуша был счастлив: у него собралось сразу так много Вишенчуков. Гордое, красивое племя, сказал он.

Маленькие радости и слезы

Не знаю, кто научил нас уму-разуму, но особенно глухих покупок мы не делали, разве что притащили из Львова огромную керамическую вазу: такую вазу с торчащими из нее длинными палками бамбука я видел в фойе отеля Tide Water на пляже Orange Beach, Alabama.

Всего получилось одиннадцать упаковок на наши четыре руки, в том числе стопудовый чемодан с немецким столовым и чайным сервизом, приобретенным в долг. Уже дома в Ташкенте мы купили, тоже в долг, полный комплект чешской мебели из белой березы. Обставили обе комнаты. Я приволок свое имущество: желтый немецкий стул. Полина Филипповна тайком всплакнула вслед шифоньеру, но очень скоро новый, весь белый двустворчатый платяной шкаф ее

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

успокоил. А с долгами мы вскоре расплатились.

Вторник, 9 января 2018

Узбекский хлопкороб

Местная газета Аэрофлота объявила конкурс на лучший очерк о стюардессах, и мы с Ниной решили испробовать свои силы. Героем нашего очерка стал никогда не существовавший узбекский хлопкороб Герой социалистического труда Расул Мохамеддинов. Были подробно описаны его подвиги на хлопковых полях, его скромность, его замечательная семья.

Я взялся за литературную часть очерка, Нина отвечала за подробности и специфику. Мы от души развлеклись и со смехом отправили свой опус в редакцию. Каково же было наше... словом, мы заняли второе место и получили премию в 10 рублей. Первая премия досталась стюардессе по фамилии Газизова. Она угадала беспроектную тему: роды на борту самолета. На это у нас не хватило наглости.

Вдруг я решил, что этим делом мне следует заняться всерьез. Один из толстых журналов, кажется, «Октябрь», опубликовал откровенно графоманский роман о камчатских гляциологах. Ну, просто отвал башки, удивительно, как вообще можно было предложить такое читателям. Я возмутился, написал разгромную статью и отослал в «Новый мир». Через неделю получаю письмо: статья поставлена в следующий номер. А через пару дней мне сообщают: похожая статья об этом замечательном произведении уже опубликована в другом журнале, просим извинить. Oops!

Русский характер

Но я не унимался. Местная газета военного округа опубликовала мою хвалебную статью на донельзя слезоточивую

Гелий Вишенчук-Вишенька

повесть Михаила Алексева «Журавушка». Более того, редакция предложила мне вести в газете колонку литературной критики и прислала заказ: написать статью о рассказе «Русский характер» из сборника Алексея Толстого «Рассказы Ивана Сударева». Я когда-то читал этот сборник. В нем выделялся как раз «Русский характер». Мать не узнает своего сына. Он в бою получил страшное увечье: его лицо стало уродливой маской.

Снова взяв в руки книгу, я поразился вранью и бездарности автора. Это было тем более удивительно, что я когда-то зачитывался его великолепной прозой. «Геперболоид инженера Гарина», «Похождения Невзорова, или Ибикус» — настоящие шедевры. Расхваливать ахиною о русском характере у меня не было никакого желания. Я отказался. Так закончилась моя журналистская карьера.

Среда, 10 января 2018

Учитывая прошлый опыт

Вслед за нами, в январе 1963 года женился Болотов. Он и раньше был женат там, в своем Санкт-Петербурге, но давно развелся. Жена-красотка погуливала.

— А вот теперь, — сказал он, — учитывая прошлый опыт, я женюсь на некрасивой. Она на 11 лет моложе меня, будет обожать меня и слушаться.

И снова ошибся. Некрасивая, давно уже не молодая Любушка разговаривает со своими курами, не с ним. Сыновья не хотят гордиться дворянским происхождением. Письмо от него в ноябре прошлого года:

Хотя и далеко не в полной мере, я доволен только собой. Я свой земной план выполнил. А остальное от меня не зависит. У нас стало холодно. Снежит. Я сижу за компьютером и смотрю на голый сад,

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

принимаю множество таблеток. Тоскливо.

Я пишу ему ласковые слова. Пусть ему будет хорошо в семье, пусть его все любят.

Суть происходящего

31 мая 1964 года родилась Слава. Но вскоре радостное чувство перешло в мучительное переживание. Родильный дом оказался закрытой тюрьмой. За взятку меня провели в темный подвал и с садистской гордостью показали мне мою дочь. Развернули пеленки, и я увидел родное тельце, покрытое язвами и потертостями. Девочка кричала от боли.

У Нины началась грудница. Помогла женщина-хирург из поликлиники, где работала Полина Филипповна. Обе женщины пришли и, применив тактику уговоров и угроз, выгнали Нину из этого ада. Добрая освободительница сделала ей операцию. Из надреза на правой груди целый месяц сочилась кровь, молоко и гной.

Как никогда мне вдруг стала понятна суть происходящего вокруг меня. Некая неолицетворенная нечистая сила может сделать со мной и с моей семьей все что угодно. Это было конкретное зло. Я поклялся противостоять ему, никогда больше не допускать его вмешательства в мою жизнь.

Пятница, 12 января 2018

Апельсиновый сочок

Слава подросла, и мы пересадили ее на привезенную из Москвы немецкую коляску с полочкой.

Ей было полтора года, когда я приехал в отпуск из Одессы. Она сидела в коляске. На полочке стоял стакан с апельсиновым соком. Слава увидела меня и, будто я никуда не уезжал, сказала:

Гелий Вишенчук-Вишенька

– Соцёк?

Я подтвердил:

– Сочок.

Она продолжала спрашивать:

– Апельсиновый?

Я снова согласился:

– Апельсиновый.

Ей хотелось убедиться, что мы говорим на одном языке.

Мы часто гуляли с ней по Авиагородку. Там был скверик и цветочная клумба, где она любила возиться. В семье все хорошо знают историю о том, как из этой клумбы на нее набросился муравей и она с криком побежала ко мне с этим ужасным злодеем у нее на кончике указательного пальца.

ПОГАННОЙ МЕТЛОЙ

Суббота, 13 января 2018

Я первая увидела!

Приехал полковник из министерства обороны и стал рассказывать, что училище скоро расформируют, а до того времени желающим уехать прямо сейчас предлагается выбор из трех вариантов: подмосковный Солнечногорск, Поти в Грузии и Одесса, Украина. Желающие есть? Я поднял руку.

– Ваш выбор?

– Одесса.

– Кто еще?

Я толкаю Анатоля Засоркина:

– Проснись.

Он посмотрел на меня и поднял руку:

– Лейтенант Засоркин. Одесса.

Рук больше не было.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Нина немного поплакала, когда я сказал, что мы едем в Одессу. Ташкент был родным городом. Сформировалась семья, все шло хорошо. Зачем надо было уезжать? Сердце жалось, но верный Одиночка велел не отступать:

– Иди, не сворачивай.

Одесса не могла не вызвать во мне чувство восторга. Еще бы! Сколько я слышал о ней рассказов, легенд, песен. Паустовский, Ильф и Петров, Катаев, Леонид Утесов. И я никогда прежде не видел моря. Летом 66-го я выхлопотал квартиру на Ланжероне. Приехала вся семья: Нина, Слава и Полина Филипповна. Я провел их по Лермонтовскому переулку и дальше через санаторий мимо каменной скамейки и белых мраморных львов и вывел на крутой берег Черноморской улицы. Внизу расстиралось море. Слава выбежала на кручу и крикнула:

– Я первая увидела!

Это твой завтрак, Анатоль

Первые две или три ночи мы с Анатолом ночевали в каюте на теплоходе «Россия». Это судно было построено в Гамбурге в 1938 году, ходило по морям и океанам под названием Patria и по репарации в 1946 году попало сюда. Но пора сказать несколько слов об Анатоле.

Анатолий Засоркин (я звал его на французский манер Анатолем) был моим другом и спутником во многих похождениях, начиная с Ташкента. Он достаточно хорошо владел английским языком, был образован, умен. Анатоль рос и воспитывался без родителей, его домом было суворовское училище. Отеческая забота в его сознании ассоциировалась с утренней командой ротного. Он запомнил ее с детства:

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

– Первая! Подъем! Одевай штанишки! Пулей! Вылетай!

Он был необычно молчалив и не умел ориентироваться в простых житейских ситуациях. Привычная казарменная лексика не находила себе места в новых реалиях неожиданно широкого мира. Резко изменились бытовые условия, возникла необходимость действовать самостоятельно. Мне пришлось подтолкнуть его, чтобы он решился на Одессу.

Анатолий был вечно в долгах. Он брал займы у одних, чтобы вернуть долг другим, и эта карусель никогда не оставалась. Постоянное круговращение долгов привело к тому, что он стал рассматривать людей с единственной точки зрения: даст денег или не даст. Но ко мне он никогда не обращался с такой просьбой.

Его жена Эльвира, актриса местного народного театра, была точно такая же не от мира сего. Жалованье, приносимое мужем, она тратила в тот же день, скупая без разбору все, что ей понравилось и захотелось.

Нина познакомилась с Эльвирой в ташкентском аэропорту. Был октябрь 1964 года. Мы с Анатолием улетали в Одессу. Было прохладно. Эльвира и Анатолий обнялись и из ее пальто выпало и разбилось об асфальт вареное яйцо. Анатолий удивился:

– Откуда это падает?

Выпало и разбилось еще одно яйцо. Эльвира засмеялась и вывернула наизнанку карман с дырой.

– Это твой завтрак, Анатолий. Я совсем забыла.

Воскресенье, 14 января 2018

Два Карла

Первые два дня в Одессе оказались холодными и дождливыми. Несмотря на это, мы с Анатолием подолгу бродили по городу, обалдевая от роскоши осенней природы, акаций на

Гелий Вишенчук-Вишенька

Пушкинской, веселой средиземноморской архитектуры, соленого ветра с моря. Правда, на Дерибасовской отсутствовало легендарная пивная, но зато было множество винных погребок на других улицах.

Был погребок на углу Карла Маркса и Карла Либкнехта, прозванный пьющим народом «Два Карла». Он и сейчас так называется, хотя никаких Карлов уже нет, а есть Екатерининская и Греческая. В те времена, когда мы с Игорем любили сюда заглядывать, название было устным, и это не было ни кафе, ни баром. Внизу, как и во всех других погребах, была одна стойка, и через нее положительно настроенная молодая деваха, подавала вино в пивных кружках. Стаканы появились позднее уже в «гошние» времена, но тогда и вино стало другим и вместо «фетяски», «лидии» и «фраги» появились «чернила», «бормотуха» и знаменитый «биомицин» («біле міцне», укр.).

Был подвальчик на Пушкинской. Особенность этого винного погребка была в том, что в нем обитал алкаш по прозвищу Пушкин. Пушкин околачивался там целыми днями, подметая пол и возвращая пустую посуду на стойку. За это он имел регулярное подношение и соответствующий бесконечный кайф. В перерывах он стоял у стенки и смотрел мимо всех слезящимися глазками.

Выпьём под деревом

В Одессе у меня появились два новых дружка: Сергей (Серж) Панин и Юра Нефедов. Серж был из Новосибирска, где он, помимо всего прочего, танцевал в кордебалете оперного театра. Иногда мы вдвоем брали бутылку вина, садились в дальнем уголке парка под деревом и вели продолжительную беседу обо всем на свете, для чего каждый обладал уже достаточным жизненным опытом. Я называл это сидение

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

«выпьём под деревом» по «Горячему сердцу» Островского.

Сержу удалось добиться увольнения посредством симуляции язвы желудка. В госпитале поняли ситуацию и пошли ему навстречу. Уезжая, он сказал, что от меня он научился понимать и любить Салтыкова-Щедрина. Научить этому, я думаю, способен и сам Салтыков-Щедрин. В общежитии из двенадцати коек я по своей еще подростковой привычке начал читать вслух его сказки из моей походной библиотеки и не очень удивился, когда все вдруг стали слушать.

Нина познакомилась с Сержем, когда он зашел к нам попрощаться. Он поговорил со Славой на детские темы и прочитал ей стишок Агнии Барто:

Уронили мишку на пол,
оторвали мишке лапу.
Все равно его не брошу,
потому что он...

Слава не раздумывая закончила стишок:
– Тизольий.

Поди пойми детскую логику. А с Сержем жаль было расставаться.

Графинчик с шартрезом

Юрий Нефедов, алкоголик и наркоман – личность трагическая. Он вырос в семье московских интеллигентов, был хорошо образован, по-московски широк во взглядах. У него была уникальная память, с какой обычно выступают в цирке. Он запоминал сразу и навсегда. Знал наизусть всего Есенина и примерял его на себя и стихами, и жизнью.

Он постоянно кого-то цитировал. Мне запомнилась его любимая цитата из таинственной медицинской энциклопедии:

Гелий Вишенчук-Вишенька

дни позапрошлого века, автором которой был якобы доктор Платов:

При скверном самочувствии по утрам, именуемом в простонародье похмельем, рекомендуется легкое похлопывание ладонями по пояснице или же принятие внутрь одной-двух рюмок того напитка, который вызвал катастрофу.

Подозреваю, что цитату он выдумал сам. Во всяком случае Google о ней ничего не знает. Юра был красив и речист, у него всегда была подруга, то одна, то другая, а в Москве была еще жена, прогнавшая его из дому. Он постоянно был пьян и под дурью. Ему были известны, какие-то таблетки, продающиеся в аптеке без рецептов. Получку он сразу пропивал.

Когда кончались деньги, продавал с себя. Он ходил в единственном оставшемся у него кителе и в синих цивильных брюках с подрисованным красным карандашом продольным кантом. В ресторане он заказывал графинчик с шартрезом, наливал в рюмку и поджигал. Последние капельки вытряхивал себе на голову и говорил, что так делала его бабушка.

У него была заветная мечта. С блаженной улыбкой он в лицах изображал перед нами сладостную сцену своего изгнания из рядов советской армии. Вот он сам склонил повинную голову, а вот разъяренный генерал орет, тыча на него пальцем:

– Поганой метлой! Гнать вон из армии! Непотребный вид!
Это было его любимое слово – непотребный.

В 5 часов 23 минуты утра 26 апреля 1966 года в Ташкенте случилось землетрясение. Я как раз приехал к семье в отпуск

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

и вместе со всеми испытал его на себе. А три дня спустя пришло письмо от Анатоля:

Гелий, здравствуй!

Вчера услышал по радио ужаснейшее сообщение о землетрясении. Надеюсь, ты жив и здоров, и твои домочадцы, и Нина тоже.

Я прочитал в газете, что землетрясение началось в 5 с чем-то утра. А примерно в 11 утра того же дня (в Одессе был отличный солнечный день) на губе в мрачной подвальной камере для временно задержанных наш Юрчик (ты словно в воду глядел) покончил с собой.

После твоего отъезда дней через 5-7 Юрка вместе с Паниным ушел на комиссию в госпиталь, где пробыл около 15 дней. Там он чувствовал себя превосходным образом, а когда вернулся и его послали дежурить по кухне, он был весь сияние. Рассказывал мне, что нашел работу, чуть ли не администратором на «Абхазии», накормил меня обедом, потом вместе ходили в офицерскую столовую за хлебом. Как раз был день получки. В тот же день наклюкался до чертиков, и генерал отправил его на 5 суток на губу. Отсидел 5 суток, пришел в общагу (у меня было 6 пар), потолкался там минут 20 и ушел в город. В тот же вечер его в дугу пьяного опять привезли на губу, примерно в 10 вечера. Отсидел ночь.

Наутро Сандаков и Грешнихин поехали, чтобы привезти его в училище, примерно в 12 дня, и увидели, войдя вместе с помощником дежурного по караулу в этот идиотский подвал (света не было почему-то), что Юрка полусвесился с веревкой на шее, привязанной к трубе, и уже бездыханный. Веревку сделал из майки нательной, потом одел китель, залез на нары, привязал к трубе – и все.

Говорят, часов в 9 утра к нему заходил дежурный по карау-

Гелий Вишенчук-Вишенька

лам, подполковник какой-то. «Что, – говорит, – на нарах лучше, чем в постели?». Юрка отвечал: «Кому как нравится». Потом он, кажется, стучался, просил, чтобы выпустили. Там решили, что он капризничает, и не открыли. И Юра решил-ся, от злости, наверное, в общем, записки не оставил.

Я в тот же день ездил с Бобом Грешнихиным, вытаскивал его из подвала, а потом отвозили в морг.

Вот такие у нас новости. Грустно, конечно. Сегодня приезжают его родители...

Твой Анатоль.

27 апреля 1966

Примечание. ...ты словно в воду глядел. У Юры была склонность к суициду. Он играл с этим, пробовал, тренировался. Один рукав рубашки обматывал вокруг шеи, другой привязывал к верхней перекладине железной кровати и свешивался. Я пару раз вытаскивал его из петли: он делал это прилюдно, в общезритии. Уезжая в Ташкент, я сказал Анатолю, что боюсь за Юру. Меня он хоть как-то слушался, а в мое отсутствие может наделать глупостей.

Понедельник, 15 января 2018

Международное ташкентское землетрясение

Спустя три года из Египта в Одессу вернулся Грешнихин и сходу заявил, что если ему с его семьей (женой и двумя детьми) сей момент не предоставят квартиру, он раскинет палатку на территории училища, а на ступеньках парадного подъезда будет жарить картошку. Удивительно, но это подействовало, и ему сей же момент дали квартиру. Однако, глянув на то, что ему дали, Боб Грешнихин завопил, что это оскорбление и он не собирается такую халабуду даже показывать жене. Случилось так, что я присутствовал при этом беспокойном

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

разговоре и решил вставить свои пять копеек. Я сказал, что пусть Грешнихин не хочет даже смотреть на халабуду, я возьму ее не глядя. Мне ответили, что численностью семьи до такой большой квартиры я еще не дорос. Я возразил, что очень даже дорос, так как моя теща является потерпевшей от международного ташкентского землетрясения и член семьи. Так квартира Грешнихина досталась мне. А сам Грешнихин поболтался в Одессе еще пару месяцев и свалил в свой Нижний Новгород.

Тон Дык Тханг

Пожалуй, во всей Одессе не найдется более красивого места, чем Черноморская улица. Я ахнул, когда увидел, какое сокровище мне досталось. В то время улица все еще называлась Черноморской и благодаря Константину Паустовскому пользовалась заслуженной славой «морского форпоста Одессы». Потом ее, конечно, переименовали, нашли какую-то фамилию (не буду называть).

Особенно безобразный случай произошел в 1980 году, когда Обсерваторный переулок, за углом от нас, был переименован в честь северовьетнамского президента Тон Дык Тханга. Если бы не было ничего другого, то советскую власть нужно было бы свергнуть только за одно это. Но не будем паниковать: все прежние наименования в конце концов вернулись на свои места, их можно увидеть, произнести, вслух или про себя, и с чувством удовлетворения вздохнуть:

– Как все-таки много значит правильное слово.

Северный морской путь

Когда-то давно, а именно в 1912 году, нечетная сторона нашей улицы рухнула с обрыва и перед окнами уцелевшего четного ряда домов открылась великолепная панорама

Гелий Вишенчук-Вишенька

Одесского залива. Кусочек моря был виден и из окна нашей квартиры с почтовым адресом улица Черноморская 14, кв. 4. На этом положительные стороны этого замечательного места проживания заканчивались.

Отопления в квартире не было. Горячей воды тоже не было, а холодная поступала слабо и с перерывами. Душа или ванны не было. Был один разбитый унитаз, обросший окаменелостями мочи и говна. Окна и двери торчали наперекосяк, стены в пузырях и вмятинах.

И была невообразимая грязь с тараканами. Вывести этих тварей до конца, пока мы там жили, так и не удалось. Много лет спустя как-то зашел ко мне мой давнишний приятель полусумасшедший Юра Веселов. Мы сидели за столом на кухне, разговаривали о том о сем, и он говорит:

– Чего я не терплю, так это тараканов. Как можно уважать человека, если у него в квартире тараканы?

Я открыл дверцу настенного шкафчика и достал чайную чашку. С полки на стол свалился таракан, и пока он мчался по диагонали с одного края стола к другому, Юра Веселов не сводил с него глаз.

Веселова преследовал призрак Северного морского пути. Поэтому он время от времени заводил такие речи:

– Вот говорят: Северный морской путь. Придумали красивое название. А где он, этот путь? Один воздух. Никакого Северного морского пути нет, он не существует в природе. Это обман. Я знаю. И ты не верь.

Я не возражал. Нет так нет.

Вторник, 16 января 2018

А дальше ничего особенного

До нас в нашей квартире жил майор Капутикян с тремя детьми и слепой женой. То, что жена была слепая, можно

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

было догадаться и так. Стена позади газовой плиты вся до самого потолка была заляпана жиром, маслом, яичными желтками и прочей пищевой грязью. Ненамного чище выглядели стены и в других двух комнатах. Я содрал с них два слоя выцветших обоев, выскреб грязь и плесень до штукатурки и трижды выкрасил тремя разными красками. Дощатый пол тоже перекрасил. С очередным рейсом прилетела Нина, привезла раскладушку, без особого восторга оглядела квартиру. Но вид на залив и близость моря произвели впечатление.

Черноморская 14 это не один дом, а три дома типа ДОС (дома офицерского состава), построенных на месте разрушенного войной особняка. Возведение зданий осуществлялось стройбатом под руководством лейтенанта Попкова, нашего соседа за стенкой, ничего не соображавшего в этом деле.

Я просмотрел видео «Прогулки по Черноморской», записанное, кажется, в прошлом году, с подробными рассказами об истории улицы, о домах, их владельцах... Дойдя до конца улицы и загородив собой вид на ДОСы, ведущий сказал:

– А дальше ничего особенного. Спасибо за внимание.

Новое назначение

Мы не торопились с мебелью. У нас была раскладушка и большой аэрофлотский деревянный зеленый ящик из-под запчастей, исполнявший функции обеденного стола и платяного шкафа. Было решено, что сначала мы приведем в порядок квартиру. Нужно было заменить унитаз, расширить пространство туалета и установить ванну, сломать деревянную печь, провести систему отопления АГВ с батареями и поставить газовую колонку, чтобы в квартире была горячая вода. Но все это было сделано только четыре года спустя, когда мы снова вернулись домой. А пока обходились так.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Вернее, мы ничего из этого сделать не успели: в октябре я получил новое назначение в Ригу и уехал.

Это было время, когда в министерстве обороны начали понимать, что принудительное привлечение на военную службу людей с высшим образованием порождает множество проблем. Пьянственное безобразие, игнорирование уставных требований, демонстративное неподчинение – со всем этим было слишком много хлопот. Особым указом стали призывать не насовсем, а на годичный срок, а дальше – по согласию. И хотя этот указ обратной силы не имел, все же чувствовалось, что вожжи ослабли. И кое-кто уже успел этим воспользоваться, например, Сергей Панин. Но меня это пока не волновало. Одиночка подсказывал: не спеши.

ДЕРЕВЯННОЕ СУЩЕСТВО

Среда, 17 января 2018

Ипатовы

В штабе Прибалтийского военного округа я узнал о своей новой должности: помощник начальника командного пункта полка ОСНАЗ. До приезда Нины я ночевал в офицерской гостинице на улице Меркеля, а потом на несколько дней мы остановились у Ипатовых.

Я знал их давно. Владимир Ипатов служил в авиации, и одно время в конце 40-х годов его часть стояла в Бродах. Я съездил и навестил их там, пробыл пару дней. Ольга Ипатова приходилась племянницей бабушке Дусе. Бабушка и отправила меня к ним погостить.

А сейчас Ипатов был начальником небольшого аэропорта местного значения на окраине Риги. В их квартире на втором этаже старого дома было три проходных комнаты, из них первая считалась кухней, ну, и удобства – снаружи на лестничной площадке, одна дырка на весь этаж. Дырка смотрела сквозь два этажа глубоко вниз, откуда зимой, а была зима, обдавало ледяным ветром.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Ипатовы были люди с врожденным чувством юмора, и все им как-будто было нипочем. Рассказывали смешные истории про соседей. Один из них, попадаясь на лестнице, отвечал на приветствие всегда одинаково: широко разевал рот, не признавая ни слова. Ипатов показывал, как он это делал. Все смеялись.

Ужинали вчетвером. Была обязательная рюмка водки, затем сразу подавалось второе блюдо, за ним – первое. За столом хозяйка принимала на себя командование и была безжалостна:

– Ешьте, не разговаривайте. Еще масла на хлеб. Побольше. Ничего не оставляйте. Доедайте. Берите еще. Ничего вы не наелись. Буду обижаться. Не люблю сытых, люблю голодных.

Вечером просматривали фотоальбомы. Здесь командовал хозяин:

– Это я в 41-м. Это тоже я. Это я в пилотской кабине. Это я в госпитале.

Он летал на истребителях и был ранен только однажды за две недели до окончания войны.

На одной фотографии тоненькая девушка катается на коньках. Владимир Ипатов рассказал, что в молодые годы Оля занималась конькобежным спортом и даже участвовала в соревнованиях. Ольга Ипатова промолчала, ушла в мыслях куда-то далеко.

Пятница, 19 января 2018

Вчера утром ездил к урологичке Хабенихт на Urology Plaza, где мне поменяли катетер, причем неудачно. Сразу началось жжение и выбрасывание крови. В три часа катетер закупорило, начались жуткие боли. В 12 часов ночи я не вытерпел и поехал в Emergency Room. Больше часа ждал,

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

пока за меня примутся, еле дождался. Мне показали огромные сгустки скопившейся крови, они-то и были причиной закупорки. В пять часов утра сегодня уже был дома. Нина не заметила, что я уезжал.

Кисмет

Семья Ипатовых исчезла в один миг. Злой рок, кровожадный кисмет в одночасье одолел сильных, красивых, жизнерадостных людей. В 1970 году их сын Гений (да, так они его назвали), мой ровесник, погиб при крушении берегового катера. Узнав об этом, Владимир Ипатов, упал замертво. Вслед за ним через две недели ушла Ольга Ипатова. Их дочь Ирина замкнулась в одиночестве. Они все у меня перед глазами. Владимир Ипатов – высокий, стройный красавец, волнистые русые волосы, голубые глаза, громоподобный голос:

– Это я в сорок первом.

Ольга Ипатова – изящной фигуркой, тонким носиком с горбинкой, веселым характером напоминала мне мою бабушку. Родная кровь. Хлебосольная хозяйка.

– Ешьте, ничего не оставляйте. Не люблю сытых, люблю голодных.

Гений – щуплый парнишка, похожий на мать. Я мало его знал, но вспоминал о нем с улыбкой. Ирина – смешная, бойкая девчонка, излучавшая счастье.

Где эти счастливые люди? Нет их.

Суббота, 20 января 2018

Майори

Мы сняли комнату в Майори в одноэтажной халупе пляжного типа на улице Смилшу. Открываешь входную дверь: перед тобой деревянный подиум вроде ящика с дыркой – это удобства. Дальше – дверь на кухню, где живет хозяйка Нина,

Гелий Вишенчук-Вишенька

разведенка с ребенком. Еще одна дверь ведет на нашу половину с кроватью, столиком на двоих и небольшим шкафом. Две крохотные комнатенки делят деревянную печь пополам: кухонная часть для приготовления пищи, часть с нашей стороны – для обогрева. Воду брали из колодца, умывались у себя в тазике. Стирка во дворе, а мылись в бане на станции Дубулты – это следующая после Майори остановка электрички из Риги. Мы ходили туда пешком. Веселый хруст снега под ногами, сладкий воздух с запахом дыма от березовых дров, ощущение чистого тела – вот он, праздник невинной души. Баня чудесная, с латышской жутко горячей парной, свежими березовыми вениками. Конечно – очередь, не бывает бани без очереди. В женское отделение приглашают криком «накоша!», а в мужское – «накшайс!». После бани мы выпивали рюмку-две «кристалла» и закусывали балтийской селедкой, вымоченной в уксусе с луком по рецепту, изобретенному Ниной. В комнатушке тепло, уютно. Чуть тревожило только одно: вдруг ночью придется вставать и переться через хозяйку в ледяной (брр!) коридорчик с удобствами. К ней еще то и дело захаживал мужичок.

Майори – это часть курортной Юрмалы, растянувшейся вдоль узкой полоски земли между морем и рекой Лиепайей. Юрмала утопает в песчаных дюнах и соснах. Здесь всегда холодно, сыро, дождливо и беспрерывно дует ветер. Красиво, но мало не кажется. Вечно нужно отворачиваться то от ветра, то от дождя, то от колючего снега. Однажды летом мы пошли на пляж и искупались в море – больше не захотелось.

Нина нашла работу бухгалтера на фабрике обоев в Дзинтари – это ближе к Риге. Работа как работа, впрочем была одна маленькая проблема, ну, не проблема, просто интересная деталька: на фабрике все были уверены, что

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Нина латышка (в этом их убеждала ее внешность прибалтийской блондинки), и как-то раз, не выдержав, прямо сказали ей:

– Почему ты не говоришь с нами на родном языке?

Я знаю, куда вам надо

Утром мы бегом бежали на станцию, чтобы успеть к электричке с расчетом до секунды. По платформе гулял злой ветер, и стоять и трястись в наших непригодных к местным условиям одежках не хотелось. Я в кавалерийской шинели образца 1914 года с разрезом сзади до задницы, чтобы удобней было вскакивать на лошадь. Сабли наголо! Вперед, мать-перемать! Нина в своем аэрофлотском пальто и легких ботинках. Позднее ботинки подшили мехом и купили дешевую, но теплую шубку.

С этой шубкой случилось маленькое приключение. Нина почувствовала, будто по руке то ли электрической заряд пробегает, то ли нерв дергается. Когда она вернулась с работы и сняла шубу, из рукава выпала мышь. Нина не стала кричать караул и не погналась за ней, пусть бежит куда хочет.

Это напомнило мне другую историю. В Риге у нас появились друзья, Слава (Вячеслав) и Лена Кашутины. У Лены было другое имя – Мамочка, так звал ее муж. Вслед за ним Мамочкой стали звать ее и мы. Так вот, с Мамочкой произошла такая история. Открывает она дверь в кладовку, а там на полке стоит на задних лапках мышь и на нее испуганно смотрит. Мамочка в лучших традициях женской истерики заорала что есть мочи, а мышка замертво свалилась с полки. На крик прибежал Слава, но было уже поздно. Выслушав эту историю, я подумал, что она слишком уж похожа на городскую легенду. Но Слава с Мамочкой клялись, что ничего не выдумали, просто с мышкой и в самом деле случился

Гелий Вишенчук-Вишенька

инфаркт. Слава Кашпутин был кадровиком в нашей войсковой части.

А к разведенке в Майори мы попали так. В тот холодный, дождливый день, когда мы съехали от Ипатовых, у меня сорвалась договоренность с хозяином съемной квартиры, и получилось так, что мы сидели с двумя чемоданами на станции Майори под доской объявлений и ждали, когда появится кто-нибудь из авторов этих объявлений (такое было странное условие) и предложит нам у себя хотя бы угол. Никто не появился. Мимо шла женщина с сумками в руках, увидела нас и пригласила к себе. Дома она накормила нас простым латышским ужином: хлебом, картошкой и солеными огурцами, — а когда мы наелись и немного отмякли, сказала:

— Я знаю, куда вам надо.

И привела нас к разведенке Нине.

Славу на зимние месяцы мы отправили в Самару. Полина Филипповна дорабатывала последний год до пенсии и наши жилищные условия в Одессе не были самыми лучшими для маленькой дочки. А в Риге невозможно было снять комнату для семьи с ребенком.

В конце концов разведенка нам отказала: к ней переехал ее приходящий муж. Однажды Нина сделала ему замечание:

— Зачем ты обижаешь женщину, которая тебя любит.

За что этот зверь люто возненавидел ее. Так или иначе надо было съезжать.

Понедельник, 22 января 2018

Агафоновы

Мы попросились к Агафоновым пожить у них недельку перед моим отпуском.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Всего братьев Агафоновых было пятеро: Дмитрий, Василий, Петр, Борис и младший Евгений. Пожалуй, стоит сказать два слова о каждом. О Петре было сказано. Евгений – это тот самый заведующий транспортным отделом Центрального Комитета КПСС. По его распоряжению нам предоставили товарный вагон для переезда из Кустаная в Лазорки, он же разыскал дядю Павлушу и сообщил ему, где мы находимся. Я бывал у него дома на Кутузовском проспекте несколько раз и однажды заглянул на часок проездом с Целины. Вид у меня был бандитский: невымытый, почерневший от пшеничной пыли, исцарапанный соломой, на голове воровская кепка с коротким козырьком, доставшаяся мне в подарок от одного придурка, после того как он же украл у меня всю одежду. Клавдия Валентиновна открыла дверь и отшатнулась.

Дмитрий был старшим. Мы иногда бывали у него дома в Самаре. Он всю жизнь был военным, службу проходил на Дальнем Востоке и уволился в звании полковника. Никогда не улыбался, говорил только о конкретных и полезных в повседневной жизни вещах. Характер суровый, упрямый и капризный. Мы с Ниной привезли из Ташкента знаменитую, невероятно сладкую и огромную, как торпеда, узбекскую дыню и стали всех угощать. Дмитрий Григорьевич отвернулся и не стал пробовать.

Борис был журналистом, жил в Москве. Но тут мне лучше промолчать. Одно дело ужастик по телеку и совсем другое, когда это происходит в жизни. В его семье случилась жуткая трагедия, у меня рука не поднимается писать об этом.

Мамуляхен

А гостили мы в Риге у Василия Григорьевича, на улице Госпитальной. Его жена Александра Николаевна, будучи

Гелий Вишенчук-Вишенька

женой военного, никогда нигде не работала, разве что на общественных началах, и звала мужа Васькой. У них были взрослые дети, сын и дочь. Мать они звали мамуляхен. Александра Николаевна в шутку жаловалась, что дети упрекают ее в невежестве касательно абстрактной живописи:

– А я им говорю: давайте я наварю вам суп из камней. Это будет абстракт или реализм?

О своей общественной работе в родительском комитете по проблемам подростковой преступности она тоже рассказывала с юмором. Как-то раз ей пришлось вести беседу на дому с родителями девчонки-оторвы. Вроде она покуривала травку или еще что-то такое. Во все время беседы девчонка изображала из себя ангела и покорно кивала головой в подтверждение своего намерения исправиться. Разговор закончился и родители попросили дочку проводить женщину-общественницу. Вышли на лестничную площадку четвертого этажа. Девчонка пинком захлопнула дверь позади себя и сказала:

– Бабка, придешь еще раз – спущу с лестницы. Костей не соберешь.

А так вполне нормальный человек

Василий Григорьевич производил впечатление нормального человека, но, по-моему, был немного не в себе. Он сторонился людей вообще и своих братьев в частности. Никогда сам их не навещал и никого к себе не звал и не переписывался с ними, хотя не было ни малейшей причины для таких ограничений. Тем более странно, что он согласился принять нас у себя. Как и Дмитрий, он был военным, тоже служил на Дальнем Востоке и ушел в отставку в звании одной ступенькой ниже старшего брата.

У него был бзик, пунтик, принуждавший его всерьез

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

заниматься сочинением писем в Центральный Комитет партии. Он зачитал нам одно из своих сочинений, в частности о поведении Косыгина, который, будучи с визитом в Риге, без стеснения ел в бесплатном буфете продукты, недоступные для обычных граждан. Василий Григорьевич увидел в этом грубейшее нарушение партийных норм.

Ответ поступил со скрытой насмешкой: мол, спасибо, что вы как принципиальный коммунист напомнили нам о ленинских нормах партийной этики. Мы впредь будем более внимательно относиться к таким вопросам и примем все меры для того, чтобы ни один старый пень больше не прислал нам дурацких писем.

У него была целая куча таких сочинений и ответов на них.

А так он был вполне нормальным человеком. Целыми днями он пропадал в лесах, со всех сторон окружавших Ригу, и притаскивал домой полные корзины и сумки грибов, ягод и одному ему известных целебных и пахучих трав. Дома он иногда начинал без видимой причины театрально орать на жену, не всерьез, но очень похоже. Александра Николаевна воспринимала это спокойно, как норму. Это повелось у них еще с тех пор, когда он служил на Камчатке. Наверное, по причине большого пустого пространства.

Генеральская вдова

Накануне отъезда на Кубу я зашел к Агафоновым и попросил разрешения переночевать с семьей, чтобы утром попрощаться и сразу на поезд. Из леса нелегко было добираться до города, разве что среди ночи в армейском кунге со сменой. Мне отказали: Александра Николаевна больна, у нее диабет и как раз приступ. Александра Николаевна действительно выглядела неважно.

С транспортом нам помогла воинская часть. А через пару

Гелий Вишенчук-Вишенька

недель в Гаване мы получили странное письмо от Василия Григорьевича. Он сообщал, что Александра Николаевна умерла, а сам он привел в дом генеральскую вдову Аграфену Павловну, и она чудесно за ним ухаживает.

Из его следующего письма мы узнали, что генеральшу он прогнал за ее якобы привязанность к роскошной жизни и теперь за ним еще лучше ухаживает простая женщина Нина Алексеевна.

Вторник, 23 января 2018

Шестидневная война

Перед отъездом в Одессу мы устроили прощальный ужин. С позволения хозяев были приглашены гости: мой сослуживец майор Лейкин и его феерически красивая жена Октябрина, актриса народного театра.

Альберт Лейкин носил мундир советского офицера так, будто собирался выйти на сцену. Он был отлично образован, начитан, разбирался в искусствах, в хоккее (был известным рефери), в породах собак и хорошо знал английский язык.

На время шестидневной войны на Ближнем востоке 5-10 июня 1967 года нас вдвоем заперли в комнате с мощными коротковолновыми радиоприемниками. Днем и ночью мы беспрерывно слушали новости из Израиля, Европы, Америки и каждый час отсылали в штаб округа донесения о ходе войны. Никуда не выходили, коротко по очереди спали и обеспечивались первоклассным питанием.

По окончании войны орденов мы не получили: с точки зрения нашего руководства война была проиграна.

Бульдог майора Лейкина

А с медалями был бульдог майора Лейкина. Это был особенный бульдог редкой породы.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Октябрина была в отъезде на гастролях, и Лейкин пригласил меня к себе посидеть за бутылкой коньяка. Бульдогу я понравился. Он, а вернее она положила голову мне на колени и не сводила с меня глаз, а когда кончилась бутылка и началась вторая, мы с ней расцеловались. Не знаю, как ей, но мне запомнилось. На Лейкина это произвело сильное впечатление. Он заявил, что человек, который ответил на собачью любовь и не погнушался собачьим поцелуем, не может не вызывать уважения, потому что это благородный поступок.

Вот так!

Это все случится потом, а в данный момент мы находимся в гостях у Агафоновых, сидим за столом и разговариваем. Застольные беседы везде одинаковы, пересказывать их нет смысла, тем более, что уже минуту спустя они начисто забываются.

Собираясь уходить, Октябрина вдруг вспомнила легенду о том, что русские купцы, покидая ресторан, швыряли дорожную шубу на заставленный закусками стол. «Вот так!»— крикнула она и швырнула свою кацавейку на тарелки.

Она нужна нам самим

Я взял отпуск, Нина уволилась с работы и мы вернулись домой в Одессу. А Полина Филипповна привезла Славу из Самары. Мы встречали их на вокзале. Когда подошел поезд, мы увидели в окне вагона Полину Филипповну, она показала нам пальцем на девочку, сидевшую напротив. Всего за каких-то несколько месяцев Слава сильно выросла — и это произошло без нас! Нет, нашу девочку никому отдавать больше мы не будем, она нужна нам самим.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Среда, 24 января 2018

Коля Киселев

Пока я был в отпуске, в часть прямо из Парижа прибыл новый человек, капитан Николай Киселев. Прослужив год шофером советского посла во Франции, Коля обидно проштрафился: пьяным сел за руль, да еще оказал сопротивление полиции.

Выслали в 48 часов. Он успел прихватить с собой только чемодан тряпок, сертификат на покупку замечательного советского автомобиля «москвич» и записи французских песен.

Коля пригласил меня к себе в комнатуху, которую они с женой сняли около вокзала. Это была то ли подсобка, то ли бывшая кухня, из стены над раковиной торчал водопроводный кран.

Я подошел к окну и увидел железнодорожные пути. В двух метрах от окна с ревом пронесся поезд. Коля включил магнитофон, и я впервые услышал изумительный голос Мирей Матье, она пела *My baby shot me down*.

С женой у Коли были типично русские семейные отношения. Они родились и выросли в одной деревне под Ярославлем и с самого детства не расставались. Коля рассказывал с заметным ярославским акцентом:

– Вчера легли, а она мне говорит противным голосом: «Отодвинься, свинья, от тебя разит». Ну, я взял и швырнул ее на пол, дал по физиономии. А потом на коленях в слезах просил прощения. И так каждый раз. Люблю ее до безумия еще с детства и знаю, что и она меня любит, а поделать с собой ничего не могу.

Никаких слов от меня он не ждал, просто хотел высказаться, нашел во мне благодарного слушателя. В общем, мы сдружились.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Четверг, 25 января 2018

Букулты

Полк ОСНАЗ дислоцировался в двух местах: командный пункт и солдатские казармы располагались в Риге, а пункт слежения – километрах в десяти от города, глубоко в лесу, в урочище Букулты. Лес был обитаем: в самых неожиданных местах можно было натолкнуться на небольшое хозяйство – обычно жилой дом и сарайчик.

В одном из таких хуторков вблизи расположения части мне удалось снять комнату. Комната без удобств, без отопления, без мебели. Правда, была кровать, ужасно скрипучее деревянное сооружение (чуть не сказал существо) – как раз тот случай, когда скрипы похожи на издевательство. И было электричество. Но с этим электричеством вышел швах.

Приехали мои девочки. Слава не узнала меня, смотрела в мою сторону с опаской. Мы стали осваивать лесную обитель. Кто-то из сослуживцев одолжил нам детскую кровать, и сразу все устроилось. Комната была светлая, с двумя окнами, за ними – двор с колодезем, а дальше лес. Нина ходила в соседний хутор, где хозяева держали корову и можно было купить молоко. Картофель и морковь покупали там же.

На хуторе была собака. Так себе небольшая собачонка, но «злюкен собакен» и коварная. Она пряталась за сараем и как только Нина подходила к тому месту, куда хватало цепи, она с яростным лаем вдруг выскакивала из укрытия и неслась наперерез с явной угрозой вцепиться в ногу. Пришлось Нине искать дорогу в обход по другой тропе. Меня эта садистка ждала с еще большим нетерпением: совсем чужой доверчивый прохожий – это настоящий кайф. Управы на нее не было никакой. Она обладала абсолютной властью на своей территории. У меня нет сомнений, что эта собачонка в другой жизни была серийной убийцей. Или будет.

Белый гриб

Пищу Нина готовила на костре. Я таскал из города продукты, наполнив ими рюкзак. А в остальном мы занимались собирательством. В лесу было много, на самом деле много, брусники, голубики, черники, ежевики и грибов: маслят, рыжиков, боровиков, сыроежек... Мы опасались собирать неизвестные местные виды грибов, но хозяйка соседнего хутора научила Нину отличать съедобные от несъедобных. Похожие на поганок твердые темно коричневые грибы без названия, оказались самыми вкусными. Их нужно было вымачивать и затем отваривать. Скорее всего это были местные опята.

Мы бродили по лесу, и Слава нашла огромный белый гриб. Трудно было поверить, что бывают такие фантастические гиганты. Самое удивительное, он несколько не был изъеден червями, как это обычно бывает с грибами больших размеров.

А потом мы заблудились. Не мы, а я. Непростительная небрежность. Ходили мы не долго, дорога была где-то рядом. Но уже вечерело, надо было действовать быстро, и я решил пробежать по сторонам четырех квадратов с центром вот здесь, где стоим. Взял Славу на закорки и побежал. Вторая сторона первого квадрата вывела на дорогу.

Надвигалась осень, становилось холодно. Я притащил переносную электрическую батарею. И началось. У хозяина вдруг отказал телевизор. Он вычислил, откуда исходит зло, и попросил отключить батарею. Я послушно это сделал. В комнату мгновенно вернулся холод. Мы с Ниной могли бы и потерпеть, но маленькая Слава... и я, думая только об этом, включил батарею. Прибежал хозяин.

Так продолжалось два дня. На третий день хозяин сказал: съезжайте.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Дедушка Артур

На другом конце леса жил дедушка Артур (ударение на первом слоге). У него был дом, амбар и теплица. В теплице выращивались красные и белые гвоздики. По субботам он бросал цветы в телегу и отправлялся на военное кладбище. Там хорошо продавалось. Вечером лошадь сама возвращалась домой. Хозяин валялся в телеге вдрызг пьяный.

А дедушкой его звали дальние родственники, жившие там же в лесу. Они рассказали нам такую историю. В войну, когда там были немцы, он занимался тем же самым делом: выращивал и продавал цветы. Иногда вместо себя отправлял на кладбище жену и сына. Жаден был невероятно и подозревал их в сокрытии выручки. Однажды он до того распалился, что поставил их к стенке и потребовал признаться, где они прячут деньги. Те все отрицали, им не в чем было сознаваться. Тогда он взял и расстрелял их.

Насколько правдива эта история, никто сказать не может. Но на хуторе появились два холмика, каждый с безымянным надгробным камнем, и дедушку Артура частенько видели у этих камней на коленях с бутылкой в руке.

Мы пришли к нему справиться насчет возможности снять у него на хуторе комнату. Он завел нас в амбар и указал на деревянную лестницу без перил. Мы поднялись по этой лестнице наверх. Второй этаж представлял собой площадку без двух стен, заставленную горшками с землей, кособокими ящиками, мотками ржавой проволоки, гнилыми досками и прочим строительным материалом, непригодным к употреблению. Снизу послышалось:

– Деньги вперед. Обязательное условие.

Дедушка Артур явно ждал, чтобы мы поскорее убралась. Мы вышли на дорогу и оглянулись. Дедушка Артур провожал нас внимательным взглядом. У его ног сидели две собаки

Гелий Вишенчук-Вишенька

и тоже смотрели, как уходят незваные гости.

Мы переехали в фанерный гаражек для мотоцикла, прилепившийся к стенке кирпичного дома на хуторе у озера. Влезли и поместились. Было много мышей. Нина ставила на пристенный столик стеклянную банку, на банку – пакет с крупой или вермишелью. По банке добраться не получалось. Тогда мышь – я видел это сам – брала короткий, но стремительный разбег поперек стола, по инерции взлетала на стену и делала сальто мортале прямо в пакет.

Браво!

Еще немного, совсем немного и все это кончится. Я верю, что хуже не будет. Наоборот, будет неожиданный, фантастический поворот событий. Одиночка знает.

ЗА ОКЕАНОМ

Пятница, 26 января 2018

Не такой как все Сутугин

Командир полка полковник Сутугин был не таким, как все. Я пошел к нему и сказал:

- Похлопочите в Москве. Пусть направят меня в Тикси.
- А чего ты туда так рвешься?
- Ну, чего. Там, наверное, хоть барак есть, крыша над головой, да и жалованье побольше. Ну, и год за два.
- Опускаю пару недель. Сутугин говорит:
- А не хочешь куда-нибудь, где потеплее?
- В Кушку, что ли?
- Нет, не в Кушку.
- А где еще теплее-то?
- Есть такой далекий островок.
- Куба, что ли?
- Ну, да.

Гелий Вишенчук-Вишенька

В Москве за два дня я прошел две бюрократические инстанции. Сдал партбилет в главной партийной конторе. Там же в буфете приобрел блок американских сигарет Winston (три рубля, фантастика!). Потом в министерстве обороны прошел инструктаж (ни в коем случае не ходить по Гаване в сандалиях с носками) и получил бесплатную одежду из Финляндии: демисезонное пальто (зачем? Ладно, спасибо), костюм, туфли, берет...

За время моего отсутствия произошло событие, сильно напугавшее Нину. Пришла хозяйка мотоциклетного гаражика и показала бумажку: якобы своей одной лампочкой мы накрутили электроэнергии на 400 рублей – это чуть больше трех моих месячных жалований. Нина растерялась: мужа нет, денег нет, бежать некуда. На другой день хозяйка пришла с извинениями: ошибка, не четыреста, а четыре. Это была наша последняя радость на родине.

Дивный запах чужой земли

В субботу 28 октября 1967 года мы взошли на борт ТУ-104 и вылетели в Гавану. Слава запомнила, что в самолете нас было трое. Когда потом мы возвращались в Москву уже вчетвером, она спросила над океаном:

– А где был Костя, когда мы летели на Кубу?

Была посадка в Мурманске. Здесь мы впервые почувствовали признаки какой-то иной цивилизации. Стали вкусно угощать, смотреть в глаза и так вежливо обращаться, словно это была только малая часть того, что мы заслуживали.

Пролетели вдоль побережья Канады, Америки. Когда стали снижаться над Гаваной, увидели, что вся земля утыкана белыми колоннами. На земле мы поняли, что это были королевские пальмы – их вершины сверху сливались с зеленой травой.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимую мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег...

Это Пушкин. Надо только поменять коня на ТУ-104 и турецкий берег на Гавану. Своими словами я не могу это описать. Надо быть ребенком, чтобы сказать так, как сказала Слава о Черном море:

– Я первая увидела!

Такой же детский возглас вырвался и у Пушкина:

– Никогда еще не видал я чужой земли!

Вот и у меня было ощущение чего-то такого никогда не виданного, а теперь увиденного в первый раз. От одного только запаха чужой земли закружилась голова.

Зашивайко сердится

Нас принял у себя «ленинградец» Зашивайко, страдающий украинским акцентом. Он разрешил нам брать из холодильника все, что там есть, и уехал. В холодильнике была большая консервная банка с протухшей селедкой. Селедку мы выбросили и весь день сидели голодными. К вечеру вернулся Зашивайко и стал спрашивать, где селедка. Он хотел ее доесть и очень рассердился, что ему не дали. Мы прогостили у него полтора дня, пока не освободился для нас отдельный дом. Больше я с ним так близко не общался, запомнил только одну мелкую деталь, но не знаю, как ее трактовать. Обычно мы все освежались бутылками «рефрески», а он притаскивал на работу железный чайник, набирал в него воду из-

Гелий Вишенчук-Вишенька

под крана, залезал на крышу, где торчали антенны, и там потягивал из носика. Ждал, что прилетит НЛО. А чем еще объяснить? Человек был серьезный, трезвый.

Apollo Program

Утром следующего дня большой симпатичный парень по фамилии Юшков завел меня в комнату, включил радиоаппаратуру, дал наушники, лист бумаги, карандаш и сказал:

– Пиши все, что услышишь.

Работала американская радиостанция. Я слушал и записывал. Вернулся Юшков, подержал в руках мои записи, метнул на меня удивленный взгляд и ушел. Я сидел и ни о чем не думал, просто переживал радость пребывания в Америках. Юшков снова возвращается и говорит:

– Будешь работать на моем месте. Мой срок кончился, а тут как раз ты. Принимай дела.

Юшков отвечал за радиоразведку по Восточному полигону Саре Canaveral, где разрабатывалась программа Apollo (полеты на Луну). Под его началом было более десятка «слухачей». Слухачи сидели в наушниках и записывали разговоры между астронавтами, пилотами самолетов и прочим инженерно-техническим персоналом полигона.

Слезы слухачей

Слухачи сменялись каждые шесть часов. Времени для сна было недостаточно, это сильно изнуряло, действовало на психику. И хотя на моей должности все 24 часа в сутки были рабочими, так было только в экстренных случаях, а обычно я дважды за день отсылал в ГРУ (Главное разведывательное управление министерства обороны) донесение и вечером был уже дома. Утром я просматривал кучу записей радиоперехвата и телетайпные ленты. На этой основе я составлял

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

донесение и продолжал обрабатывать информацию уже для вечерней почты. Во время запусков на полигоне, работа велась круглые сутки. Но это бывало не часто. В момент запуска ракеты Polaris мы все, кто не был занят, вышли из здания полюбоваться красивым свечением, расходившимся от пусковой установки по всему небу.

Напрягали непрерывность процесса и требование быстро сообщать. Для слушачей, особенно в первое время, это был крошечный ад. Были случаи, когда люди просто рыдали от бессилия, не понимая, как можно хоть что-то извлечь из того, что они слышали в наушниках.

Наш приятель майор Слава Кашутин (он у нас в Риге был кадровиком) приехал вслед за нами и был назначен оператором телетайпа – это, считай, пустяки по сравнению с наушниками. И все равно Мамочка говорила, что Слава плакал в подушку.

Apollo 11

Не могу сказать, что была какая-то существенная польза от моей разведывательной деятельности. Много из того, о чем мне приходилось докладывать, обрабатывая сведения, добытые гигантскими усилиями слушачей разведцентра Lourdes (так называлась наша контора), можно было просто выудить из американских СМИ. Потрясающей была, конечно, экспедиция Apollo 11. В реальном масштабе времени одновременно со всем персоналом космического центра Cape Canaveral я услышал живую речь, донесшуюся с Луны 20-го июля 1969 года:

– *That's one small step for a man, one giant leap for mankind.*

Нет, работа в Лурдесе стоила того. Я записал слова Нила

Гелий Вишенчук-Вишенька

Армстронга и отослал в Москву.

Суббота, 27 января 2018

Casa numero ciento cuarenta y tres

Отдельная кучка домов в этой части света обычно называется деревней. Наша деревня Juan de Dios Fraga – это три ряда жилых домов американской постройки с двумя продольными улицами и одной поперечной. Нас поселили в доме номер 143 – casa numero ciento cuarenta y tres.

В доме три спальни с клозетами, большая прихожая, переходящая в столовую, душевая со всеми удобствами, включая биде, и кухня с газовой плитой и холодильником. С фасада угол дома огибает небольшая терраса. С тыльной стороны есть еще одна небольшая комната с удобствами (необитаемая) и специальная ниша с ребристой раковиной для ручной стирки и электрическим водонагревателем. Там же, сзади – небольшой садик с манговыми деревьями.

В доме мы не одни

Беда – отсутствовал кондиционер. Трудным делом было уснуть, и не только из-за жары. Перед сном мы брали в руки полотенца и выгоняли из спальни комаров – лютых зверей особой кубинской породы. Если в комнате был хоть один из них – ночь пропала. Стоило только выключить свет, как он начинал противно зудеть, стоя над жертвой, как вертолет, и принаравливаясь, потом кидался и жалил.

Не позволяли расслабиться также полчища огромных летающих тараканов, хотя с ними было проще. И лягушки. Маленькие симпатичные разноцветные лягушки с присосками на лапках тоже не были ангелочками. Ужас в том, что они совсем не боялись человека и норовили обязательно прыгнуть навстречу и впиться в физиономию.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Нечего было паяться на меня

На работу мы, разведчики ГРУ, добирались в служебном автобусе через небольшие поселки El Cano и Torrens – это занимало чуть более десяти минут. Сначала въезжали в ворота армейской бригады, а затем еще раз в ворота разведцентра. В первый же день меня посадили смотрящим, и вдруг, когда мы проезжали El Cano, я увидел, что с панели на меня уставился вот такой лягушонок. Я еще не привык равнодушно относиться к инопланетянам, поэтому вытащил носовой платок, изготовился, схватил лягушонка и выбросил в окно вместе с платком.

Прости меня, малютка. Нечего было паяться на меня. Я завернул тебя в платочек, и с тобой ничего не случится.

На лужайке перед домом в вертикальных норах водились огромные черные пауки-вдовы, размером с кулак. Почуввав опасность, они начинали высоко подпрыгивать, как на пружине. Слава была храброй девочкой и гоняла их шваброй. Однажды Нина застала ее за этим занятием и ей стало дурно: никто не знал, насколько ядовитыми были эти вдовы.

Историческая поездка

Запрещалось самостоятельно покидать пределы деревни. Только на экскурсию, и всей толпой. В первый раз мы прошвырнулись по Гаване 8 ноября 1967 года. Это было незабываемое событие, можно сказать, историческое. Как потом оказалось, дореволюционная Куба в эти дни находилась при последнем издыхании, хотя была еще жива. Мы с Ниной были новичками, и старожилы провели нас по старой Гаване, по сказочной 23-й улице, по Прадо, показали набережную Малекон, аллею Президентов, Капитолий, университет, и, конечно, мы гурьбой побегали по маленьким кафе и лавочкам, а я заскочил в книжный магазин и второпях

Гелий Вишенчук-Вишенька

купил несколько американских детективов. Попили кофе на кубинский манер из миниатюрных керамических чашечек, очень горячий, сопровождаемый бутылкой refresco, вытасенной из ванны со льдом.

Вкус этого кофе запомнился. Впоследствии мне только однажды случайно посчастливилось выпить чашечку такого кофе проездом в Орландо, Флорида. Нина тоже тогда узнала этот вкус.

Воскресенье, 28 января 2018

Кубинский socialismo

Мы обошли несколько лавочек, где продавались безделушки из дешевого золота. Нина выбрала тонкое колечко и миниатюрную подвеску с изображением Марии с Младенцем. Мои три книжки и эти две вещички – это все то ценное, что мы успели приобрести на Кубе.

В начале 1968 года Фидель Кастро подписал указ, запрещавший частную торговлю. Исчезло все. Испарились мелкие лавочки и бутики. Государственные магазины зияли пустыми полками. Наступил полный кубинский socialismo.

Приключения «ихтамнета»

Плывать на запрет. Каждый раз, когда выдавался свободный денек (обычно воскресенье), я выходил из деревни, садился в автобус и по 5-й авеню – в Гавану.

Старенький советский фотоаппарат ФЭД работал безотказно, и я наснимал множество выразительных лиц, и удивительных пейзажей. Однако все не так просто.

Начну с самого начала. В день прилета, после того как мы прошли таможеню в аэропорту Хосе Марти, работник советского посольства в Гаване спросил меня:

– Как вы указали цель своего приезда?

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Я говорю:

– Servicio militar.

Он схватился за голову:

– Надо было: economico.

В посольстве у меня отобрали все документы и выпустили ни с чем, то есть без единой бумажки. Словом, я был никто, божок, или иначе: меня там нет. Это приемчик широко использовался советской разведкой и люди такого рода назывались «ихтамнетами», да и теперь называются. В общем, «наш человек в Гаване».

Где-то посередине 5-й авеню я вышел на тихую улочку с ухоженной растительностью и красивыми особняками в испанском колониальном стиле, видневшимися за изящными оградами.

Иду, фотографирую налево и направо. Вдруг замечаю, что со всех сторон ко мне бегут люди в военной форме. Я остановился.

Молодые парни и две-три девушки. Парни смотрят на меня с любопытством, а девушки хмуро и даже враждебно, наверное, верят в свою революционную бдительность. (А в глубине кармана патроны от нагана и карта укреплений советской стороны). Молча окружают. Потом происходит такой диалог:

– Quien es usted?

– Estoy Ruso militar. Vido en Fraga.

– Identificacion?

– No tengo.

– Quitar la pelicula de su camera.

– No problema.

Вытаскиваю катушку с пленкой и отдаю самой сердитой девушке. Ребята стали совещаться, видимо, на предмет расправы, о чем же еще. Я не понимаю ни слова, стою улы-

Гелий Вишенчук-Вишенька

баюсь. Видят они, как у меня трясутся поджилки, или нет? Вдруг все разом отворачиваются от меня и расходятся по своим особнякам. Ну, вы, ребята, слов нет. Muchas gracias. А могли бы... Нет, лучше не думать.

Свобода, Санчо...

Давнишняя моя мечта была говорить и читать по-испански. В университете во Львове был испанец Don Jose Moreno Palli, настоящий, из Испании. Он и выглядел, как испанец, ну, просто автопортрет Гойи: такое же мужественное лицо, немного размытое, нос картошкой, образчик благородства и особой испанской тайны. Дон Хосе вел факультатив испанского языка, и я одно время был у него студентом. Потом бросил. То ли другим делом занялся, то ли не стерпел невыносимого для меня бремени: еще одного учителя над собой. Успел только нахвататься первичных знаний и кое-каких отрывочных текстов, среди них был мой любимый, я его и сейчас помню:

La libertad, Sancho, es uno de los más preciosos dones que a los hombres dieron los cielos; con ella no pueden igualarse los tesoros que encierra la tierra ni el mar encubre; por la libertad así como por la honra se puede y debe aventurar la vida, y, por el contrario, el cautiverio es el mayor mal que puede venir a los hombres.

«Свобода, Санчо, – это самый что ни на есть драгоценный дар, посланный людям с неба. С ним не могут сравниться...».

Сопровождал меня во всех моих передрыгах и такой стишок, пристегнутый эпитафией к роману Ромена Роллана «Очарованная душа»:

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

El Corazon te daré,
Tambien te daré la vida.
Y el alma no te la doy,
Porque esa prenda no es mía.

Сердце тебе отдаю,
жизнь до последнего дня.
Душу отдать не могу.
Она не моя.

(Перевод мой). Ничего существенного и цельного. Не помогла и Куба. Не было ни времени, ни возможности. Раз в неделю проходила через деревню бригада молодых кубинцев, вырубавших до земли все, что успевало вырасти на лужайках. А в единственном на всю деревню продуктовом магазине сидела на кассе и распевала свои песни слегка тронутая негритянка Кука. Вот и весь высший свет.

В совсем-совсем давние времена врезались мне в память два фильма. Первый фильм Carmen (1942) с Жаном Маре в главной роли – шикарный, величественный испанский выговор, заслушаешься. И второй – Robre mi madre querida (1948). В центре этого фильма аргентинский певец и актер Уго дель Кариль. Я и сейчас время от времени прослушиваю его песню оттуда с одноименным названием. Вообще, там полно песен в его исполнении, в том числе сногсшибательная Marechiare.

Понедельник, 29 января 2018

Мне по душе эти люди

Мои знания о Кубе того времени в основном не выходят за пределы личного опыта. Огромный автобус Greyhound мчитя по узким улочкам старой Гаваны, едва не задевая

Гелий Вишенчук-Вишенька

стены домов, не снижая скорости на поворотах. Пассажиры безмятежны, я нервничаю. На грузовиках с открытой платформой сидит народ, свесив ноги. Люди с двух сторон облепили кабину, стоя на ступеньках, машут руками, приветствуя всех, кого видят. У водителя вместо сиденья табуретка. На длиннющих дизельных автомобилях эпохи раннего Элвиса Пресли лихо разъезжает молодежь.

Мы несемся на джипе по хайвею. Любители обгона показывают нам букву V. Мы поздравляем их с победой. С переднего автомобиля срывается капот и, развернувшись, врезается в нас с правой стороны. Спасают крепкие планки на джипе. Рядом со мной планку прогнуло углом, угол уперся мне в бок. Будет огромный синяк. Удаляясь, капот кувыркается сзади по бетону. Едем дальше.

На улицах Гаваны прохожие охотно позируют перед фотоаппаратом, просят фотографию. Я не могу обещать, не знаю, когда еще выберусь. При полном дефиците одежды женщины носят легкие, изящные платья собственного покроя. Вдруг промелькнет краешек танца, прозвучит отрывок мелодии *Guantanamera*. Социализм еще не успел изуродовать человека ни снаружи, ни внутри. Мне нравятся эти люди, я люблюсь ими.

Пиджачок со списком

Через несколько дней после нашего приезда весь Лурдес собрался за длинным столом праздновать 50-летие Октября. Все упились до чертиков. Замполит Виктор Гурьевич утром проснулся без пиджака. А в пиджаке хранился список личного состава и еще какие-то сверхсекретные бумаги. В ужасе он заметался по деревне. Но не надо волноваться. Пиджачок нашелся в кустах, и, судя по местоположению бумаг, не был даже обыскан.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Когда пьянка достигла своего апогея, мы всем личным составом во всю глотку грянули песню:

Ты, Россия моя, золотые края!
Ты, Россия, родная, заветная!
За твою широту, за твою красоту
Я люблю тебя, родина светлая.

Вспоминая это замечательное по своей дикости застолье, я думаю, что многие из нас в ходе пения любили родину не за золотые края, не за то, что она была широкой и красивой, а за то, что она была далеко.

Все-таки надо отдать должное Родине: она нас не забывала. К 50-летию Советской армии министр обороны маршал Гречко прислал каждому из нас подарок, классический набор ценнейших продуктов: бутылка коньяка, банка красной икры и палка московской колбасы. Однако не каждый из нас так уж сильно обрадовался: некоторые посылки подверглись разграблению – то коньяк отсутствовал, то икра, то колбаса.

Вторник, 30 января 2018

Гадюка спит

Тощий паренек по фамилии Кормилицын, из слухачей, работавших четырьмя сменами в сутки, то и дело терял сознание на рабочем месте. От недостатка сна – такое напрашивалось объяснение. Но тогда непонятно, почему обмороки случались только с ним и больше ни с кем.

Выяснилось, что жена просто не кормила его, сэкономила деньги на сертификаты (имитация американских долларов). Конечно, надо было быть идиотом, чтобы не экономить, это делали все советские люди за рубежом, но не до такой же степени. Более того, она просто не давала ему спать. Сунет ему

Гелий Вишенчук-Вишенька

в руки малого ребенка и уйдет к подругам. Командир разведцентра, Роговой была его фамилия, сказал этой дуре:

– Ты что думаешь, кого прислала сюда Родина, тебя или мужа? Иди собирай манатки.

После отъезда жены Кормилицын хоть и не прибавил в весе, но в обморок падать перестал.

Беспрерывная жара изнуряла и в конце концов сказывалась на поведении человека. Несколько раз нам пришлось возить маленького Костю в госпиталь. Как только мы приезжали, шофер Гадюка сразу бросал на землю съемное сиденье и, пока на него падал, уже спал. Однажды на обратном пути, когда мы ехали по набережной Малекон, Нина тронула меня сзади:

– Смотри, Гадюка спит.

И правда, Гадюка вел машину вслепую, причем так аккуратно, что я даже не почувствовал опасности.

Нина Полякова жаловалась на мужа. Она предложила ему спать, хотя бы иногда, отдельно: мол, и так-то невыносимо, а мы еще разогреваем друг друга жаркими телами. В ответ он заорал:

– Пока ты мне жена, будешь спать со мной. Понятно?

Это была та самая Нина Полякова, которая говорила, что она из порядочной семьи: в их родне никто в тюрьме не сидел.

Horror

А между тем недостаток сна мог создать по-настоящему опасную ситуацию. Солдатик из войсковой бригады залез на дерево и уснул, во сне сорвался с ветки и сломал себе шею.

Случались странные, необъяснимые трагедии. Вскоре после прибытия удавился один из наших разведчиков, майор Делединский из Ленинграда. Его хромая жена, не таясь, гуля-

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

ла от него с кем попало. Видя, как она идет по деревне, сильно припадая на правую ногу, женщины говорили:

– Ну вот, пошла.

А может быть, дело было не в жене. Ходили слухи, что после Кубы ему предстояло безрадостное, похожее на ссылку назначение – какая-то глушь в Белоруссии. Будто бы он сказал: «Лучше повешусь, чем туда». Чего тут гадать? Нет человека.

Войсковой офицер встал на край дамбы, дважды выстрелил себе в грудь (как он умудрился?) и кинулся в море (чтобы совсем наверняка). Был трезв, никакими житейскими неприятностями не отягощен, наоборот, имел хорошие перспективы по службе. Любящий муж, отец. И вот.

В море выловили труп еще одного войскового офицера. Грудь пробита чем-то острым, вроде стрелы. Никого из своих со стрелами рядом не было, чужих тоже не было. Был пустынный пляж. Странно.

НАЗОВИ ЕГО ФИДЕЛЕМ

Научная истина

На нашей улице в доме напротив жил говорящий попугай. Он любил ходить пешком через дорогу на нашу сторону, где обычно играли дети. Завидев сына хозяйки, он начинал его звать: «Саша!», – а когда с работы возвращался сам хозяин, он кричал от его имени: «Юля, иду!».

Наискосок от нас, рядом с домом попугая жил со своей женой Дерюжкин, из нашего разведцентра. Жена стерегла его, и он придумал хитрость: сольет бутылку рома в банку из-под сока и поставит в холодильник. Она долго не могла понять, как он успевает довести себя до кондиции. Но вообще-то, остановить это было невозможно, научная истина. Кроме любви к алкоголю, Дерюжкин был фанатом ритуальных текстов из устава гарнизонной службы и при всяком удобном случае цитировал московские торжественные марши зычным профессиональным голосом командующего парадом:

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

– Смирно! К торжественному маршу, побатальонно, на одного линейного дистанции, первый батальон прямо, остальные направо! На плее-чо! Равнение наа-право, шагом – марш!

Стаканчик бакарди

Нашим соседом сбоку был Клиmano с женой и дочерью. Сам Клиmano (фамилия его была Климанович, но мы вслед за его маленькой дочкой пользовались сокращением) заведовал секретным отделом, а практически одной печатью. В конце рабочего дня он вынимал ее из кармана и опечатывал кладовку, где хранились никому не нужные армейские уставы и несколько американских журналов TIME – подарок разведцентру от советского посольства в Гаване. Это была его единственная обязанность.

У Славы подружек по возрасту не было, только одна эта маленькая Клиmano, и поэтому мы иногда заглядывали к соседям. В гостиной не было ни кресел, ни кушеток, сидели за столом. Клиmano время от времени отлучался к холодильнику, приседал там за дверцей, опрокидывал стаканчик бакарди и с невинной физиономией возвращался к разговору. Правда, разговаривать особенно было не о чем. Мы прекратили визиты.

Boa constrictor

В целом наши разведчики совершенно не интересовались ни Кубой, ни ее людьми, ни ее природой. Не то Румянцев. Это был заядлый фотограф, охотник и звероподобный человек вроде Тарзана. Он наловил в море тонны ракушек и научил всех, как вытаскивать из них маллюсков. Надо цеплять их на крюк и подвешивать: опустевшая ракушка упадет сама. Из нас только он один охотился на таких жутких рыб,

Гелий Вишенчук-Вишенька

как барракуда или мурена.

Женщины в ужасе закричали, увидев, как из кустарника, окружавшего нашу деревню, выполз невиданных размеров боа констриктор. Выскочил Румянцев с мачете в руках и отрубил удаву голову, залив кровью всю улицу.

Впрочем какой-то интерес к «стране пребывания» все-таки имел место. Наш сосед с тыльной стороны, фамилия его была, кажется, Усенко, вырезал из журналов и рекламных изданий цветные фотографии и, сопровождая их рукописными текстами из энциклопедии, наклеивал в альбом. Но все это он делал, не выходя из дома.

Среда, 31 января 2018

Курица с циплятами

В нашей деревне Juan de Dios Fraga посторонних не было. Слава смело осваивала ближние и дальние уголки территории и однажды залезла на старую деревянную вышку. Непонятно, зачем была там эта вышка. Слава взобралась на самый верх, а спуститься побоялась. Там ее обнаружил кубинец из деревенской комендатуры, снял и привел домой.

По деревне расхаживала беспризорная курица с циплятами, и как раз когда Слава возилась в луже у водяной колонки, она привела туда свой выводок на водопой. Славе захотелось потрогать маленьких циплят, курица с криком кинулась на их защиту, но поскользнулась в луже и проехала мимо Славы сверху ногами.

Слава не признавала никакой одежды без карманов. Вообще-то, да, как можно без карманов. Как-то раз мы с маленьким Костей возвращались из госпиталя и заглянули в аптеку. Посреди аптеки стоял столик и на нем глубокая чаша с множеством разноцветных пузырьков из-под лекарств. Когда стали уходить, оказалось, что у Славы все карманы

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

набиты пузырьками. Признаюсь, я через силу заставил себя выскрести их оттуда. На месте Славы я бы заорал от обиды, но она вытерпела.

Пляж диктатора Батисты

Среди развлечений первое место, пожалуй, занимал небольшой, прекрасно обустроенный пляж министерства обороны MINFAR в районе Марьянао. До революции им пользовался диктатор Батиста. Шикарный пляж, ничего не скажешь: волейбольная и еще какая-то площадка для непонятной игры, читальный зал с библиотекой, бильярдная, буфет, шикарный туалет из цветного мрамора... Пляж отгорожен от моря подковообразной дамбой с перилами и зарешеченными подводными окнами. Безопасно. Впрочем, акул возле Минфара я не видел.

Под водой на стенках дамбы много черных морских ежей. Выбираясь по летнице наверх, можно легко промахнуться и попасть ногой в стенку с ежами. Черная игла проникает глубоко в ногу, остается там и долго не рассасывается, причиняя сильную боль.

Пару раз я занимался снорклингом с наружной стороны пляжа. Незабываемое зрелище. Разноцветные рыбки. Непонятные существа. Одно такое треугольное создание, похожее на утюг, явно передвигается с помощью реактивных двигателей. Черт-те что. В руках у меня пика, прямо передо мной машет крыльями манта. Вот размахнусь и... Э, нет! Там тоже есть чем меня огреть.

Ужасы и страхи

Вдруг Слава исчезла с пляжа. Пляж небольшой, закрытый, исчезнуть непросто. Налево, направо, нигде нет. Кинулся к воде – нет. Паника. Взрыв в голове. Успокаиваю себя: здесь,

Гелий Вишенчук-Вишенька

здесь она. Некуда ей деться, некуда. Но вижу, что ее нет. Стоп! Спокойно! Дети прячутся. Внимательно смотрю по сторонам: спрятаться негде. Приглядываюсь: в дальнем углу пляжа бетонная плита. Бегу к ней и уже знаю: там, там, больше негде. Падаю грудью на песок: из узкого пространства под плитой на меня смотрят родные карие глазки.

Самый большой пляж на Кубе – Varadero. Здесь тоже случилась неожиданность. С Костей на руках я по мелководью слегка отошел от берега и посадил его в воду поплескаться. Только надо было знать, что из-за сильного прибрежного течения дно на пляже постоянно меняется. Когда шли обратно, я вдруг провалился по горло, потом совсем ушел под воду. Но берег был все-таки близко и я сумел за три шага перенести Костю поверх головы через донный овраг.

Выпала неделя отпуска в Guanabo. Мы поселились в богатом, заброшенном особняке на берегу моря. Пляжа рядом не было. Дети бегали по лужайке, собирали тамаринд и орехи. Слава любила забираться на дерево и смотреть на нас сверху. Сохранилась фотография: Нина с Костей на руках, Слава сидит на дереве. Неделя прошла без происшествий.

На Кубе великое множество пляжей, один из самых красивых – Santa Maria del Mar. Был еще огромный мелкий пляж El Salado для простонародья. Он знаменит тем, что там одинокую женщину Ирину, секретаршу из войсковиков, бывшую пассию Юшкова, ужалил в пятку скат. Она упала, кое-как выбралась на берег, но двинуться не могла, и войсковики уехали без нее, забыли. Ее подобрал наш автобус.

Несколько дней Нина ухаживала за ней, носила ей продукты. А обо мне она Нине сказала, что ценит мою деликатность. Будто бы я где-то застал ее с Юшковым и никому ничего не сказал. По-моему, выдумала.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Четверг, 1 февраля 2018

Ботинки Хемингуэя

Съездили поглазеть на кабаре Tropical. Заведение не функционировало, но было разнаряжено, как свадебная невеста. Сказочная красота. Фонтан с хороводом обнаженных девушек. Но все это выглядело мертво, как раскопки древностей.

Побывали на вилле Дюпона. Поле для гольфа, экзотические растения, роскошные тропические цветы, малютки калибры... В доме на первом этаже слева – дверь в кабинет и огромную библиотеку с книжными полками до потолка. Справа вход в кухню. С обеих сторон холла лестница ведет на галерею с рядами спален. Третий этаж – смотровая площадка в виде башни, влажный ветерок. Внизу – ступеньки к морю и пляж. А где сам Дюпон? Наверное, там, где посторонние люди не топчут его собственность.

Нина съездила с экскурсией на виллу Хемингуэя. Там ее поразили две вещи: огромные ботинки писателя и мебель, изъеденная термитами. Ботинки Хемингуэя я могу нарисовать в уме, а на что способны термиты, знаю сам. Однажды я положил книгу на комод и через пару дней решил продолжить чтение. Книгу насквозь как-будто прострелили дробью.

Гад Соменко

Нам посчастливилось проехать с экскурсией вдоль всего острова до города Сантьяго де Куба. Мы видели крутые зеленые горы, глубокие долины в утреннем тумане, водопады. Сфотографировались на мосту над бездонной пропастью.

Побывали в индейской деревне Guama. Индейцев там нет. Это довольно комфортабельный туристический центр на небольших островках среди болот. Мы погуляли по деревянным мосткам поверх топкого болота, распугивая гигантских

Гелий Вишенчук-Вишенька

крабов. Покатались на лодке. Переночевали в хижине со всеми современными удобствами. Вечером посетили ресторан. Замкомандира Лягуша немного подвыпил и решил повеселить нас шутками по поводу своей фамилии, изображал лягушонка и квакал.

А гад Соменко увидел в меню блюдо из лягушки и стал требовать, чтобы ему заранее принесли и показали, что там такое. Он вращал глазами и твердил одно слово: *mirar, mirar* (взглянуть).

Официант сделал вид, что не понял.

На следующий день мы побывали на крокодильей ферме. Scary.

А гадом Соменко был из-за жены. Она пришла к командиру и стала просить, чтобы он защитил ее от сексуального маньяка, каковым являлся ее муж. За Соменко числились и другие гадости, но больше тратить на него время я не хочу, пошел он вон.

Cassia tuberosa и кровать императора

Ракушки были единственной ценностью, которую можно было увезти с собой на родину. Я набрал их, сколько нужно, за один раз на диком пляже. Плавал с пикой в руке. Наткнулся на сообщество лангустов. Их вожаки растопырили клешни и двинулись на меня. Не пугайтесь, ребята, я тут мимоходом. Меня подхватило течением и понесло от берега. Я заработал ластами, сильнее, изо всех сил. Теперь стою на месте, втыкаю пикю в песок, отталкиваюсь и начинаю двигаться вперед. Выбрался. Уф! По незнанию я действовал вопреки правилам. Чтобы не унесло, нужно плыть поперек течения, пока оно не кончится.

В тот единственный раз мне повезло, ну, как всегда везет новичку. Я набрал обыкновенных большущих *strombus gigas*

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

с оранжевой губой и мне одному попалась *cassia tuberosa* совершенной формы и расцветки. Чуйков предлагал мне за нее весь свой улов. Нема дурных.

Между прочим, это тот самый Чуйков, который однажды по пьянке ошибся и переночевал в чужом доме. С тех пор он заходил к себе домой только после того, как узнавал свой номер, вслух прочитав все предыдущие номера.

Нездолго до отъезда мы вчетвером побывали в зоопарке. Накрапывал дождь. Звери жили своей дремотной жизнью, только один тигр яростно метался в клетке. Посетили музей Наполеона. Персонал отсутствовал, вообще никого. На втором этаже мы зашли в спальню императора: аккуратно постеленная кровать, одеяло, подушки, видно, что императорские, и ночной горшок. Мы вышли во двор и сфотографировались.

Пятница, 2 февраля 2018

Es tu bebe

В те годы Кубу потряс один единственный ураган, да и то издали зацепив крылом. И все равно я помню рваные тучи над головой, раскаты грома, слившиеся в один непрерывный гул и жуткий ветрище. Глубокие ливневые воды два дня тащили по улице смытую с террас мебель.

В среду во второй половине дня 4 декабря 1968 года мы ехали по Малекону в госпиталь. Машину вел рядовой Гадюка. С левой стороны огромные волны с размаху били в парашет. Брызги дугой перелетали через джип.

Мы спешили: у Нины начались схватки. Но она вела себя так спокойно, что когда мы поднимались в лифте в родильное отделение, кубинец, сопровождавший нас, спросил: а точно, что начались? Нина улыбнулась и ответила — да, конечно.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Когда на следующее утро я приехал в госпиталь, в коридоре меня встретил какой-то парнишка и без всяких предисловий спросил:

– Ruso?

– Si.

Он провел меня дальше по коридору к стеклянной перегородке. За ней на кровати под белой простыней, раскинув ручонки, лежал новорожденный младенец. Мой провожатый показал на него пальцем:

– Es tu bebe.

Первое, что сказала Нина, увидев меня:

– Видел старичка?

И сразу добавила:

– Утром подошли ко мне с бумагой, потребовали имя. Я сказала: Константин.

Позже Нина рассказывала, что роженицы-кубинки в палате ее выбор не одобрили:

– Что за смешное имя, Константин. Назови его Фиделем.

А вообще, они отнесли к Нине с большим интересом, расхаживали в ее туфлях, угощались ее шоколадом и бурно обсуждали, какой большой *baron* (мальчик) родился у русской.

Со своей стороны Нину удивило, что человек десять их родственников, ввалившись в палату, сразу вытащили толстые сигары и начали курить.

На следующий день я не смог приехать, а когда потом приехал, Нина плакала от одиночества. На Малеконе было спокойно, но все равно я велел Гадюке не превышать 50 км/час. Гадюка взвыл: так медленно он никогда не ездил.

Наконец мы дома. Слава привела деревенских детей посмотреть на маленького брата. Нина отправила их обратно.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Добрый совет

Когда Косте пришла пора вставать на ноги, мы стали брать детей на заброшенную детскую площадку. Там из земли торчал столбик, оставшийся от каруселей. Костя учился ходить, держась за этот столбик.

Костя любил гулять по деревне у меня на руках, при этом пальцем показывал направление, куда идти. Куда показывал, туда мы и шли. Когда он чуть подрос, его стала интересовать техника (мальчишка же): часы, фотоаппарат, радиоприемник. А уж когда я сажал его за руль автомобиля, он забывал обо всем.

Маленькая история о том, как Костя сказал первое слово. Нина кормила его из ложечки манговым пюре. Слава позвала: «Мама!». Костя услышал, проглотил пюре и повторил: «Ma!». И засмеялся.

В посольстве мне дали добрый совет:

– В графе «место рождения ребенка» мы обычно рекомендуем указывать Москву. Иначе получается заграница. А для анкеты это впоследствии... сами знаете.

Наврать. Ничего себе добрый совет. Мой сын родился в самом красивом городе на земле, причем тут Москва. Я возмутился:

– Совершенно верно: получается заграница. Так и пишите: Гавана, Куба.

Сначала Веселову

Близится конец моей заокеанской истории. Скоро домой, на родину. Ох, уж эта родина! То ли мать родна, то ли...

Подходит ко мне прямо на улице какой-то из вновь прибывших, приветствует и говорит:

– Не вижу от тебя донесений.

Кагэбэшник. Прикидываюсь тупым:

Гелий Вишенчук-Вишенька

– Донесения я отсылаю министру обороны.

– Я не это имею в виду.

– А что ты имеешь в виду?

– Донесения. Ты обязан писать их мне.

– Ты кто, министр обороны?

– Ты знаешь, кто я.

– Хорошо. Что за донесения, о чем?

– Настроения. Высказывания.

– Например, чьи?

– Ну, вот, скажем, Веселов там у тебя.

Откуда этот тип взялся на мою голову? Не трогали ведь до сих пор.

– Хорошо. Напишу, но сначала покажу Веселову.

– Ты что, издеваешься?

– Правильно понимаешь. Ко мне больше не подходи.

Гэбэшник рассвирепел, морда красная, глазки сузил. Для него это прокол, серьезное упущение.

– Командир сегодня же будет знать об этом. Я доложу в Москву. Ты знаешь, какие будут последствия. Немедленно вылетишь обратно.

– Ладно, иди своей дорогой.

Отвальная

Кубинский период продлился два года и восемь месяцев. Моя должность предполагала три года, но срок мог увеличиться до четырех лет, и с персональной заменой. Обошлось без замены. Словом, Куба заканчивалась.

Устроили отвальную. Нина постаралась приготовить вкусные блюда. Получилось скучновато, не все пришло. Нетрудно было догадаться, что весь личный состав был связан «конторой». Я стал токсичен.

Задолго до начала пришел Сутугин. Сказал, что вечером

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

не может, надо ехать в посольство. Это была неправда. Просто нельзя было показываться у прокаженного. Стол уже был накрыт, и он остался доволен. Ушел, немного пошатываясь. Что он во мне видел? Почему заступался?

Мы покидаем Кубу

То ли по глупости, то ли из ложной скромности я так и не сказал ему спасибо. Он устроил мне Кубу в обход «конторь», на Кубе не позволял трогать меня. Но ему не удалось защитить меня от нового гэбэшника. После Кубы он ушел в отставку. В Риге мы случайно встретились на улице, и опять я не поблагодарил его. Ну, что мне стоило!

Кубинский период запомнился как самый счастливый. Я возвращался на родину с ясным пониманием, что, хотя будущее не сулит ничего хорошего, моей опорой всегда будет память о прекрасном времени, прожитом на Кубе.

О Малекон! Я все отдам
за память, но – провал.
Как будто я родился там
и больше не бывал.

Зато, конечно, стариком,
глубоким стариком
я выйду на берег морской
и вспомню Малекон.

Я через пенную гряду
махну ему рукой
и больше к морю не приду.
И больше не приду.

ТОЖЕ ОТЛИЧНОЕ МЕСТО

Суббота, 3 февраля 2018

С тяжелым сердцем приступаю я к этой части повествования. Возвращение на родину стало началом долгого периода неудач и разочарований. Эксперимент с армией надо было заканчивать. Еще в Испасе, собираясь в Ташкент, я знал, что армия не навсегда. Непонятно как, но не навсегда.

В Москве мы на пару дней остановились у Евгения и Клавдии Агафоновых на Кутузовском проспекте, они в это время жили на даче. Встречать нас приехали мама и Петр Григорьевич. Они с интересом выслушали наши рассказы о Кубе, а на Костю смотрели, как на инопланетянина. Ему наша родина не понравилась. Он прижался к Нине и сказал:

– Мама, я хочу домой.

Пришли Сухачевы, Володя и Римма, а также Поляковы, Евгений Иустинович и Евдокия Григорьевна.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Бросай!

Поляковых я знал еще с тех пор, когда они приехали во Львов на свадьбу Игоря и Аиды. Евгений Иустинович обладал громовым голосом и любил рассказывать одни и те же истории по многу раз. Евдокия Григорьевна с тоской говорила:

– Ну, сколько можно.

Незнакомые люди просили его не кричать. Он отвечал:

– Это мой нормальный голос, ничего не могу поделать.

Вот его типовая история. В ресторане официантка держит над заставленным столом тарелку с борщом и смотрит, куда поставить. Евгений Иустинович командует трубным голосом: бросай! Официантка выпускает из рук тарелку. Это реальная история, говорит он. Евдокия Григорьевна морщится.

В 1962 году я заскочил к ним, когда проходил собеседование в министерстве обороны по поводу поездки в Египет. Евгений Иустинович обрадовался. Он знал, что из Египта все возвращаются с автомобилями «волга».

– «Волгу» отдашь мне. Зачем она тебе?

В старости Евгений Иустинович много болел, но чувство юмора никогда не терял. Показывая на Брежнева в телевизоре, он говорил:

– Пусть сначала этот окочурится.

Mucha mierda

После отпуска в Одессе я вернулся в Москву за новым назначением. Начальник отдела кадров министерства обороны подполковник Заболотный протянул мне бумажку и сказал:

– Ну, ты счастливчик.

Бумажка оказалась пропуском в «стекляшку», так за стек-

Гелий Вишенчук-Вишенька

лянные стены прозвали здание ГРУ. На проходной мне сказали, что нужен сопровождающий.

Я позвонил Коле Альбердину. В Лурдесе мы сошлись с ним на базе профессиональных интересов: он отвечал за Западный полигон (Vandenberg, CA), я – за Восточный (Cape Canaveral, FL). Во всяком случае мы договорились, что я так или иначе позвоню ему в Москве. После Кубы он был здесь уже полгода. Альбердин сказал:

- Посторонних к нам не пускают.
- Я не посторонний.
- Зачем тебе сюда?
- Сам не знаю. У меня пропуск.
- Так бы сразу и сказал. Я сейчас.

Альбердин привел меня к начальнику. Начальник взял пропуск и убежал. Пока он бегал, мы разговорились. Коля с сомнением отнесся к моему визиту. Он знал. Мне было все равно. Наконец прибегает начальник:

- Нет, вы направляетесь в Ригу. Тоже отличное место.

Вообще-то, об этом мне было известно и без него. Значит, ГРУ все-таки хотело меня взять, но вмешалась «контора». Ну, и к лучшему. Уволиться из «стеколяшки» было бы проблематично, если вообще возможно. Ладно, Рига так Рига. Всего хорошего. Mucha mierda.

В тот день в Москве напоследок случился один мелкий, но характерный эпизод. Я зашел в небольшое стоячее кафе перекусить и выпить кофе. Какой-то шалопай сорвал с вешалки мою авоську с деликатесами и направился к выходу. Я говорю:

- Авоську верни откуда взял.
- Ой, а мне показалось, это мой товарищ оставил. Твоя

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

что ли?

– Моя, моя.

Шалопай возвращает авоську на место и на выходе, обернувшись, говорит:

– Ну, смотри, если не твоя.

На Кубе я потерял всякое представление о совке, иначе не стал бы придавать значение этой мелочи.

Казус подполковника Грицая

Итак, надо было увольняться. Известно, что в армии мозги начинают усыхать уже во время службы.

Умом ты можешь не блеснуть,
Но сапогом блеснуть обязан.

После увольнения процесс ускоряется, а дальше – моральная и физическая смерть.

Правда, я знал одного человека, удивительным образом избежавшего деградации. Этот человек, подполковник Грицай, был нашим соседом в доме на Черноморской. Он преподавал в артиллерийском училище общественные науки: марксизм-ленинизм, истмат-диапат и прочую идеологию, съезды и постановления. Свою профессию он люто ненавидел, просто кушать не мог. Зина, жена Грицая, жаловалась Нине, что после лекций в училище «Андрей страшно устает, на ногах не стоит».

В голове подполковника Грицая без конца прокручивались цитаты из Маркса, Энгельса, Ленина. С одной стороны он эти цитаты не понимал, а с другой не мог с ними согласиться. Это противоречие доводило его до помрачения рассудка. Он стал походить на привидение.

Грицай ушел в отставку в тот самый день, когда по возрас-

Гелий Вишенчук-Вишенька

ту вышел срок его службы. Месяца два он целыми днями валялся на кушетке и улыбался. Потом встал и буквально в течение одного дня устроился сторожем на автомобильной стоянке пляжа Отрада. Теперь его трудно было узнать: посвежел, помолодел, приобрел юношескую походку. На вопрос Нины, что случилось с человеком, Зина коротко ответила:

– Андрей нашел свое призвание.

Тут нужен психиатр

Причина увольнения могла быть разной. Всего их было три. Первая – по болезни: рак, инсульт, туберкулез, язва желудка, психическая болезнь и прочее, желательное смертельное. Симуляция требовала постоянного притворства в течение долгого времени. Играть роль – еще куда ни шло, а обманывать... этого в списке моих способностей не было.

Вторая – по факту преступления или поступка, несовместимого с пребыванием в рядах, причем нужно, чтобы преступление не было единичным. Но гарантии тоже никакой. Наш начальник бюро переводов в Ташкенте майор Мостовой был классическим эксгибиционистом. Он прятался в кустах возле школы и расстегивал ширинку перед малолетками. По этому поводу было созвано партийное собрание. Завершая дебаты, выступил с речью майор Красотов. Вот что он сказал, если коротко:

– Товарищи, вы что ёпнуть творите? Человек ёпнуть болен. Его не наказывать ёпнуть нужно по партийной ёпнуть линии. Что за фигня! Мужики ёпнуть нужен психиатр.

Красотов был настоящий виртуоз. Он так ловко рассеивал матерщину, что нужно было долго слушать, чтобы догадаться, что это у него там ёпнуть между слов проскальзывает. А майора Мостового просто сослали в провинциальный военкомат в том же майорском звании.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Белое и черное

В эпоху правления Хрущева была сделана попытка кормить население бесплатным хлебом. Когда хлеб закончился, вышло партийное постановление о рациональном распределении хлеба: белый в Москве, черный – по всей стране. Постановление утверждалось на партсобраниях. У нас все выступили за, а подполковник Каверзнев против. Раз так, сказал он, пусть все едят черный хлеб. При этом подполковник Каверзнев не учел, что до выслуги лет ему оставался еще год, что его жена, будучи женой военнослужащего, за всю свою жизнь ни копейки не заработала на пенсию, что на руках у него две дочери, сын и мать и что живет он в казенном бараке. И когда его вызвали в штаб округа и пригрозили уволить за строптивость, он взмолился:

– Родимые, помилуйте! Виноват. Бес попутал.

То-то, сказали ему, иди и не балуй больше.

И третья причина – по сокращению штатов. Этого в армии со времен Хрущева не было и не предвиделось. Так что думай, думай, сказал я себе.

А между тем перед моими глазами разворачивался блестящий пример, как можно наверняка уволиться сразу по двум причинам. Автором верняка был лейтенант Нарымов.

Воскресенье, 4 февраля 2018

Никогда больше

В Риге я остановился в той же офицерской гостинице на улице Меркеля. Офицерская не офицерская, но случаев воровства там было ничуть не меньше, чем везде. В первый же день у меня сперли электробритву – стопроцентный дефицит, ни за какие деньги нигде не достать.

Вдруг встречаю на улице Анатоля Засоркина. Он был в Чехословакии во время тамошнего восстания, а потом в

Гелий Вишенчук-Вишенька

Советске, бывшем Тильзите. В Риге был проездом, искал меня. Долго ли, коротко ли – я похлопотал за него, и он получил переназначение в нашу часть. Теперь нас было двое в гостиничном номере.

Пришло уведомление из автомагазина: приглашали приехать и забрать «москвич 412», купленный за сертификаты. Мы поехали с Колей Киселевым. «Москвичей» было четыре. У трех наперекосья вставлено ветровое стекло, двери не захлопываются. На четвертый я скрепя сердце согласился.

До заправочной не доехали: кончился бензин. По дороге испробовали разные мелочи: прикуриватель, радиоприемник. Ничего не работало. В мастерской специалиста по «москвичу» обрезали шнур прикуривателя. Иначе пожар, сказали они. Радиоприемник включай, но через помехи хрен что услышишь – это неустранимо. В дождь автомобиль протекает и сверху, и снизу. Спускало левое заднее колесо.

Несмотря на все это, радости было много. Автомобиль. Свой. Собственный. Куда хочу. Когда хочу. Сам. Зови меня Хозяин. Первое время это вдохновляло. Но постепенно начали скапливаться проблемы: неисправности, поломки, ремонт, запчасти, шины, дороги, заправки, злоба водителей, ненависть пешеходов, гараж, страх угона, техосмотры, гаишники... Так продолжалось несколько лет. В конце концов «москвич» я продал, глубоко вздохнул и поклялся никогда больше не садиться за руль.

Хлебный суп

Ненадолго приехала из Одессы Нина. Кашутины, уже вернувшиеся с Кубы, нашли нам комнату. К несчастью. У кушетки подломились ножки и она всей тяжестью упала сзади на ногу Нине. Целый год нога не заживала. Врачи действовали будто во вред. Наконец один опытный врач-стари-

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

чок приложил мазь, изобретенную им самим, и рана зажила.

Еще в прежние времена мы с Ниной любили обедать в рижских столовых и обязательно заказывали хлебный суп и селедку в сметане. Хлебный суп казался нам верхом кулинарного искусства.

В день полочки я иногда заскакивал в маленькую кафузку с правой стороны при выходе из гостиницы и брал пакетик горячих пирожков величиной с мизинец. Но в основном обходился молоком и черным (на самом деле черным) хлебом «клуна майзе».

Совершенно секретно

В последний день летних учений лейтенант Нарымов заявил о пропаже инструкции с грифом «совершенно секретно». Ворота в часть были немедленно заперты, вся территория была прочесана и обыскана, каждый офицер допрошен. На случай, если в голову какого-то идиота могла прийти мысль бросить инструкцию в сортир, полностью выкачали выпребную яму. Никаких следов. В конце концов все стрелки сошлись на Нарынове. Выяснилось, что единственным человеком, покидавшим территорию части во время учений был как раз лейтенант Нарымов – он отвозил донесение в штаб округа. На пятый день Нарымов признался, что инструкцию украл именно он. Дальше между ним и следователем произошел такой диалог:

– Где находится инструкция?

– Я покажу где, но вы должны четко следовать моим указаниям.

– Каким таким нахрен указаниям?

– Сегодня в полночь приходите на Военное кладбище. Двигайтесь по второй аллее слева, пока я не подам знак.

– Какой еще знак? Что за шутки.

Гелий Вишенчук-Вишенька

– Никакие не шутки. Знак будет фонариком. Таково условие.

– Ты что, спятил? Кто тебе сказал, что ты можешь ставить нам условия?

– Вам нужна инструкция? Делайте как говорю.

В полночь на Военном кладбище мелькали вспышки фонариков, таинственные тени прятались за памятниками и из-под могильного камня была извлечена инструкция с грифом «совершенно секретно».

Лейтенант Нарымов был немедленно уволен как опасный маньяк, представлявший угрозу безопасности страны.

В рапорте об увольнении я указал причину: несоответствие профессии и отсутствие стимулов карьерного роста. Никакой надежды на положительное решение у меня не было. Рапорт был, как я думал, всего лишь началом долгих мытарств. Вдруг меня вызывают в штаб округа и начальник отдела кадров показывает мне мой рапорт с резолюцией «рассмотреть по существу», что в переводе на нормальный язык означало: просьбу удовлетворить, то есть уволить. Кадровик вздохнул:

– Ну и что мне с этим делать?

– Как что? Рассмотреть по существу.

– Ну, ты молодец. Без тебя я бы сроду не догадался.

В конце концов он все-таки придумал подвести меня под фиктивное сокращение штатов. Так или иначе дело решилось: прощай, армия. Спасибо за все, что было. Буду помнить все хорошее, а что было не так – сам виноват.

БЕГСТВО

Понедельник, 5 февраля 2018

Агенскалнские сосны

Рига отпустила не сразу. По ходатайству Евгения Григорьевича Агафонова (опять он тут!) я оказался в кабинете Председателя Верховного Совета Латвии Петериса Валескалнса. Он радушно принял меня, проявил должное внимание к проблемам отставного офицера и на прощанье вручил мне записку к мэру Риги с просьбой предоставить мне кооперативную квартиру.

Мэр Гунар Зиемелис с недовольным видом заглянул в записку и сказал:

– Зачем вам обязательно Рига?

– Куда армия посылает, туда мне и зачем.

Мэру ответ не понравился. Глядя мне в глаза он, сказал:

– Если бы не записка, вам был бы отказ. Но я вынужден подчиниться.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Два дня спустя пришло приглашение явиться и получить ордер на кооперативную квартиру в элитных «Агенскалнских соснах». Я подумал и не пошел. Не пошел и на второе приглашение. Третьего приглашения не было. Я попрощался с Анатолем и Колей и поехал в аэропорт встречать брата.

Прилетел Игорь, и мы на «москвиче», сменяя друг друга, без долгих остановок быстро добрались до Львова. Оттуда я отправился в Одессу один.

Умный Володя

Наконец я дома. И тут я принял безрассудное решение: перебраться во Львов. Зачем? До сих пор голова как будто работала нормально, а тут вдруг такая глупость. За десять лет службы в армии я утратил навык действовать так, как мне подсказывал Одиночка: стал на дорогу – иди. Вместо этого я уткнулся в тупик. Хуже того: повернул назад.

Но решение принято, мне уже предложили работу во Львове. Игорь с Аидой позволили мне на первое время разместиться в их большой квартире на Академической. Миша Каряев и Володя Малюк давно перебрались в Киев. Слава Маренков работал в лаборатории у Игоря. Мне предоставили место преподавателя на кафедре иностранных языков того самого политехнического института, где я был когда-то студентом. Но в атмосфере что-то сильно поменялось. Я не сразу понял что.

Годом позже ко мне в Одессу приехали повидаться Миша и Володя. Мы поведали друг другу свои истории. Володя рассказал, что развелся со своей женой-студенткой. По этому поводу я решил высказать глубокую мысль:

– В некоторых вещах иногда бывает трудно разобраться...

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

На что умный Володя мгновенно отреагировал:

– В некоторых вещах нужно не разбираться, а ноги в руки – и бежать.

Благодаря доступности

В начале 70-х совок уже окончательно победил везде, в том числе, и очень сильно, во Львове. Нужно было сразу драпать оттуда без оглядки, а еще лучше не приезжать вовсе.

Как партийного армейского офицера, имеющего навык командовать (так обо мне, конечно, думали), меня сразу засунули в комитеты и бюро, поручили разъяснять студентам политику партии, участвовать в проверках, писать отчеты, проводить политинформации, беседы, выступать на собраниях, ездить по районам...

Первая поездка привела меня в животноводческий совхоз. В пять часов утра я уже стоял в коровнике. Передо мной кто на чем сидели доярки. Коровы оглядывались и мычали. Я постоял, наслаждаясь обстановкой, затем произнес речь примерно такого содержания:

– Вот что, девочки. Меня послали сюда к вам рассказать о положении в мире. Рассказываю: положение в мире на сегодняшний день продолжает оставаться прежним. Пусть оно таким и остается. Поэтому, если вы прямо сейчас начнете доить своих коров, все будет как надо. Они вас ждут не дождутся. Давайте. И спасибо за внимание.

Повернулся и уехал. От дальнейших поездок я отказался. Нет, состоялась еще одна, но не там, а уже когда я вернулся в Одессу. Это было винодельческое (поэтому я согласился) хозяйство в Арцызском районе. Вечером народ притащился в клуб, я вышел на трибуну и рассказал о Кубе. Социализм, в магазинах пустые полки, продукты питания и одежда по карточкам, выезд за границу закрыт. Сельское хозяйство ведется

Гелий Вишенчук-Вишенька

ударным способом. По всей стране идет посадка кофейных саженцев, но в тамошней почве они не растут...

Ночевал в сельской гостинице. Утром пришла женщина, поставила на стол тарелку с яичницей, графин с красным вином и, наполнив из него стакан, ушла. Во время прогулки с директором по его винодельческому хозяйству я между прочим поинтересовался:

– Скажи, вот у тебя винное дело, а синих носов я нигде не видел. Где алкоголики?

– Понимаешь, – ответил он, – алкоголизм естественное дело, и у нас по специфике это доступно. Но благодаря доступности у нас идет четкий естественный отбор: у кого есть предрасположенность, тот спился, а у кого нет, тот остался.

Якомога скоріше

Тем временем Львов превращался в крошечный ад. Я стал пить. Буквально каждый вечер сразу после работы – обязательный поход по винярням. Компания была давно сложившаяся, идеологически убежденная в том, что винные походы – единственное, математически верное оправдание жизни (формулировка Краха). Это были близкие мне люди, старые и новые друзья, которых я очень любил.

Изо дня в день, будто вслепую, повторялся один и тот же маршрут, затем – общий сбор на Академической. Музыкально образованный Орест садился за рояль. В субботу или воскресенье – общая поездка в Брюховичи на чебуреки с возлиянием. И так без конца.

Эпизодическое нажиралово не было для меня зазорным делом. Но так пить было свыше моих сил. Я начал сходить с ума, совершать дикие поступки, а большую совесть еще больше заливать вином. Пришел дядя Павлуша, взял мои руки в

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

свои и посмотрел мне в лицо. Я увидел, что он плачет.

Утром меня разбудил телефонный звонок. Попойка только что закончилась, я плохо соображал, но понял, что надо идти на замену. Спрашиваю, когда. Девушка в телефоне сказала:

– Якомога скоріше.

Когда я вошел в аудиторию, в голове у меня не было ничего, кроме этих двух японских слов. Но я выговорил на русском:

– Занятия отменяются.

Прямо оттуда я пошел и уволился с работы. Два дня спустя я был уже дома.

Не те боты

Прокручу немного назад.

Про Инезу я не забыл, как можно. С ней мы встретились в первый же день на кафедре иностранных языков. Она всполошилась, стала оправдываться, что надела не те боты. Прошло десять лет, меня во Львове уже Одиссеем прозвали...

В общем, все та же Инеза. Перенесли разговор в парк. Пришла, стала упрекать, что я ее испортил и бросил. Пока я соображал, когда же и где же было, что я ее испортил, момент проехал. Ладно, испортил так испортил, хотя – что за глупое вранье прямо в глаза. Зачем? С ума сойти.

Нет, Инеза, ты не стала бы мотаться со мной по белу свету, ютиться в гаражах, стирать белье в ледяной воде, ходить до ветру в темный лес, варить на костре обед, изнывать от тропической жары и одиночества... Если бы тогда я даже уговорил тебя приехать в Ташкент, ты не выдержала бы и дня. Так что скажи спасибо. И муж у тебя чудесный. Как раз такой, какой тебе нужен. Так что все в порядке.

Ничего такого я ей не сказал. Мы были из двух разных

Гелий Вишенчук-Вишенька

миров, и вся эта история – их краткое, случайное пересечение.

Прошло много лет. В последнем письме мне в Америку Борис Николаевич жаловался, что у Инны болят ноги. Потом связь прервалась. Бедная Инеза. Как она там? Жива ли? Была красивая девочка, моя невеста.

Прости меня. Я один во всем виноват. Прости. Пожалуйста.

КМЗ

И была встреча с Жанной Щербаковой. Я пришел к ней в ту самую квартиру в доме № 3 на улице Ференца Листа (в то время она называлась улицей Руднева), где мы когда-то в обнимку сидели за книжкой на английском языке. Она познакомила меня с сыном Сережей, рассказала, что он хорошо стреляет из лука, участвует в состязаниях, занимает первые места. Я сказал, что у Сережи такие же миндалевидные глаза, как у его отца Игоря Лавриченко. Что-то надо было сказать. Но Жанна как будто не слушала.

Вернулись на кухню. Жанна молча готовила обед. Стала нарезать какие-то кусочки. Я спросил, что это такое. Она объяснила:

– Старое сало. Придает борщу особый вкус.

Помолчали. Я не выдержал:

– Почему ты ни о чем меня не спрашиваешь?

Жанна сказала:

– Мне достаточно того, что ты здесь.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Вторник, 6 февраля 2018

Мы виделись еще два раза в шумных компаниях и толком ни о чем не поговорили. А вскоре после моего возвращения в Одессу я получаю от нее письмо:

КМЗ!

Буду в Одессе 4-15 августа. Если захочешь меня увидеть и показать что-нибудь интересное в вашем городе, напиши мне на главпочтамт до востребования, где и когда мы можем встретиться. Может быть, мне как-то заскочить к тебе домой – повидать твоих ребятешек и супругу, как она посмотрит на такое дело, если мы поднимем рюмочку-другую за встречу двух старых друзей?

Где ты работаешь, дружище? У тебя есть телефон, домашний и рабочий?

Твой старинный приятель

P. S. Интересно, ты по-прежнему занимаешься сочинительством, или это уже в далеком прошлом?

Помнишь, «Я встретил – неожиданность какая...» или «Как только день с зарею унесется...» или «Вот и вместе, как бывало, нас событие застало...» или «Никогда не рассержу, никому не расскажу, сколько в ней еще дурману...» (или) «...их величество Король, на себя такую роль этот юноша прелестный не взвалил, конечно, сам, – ей обязан он отцам, как и я, – ведь я не солнце – отчего же имя Стронций мне не может подходить? Разве я не стал бы жить? Хоть и некуда спешить, а пора кончать уж, братцы, да пора за рюмки братья. Гост хочу я предложить...». Ну, и конечно же, «Да здравствует РТ-12!».

Если будешь писать, то сразу, чтобы 4-го я уже получила твою записку, приглашаешь ли ты меня к себе.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Жанна пришла, увидела, где я живу. Продолжаю ли я писать стихи, повторила она вопрос из письма. Я не стал отнекиваться, показал ей свои последние опусы. Жанна сказала:

– Твои прежние мне нравятся больше.

И одно за другим наизусть прочитала стихи, которые я давно выбросил и забыл. Я слушал и ничего не узнавал. Их написал кто-то другой, веселый, безалаберный, отважный. Мне стало стыдно за теперешнего себя, за свою серость, бездарность.

В Одессе мы больше не виделись. Потом пришло второе письмо.

КМЗ!

Привет тебе, дружище, из Москвы!

Очень жалею, что не смогла вас навестить еще раз – на другой же день мы уехали из Одессы домой по случаю моего недомогания. А еще через две недели меня направили на полтора месяца в Москву во Всесоюзный институт повышения квалификации руководящих работников. И вот я до сих пор здесь. Сережа был со мной месяц, учился в московской школе, а сейчас уехал домой. Здесь у меня есть интересные друзья: главный редактор издательства «Изобразительное искусство», интересные знаменитые художники. Была на выставке молодых художников и видела там картины твоего приятеля Люсьена Дюльфана – «Свежее утро» и «Договор на корабле» – так, кажется. Думаю, что ты меня ему представишь в мой очередной приезд в Одессу – я же пишу книгу о художниках, и мне теперь это интересно. Как-нибудь приеду в Одессу специально в театр с тем, чтобы в воскресенье уехать – то непременно повидаюсь с тобой – надо поговорить, обсудить наши дальнейшие литературно-поэтические дела.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Ну, всего. Привет супруге Нине, твоим очаровательным детям.

Я

К письму была приложена вертикальная половинка старого тетрадного листка в клетку со стихотворением, датированным 6 сентября 1954 года. Почерк вчерашней школьницы. Я хорошо помнил этот листок.

На оборотной стороне взрослой рукой слово в слово переписано то же стихотворение с таким предисловием:

А через двадцать лет, теперь, то же самое:

Твое лицо передо мною,
твой взгляд ловлю.
Ни днем, ни ночью нет покоя:
тебя люблю.

Засну случайно на мгновенье —
мне снишься ты,
к тебе несутся в сновиденье
мои мечты.

Мне снится сад уединенный,
луна, цветы,
меня в объятиях, влюбленный,
целуешь ты.

Твои мне сладки поцелуи,
в душе — покой,
тебя я больше не ревную:
во сне — ты мой.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Могу ль поверить я надежде,
любви мечтам?
Могу ль любить тебя как прежде
иль сон – обман?

11.9 72 г.

Неправда ли, какое постоянство?

Это было ее последнее письмо ко мне. Почему я не среагировал на слово недоумение, не насторожился? А этот подлинник стихотворения от 6 сентября 1954 года, переписанный на обороте с новой датой – зачем он был вложен в конверт?

О том, что она умерла, я узнал много лет спустя. И только тогда понял: Жанну тревожила мысль, что это драгоценное свидетельство нашей юности навсегда исчезнет вместе с ней. Но и не слыша, я послушался ее, бережно хранил ее письма и эту половинку старого листка школьной тетради.

Уже здесь, в Америке, я набрел в интернете на ирландскую песню *Oh, Danny boy*, и горько мне стало.

Oh, Danny boy, the pipes, the pipes are calling
From glen to glen, and down the mountain side.
The summer's gone, and all the roses falling,
It's you, it's you must go and I must bide.

Я сразу же принялся за перевод.

О, Денни-бой, зовут, зовут волынки,
с долин и с гор зовут по всей стране.
На мертвых склонах нет живой былинки.
Идти тебе, а ждать и верить мне.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Вернись, когда цветов и солнца много,
и снега, и дождей... Я жду, не сплю.
Скорей пройди обратную дорогу.
О, Денни-бой, я так тебя люблю.

А если ждать уже не хватит силы,
и не увижусь больше я с тобой,
найди меня, стань у моей могилы,
скажи, что ты пришел, о, Денни-бой.

Ты тихо мне скажи, что силой свыше
мы в небесах увидимся опять.
Скажи, что любишь. Я тебя услышу
и буду сладко и спокойно спать.

В слезах я думал о Жанне и словами этой песни говорил ей, что я пришел и что я люблю ее.

НИНА

Среда, 7 февраля 2018

Сундучок с бутылочкой

Нина родилась на печке. На пальчиках у нее не было ногтей. Бабушка Мария сказала: не жилица. А вот и ошиблась.

Иван Егорович Лейкин отправился по весенней распутице в райцентр выправить свидетельство о рождении дочери. По дороге он то и дело застревал в грязи и, переходя какую-то речушку, упал в воду, весь вымок, сильно продрог и в конторе сказал: Нина, — хотя на семейном совете было одобрено другое имя. Преодолевая естественные препятствия, он так устал, что не мог вспомнить.

Место, где родилась Нина, называлось «совхоз имени Энгельса». Это название можно найти и сегодня на карте Пензенской области со ссылкой на деревню Богословка. В истории семьи Лейкиных фигурируют и другие географические названия: Бессоновка, Грабово, Малая Сердоба, Новое Назимкино. Звучит, как поэзия. Нина жила в совхозе с рож-

Гелий Вишенчук-Вишенька

дения (8 апреля 1941 г.) до переезда в Ташкент осенью 1944 года. А между тем семья Вишенчуков до осени 1942 года жила там же в Пензенской области, хотя названия мест другие: Пенза, Вазерки, Ермоловка, Терновка. В 42-м мне было семь лет, а Нине один год. Мы находились совсем близко друг от друга. Нинока, ты помнишь наши встречи?

Совхоз имени Энгельса занимался производством спирта, и зарплату работникам выдавали не деньгами, а спиртом. На него можно было выменять продукты питания и таким образом жить дальше.

Дед Егор держал бутылочку со спиртом в запертом сундучке, и когда, бывало, захрапит, бабушка Мария вытащит у него из кармана ключик, откроет сундучок и отхлебнет из бутылочки. Так запомнила маленькая Нина.

Четверг, 8 февраля 2018

Мукорваря палакс

Дед Егор и бабушка Мария разговаривали друг с другом на своем языке, и кое-что Нина запомнила. Когда старики ссорились, в их речи проскальзывало выражение «мукорваря палакс». Существует два тамошних народа и языка: мокша и эрзя. Несколько лет назад к нашему знакомцу Диме Прошкину, художнику, сюда в Чаттанугу приезжали из России родители. Его отец – мордвин, и Нина в разговоре с ним вдруг вспомнила из детства несколько забытых слов. Оказалось, что эти слова – из языка эрзя. Стало быть, старшие Лейкины – эрзя. А выражение означало «крапиву (тебе) в задницу».

Иван хорошо играл на гармонии, а жена Полина пела, без них не обходилась ни одна свадьба, ни один праздник. Иван выпивкой не увлекался, а больше любил гармонию.

В 41-м проводы на войну устроили в дальней деревне, и

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Полина не хотела идти. Нине было тогда около трех месяцев. Но Иван настоял. Со слезой на щеке он сказал:

– Пойдем, Поля. Может, в последний раз.

Хлопанцы, топанцы и дряганцы

После проводов в доме остались старики Лейкины и их невестка Полина с двумя малолетними детьми, Витей и Ниной. Витя был на четыре года старше сестры. Из того времени Нина запомнила, что ей очень хотелось, чтобы у нее был отец, и она стала просить:

– Мама, давай возьмем Биби к себе. Я буду называть его папой.

Биби был деревенским дурачком. И еще Нина помнит, не сама, а из рассказов старших, что в деревне жила женщина по прозвищу Проздравлялка. Кто бы ни попался ей навстречу, она обязательно с чем-нибудь поздравит:

– С утречком вас. С понедельничком вас. С праздничком.

Была еще безумная Анчутка. Она не умела правильно застегивать пуговицы и поэтому одежда на ней постоянно сидела наперекосяк. Встретив однажды на улице Марию Вавиловну, она пожаловалась:

– Маша, на мне кофта чужая. Жмет.

Мария Вавиловна перезастегнула пуговицы, и Анчутка поняла, что с ней совершилось чудо.

Анчутка побывала в церкви и свое впечатление передала такими словами:

– Сначала были хлопанцы и топанцы, а потом дряганцы.

Мужики сильнее

В деревне были пленные немцы в возрасте мальчишек. Им нечего было есть и негде ночевать. Их высадили там из вагонов и оставили умирать. Мария Вавиловна пускала их в

Гелий Вишенчук-Вишенька

сарай и кормила картошкой. Все равно они умерли.

Иван Лейкин пропал без вести, а его брат Александр оказался в плену. Егора Кузьмича Лейкина вызвали в военкомат и объявили, что его сын Александр оказался предателем Родины. Вернувшись домой, Егор Кузьмич не мог ничего выговорить, свалился и умер.

Семью предателя Родины стали выселять. Нина это помнит. Милиционеры вышвыривали вещи из барака, женщины с плачем затаскивали их обратно. Мужики были сильнее и в конце концов женщины с двумя детьми оказались на улице.

За твою широту, за твою красоту
я люблю тебя, Родина светлая.

Люди боялись брать их к себе. Нашлась добрая душа, отдала им не то сарай, не то голубятню. Нина помнит, что было очень страшно, была ночь, через широкие щели сверху лил дождь и при свете молний было видно, как снаружи из стороны в сторону мотаются темные верхушки деревьев.

Мир и согласие

Их было трое братьев: Иван, Александр и Дмитрий. У Дмитрия была защита от войны, он был токарь, и его держали в Ташкенте на авиаремонтном заводе. Он и приехал за ними. Вернее, приехал он за матерью, но Мария Вавиловна сразу сказала, что без невестки и внучат никуда не поедет. Пришлось ему всех тащить за собой.

Нина хорошо помнит бой на вокзале. Товарные вагоны были битком набиты беженцами, они ехали в Ташкент прятаться от войны, и на станциях никакой другой народ с узлами не имел ни малейшего шанса к ним туда забраться. Но Дмитрий сумел невероятным усилием оттолкнуть человека,

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

зацепиться за край двери и с бешеным матом ворваться в вагон с семьей и узлами.

Поезд тронулся, смолкли отчаянные крики и люди понемногу остыли. Дмитрий выдернул матерчатую пробку из бутылки со спиртом – и наступили мир и согласие. В вагоне ехали еврейские семьи.

Так Нина оказалась в Ташкенте. А я в это время был в Лазорках. Надо же, как далеко мы разъехались в разные стороны! А потом я покати́л еще дальше, до самой западной границы.

Пятница, 9 февраля 2018

Сгубить человека

В 1944 году Иван Егорович нашелся, и его, как и миллионы других таких же потерявшихся, повторно призвали в армию. Полина Филипповна получила от него письмо, где он сообщал, что находится под Кенигсбергом и что предстоят жестокие бои. Это было его последнее письмо. Но «похоронки» тоже не было. И только в 1963 году на мой запрос из министерства обороны пришло сообщение:

Стрелок 99 гв сп 31 гв сд рядовой Лейкин Иван Егорович, 1911 г. р., уроженец Пензенской области, Сердобского р-на, д. Н. Назимки погиб 17 октября 1944 г., похоронен: д. Рогайща, Волковишский р-н., Литовская ССР.

(Расшифровка: Стрелок 99-го гвардейского стрелкового полка 31-й гвардейской стрелковой дивизии...)

Ни на одной карте Литвы, ни на какой другой карте деревни с названием Рогайща нет. Нет и Волковишского района, есть Волковысский, но не в Литве, а в Беларуси.

А Александр был освобожден из плена и сразу же отправ-

Гелий Вишенчук-Вишенька

лен в Сибирь. Он тронулся умом и попал в психиатрическую лечебницу в Новосибирске. В 50-х годах там считали, что пациент выздоровел и отослали его к брату Дмитрию. У брата он не ужился, со временем в его поведении все больше стали проявляться рецидивы психических отклонений, и его снова отправили в Новосибирск. По дороге он бесследно исчез.

Но на самом деле никаких рецидивов не было. Это все подстроила жена Дмитрия Агашка (о ней потом). У нее хватило ума, чтобы бросать хлеб в помойное ведро и указывать пальцем на Александра. Но и этого было достаточно, чтобы окончательно стубить человека.

Апхайский солдат

Вскоре после переезда в Ташкент умерла бабушка Мария Вавиловна Лейкина (в девичестве Москалева).

Екатерина Яковлевна Морозова (на Глазкову по мужу она почему-то не была записана), вторая бабушка Нины, мать Полины Филипповны, еще до этих событий уже жила в Средней Азии в узбекской семье на правах прислуги и няни по уходу за детьми. Хозяин-узбек был мелким советским чиновником, обладал какой-то малой властью. Однажды на усадьбу нагрянул конный отряд басмачей. Екатерина Яковлевна издали успела заметить его приближение и надежно спрятала хозяина. На расспросы вооруженных людей она отвечала, что хозяин уехал по делам и вернется неизвестно когда. Басмачи забрали съестные припасы и отбыли. Это случилось как раз в то время, когда Екатерина Яковлевна собиралась в Ташкент к дочери и внукам. Хозяин отговаривал ее, просил остаться, но она не согласилась.

Бабушка Екатерина умерла в январе 1962 года. Ее похоронили в школьной коричневой форме внучки, как она проси-

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

ла. Из-за похорон Нина пропустила свидание, и мне пришлось осенью разыскивать ее заново.

Бабушка была с юмором, знала много смешных пословиц и поговорок, и кое-что Нина запомнила, например, бабушка говорила о ком-то так: «где ни поклонится, семь шеболов отломится». Если женщина была нелепо одета, она сравнивала ее с «апхайским солдатом». Вместо «безрассудный» говорила о человеке «омежной». И была у нее веселая подружка по церкви Дуся, которая, указывая пальцем на Витю и Нину, говорила:

– Вот мы с тобой умрем – и сразу в рай, а эти будут гореть в аду, в вечном огне.

Веселая Дуся не считала нужным уточнять, за какую такую провинность детям грозило столь жестокое наказание.

Екатерина Яковлевна Морозова была старшей сестрой Агафьи, но по разнице в возрасте их можно было бы принять за мать и дочь. Агафья была старше Полины всего на год, а приходилась ей тетей. Екатерина была замужем за Филиппом Прокофьевичем Глазковым. Полина Филипповна их единственная дочь. В 1916 военном году Филипп с фронта приехал домой на побывку и заболел тифом. Умирая, Филипп попросил:

– Катя, только не поминай меня блинами с маслом.

День грабежа

У Екатерины было пятеро братьев. Семья была богатая, владела швейной машинкой «Зингер», а Катя ходила зимой в шубе, сшитой своими руками. Как положено, Морозовых раскулачили, посадили в сани и отправили в Сибирь.

Представители новой власти дом разграбили. В день грабежа швейная машинка находилась у соседки. Соседка как раз закончила шить и несла ее отдавать хозяевам. Катя увиде-

Гелий Вишенчук-Вишенька

ла и замахала руками. Та сообразила, в чем дело, и повернула обратно. Крышка от машинки оставалась дома и была благополучно конфискована. Была конфискована и шуба: в ней на следующий день расхаживала по деревне какая-то пьянь. А машинка добралась до Ташкента.

Четверо раскулаченных братьев Морозовых сгинули вместе с родителями в Сибири. Жив остался только старший брат Петр, неведомыми путями оказавшийся в Средней Азии. Мы с Ниной однажды были у него в гостях. Мне он запомнился своим огромным ростом, добродушным характером и прекрасным виноградным хозяйством на заднем дворе.

Суббота, 10 февраля 2018

Ящик гвоздей

Семья беженцев (лишенцев, бомжей, предателей родины) поселилась в коммунальной кухне. Соседка Шушунова («Шушуниха») со своим примусом была Дмитрием выдворена оттуда в коридор. Свой протест она выразила по-семейному:

– Полина, а ведь я твоих детей могу случайно и кипятком обварить.

Дмитрий Егорович был человек доброй души, слегка подпорченной пролетарскими скрепами. Как только невестка Полина попадалась ему на глаза, он тут же вспоминал о подвиге, который он совершил, привезя ее сюда с детьми, становился в позу и декламировал:

– После всего, что я для тебя сделал, Поля, ты должна мне ноги мыть и эту воду пить.

Это в самом деле был настоящий подвиг в его жизни. Но особенно он гордился своей старшей дочерью Марусей, состоявшей в должности прораба на стройке. Однажды она утащила с работы ящик гвоздей, и Дмитрий сказал:

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

– Вот ты, Поля, небось, думаешь, что мои дочери ни на что не годны, а посмотри, что принесла Маруська.

Однажды он забыл расписаться в финансовой ведомости и в результате дважды получил месячную зарплату. Несмотря ни на что, Дмитрий продолжал оставаться добрым человеком. Он много раз обещал племянникам Вите и Нине и дочерям Марусе и Вале повести всех в зоопарк. Наконец наступил момент: сейчас или никогда, – и он сказал:

– Идем!

Шли мимо Тезикова базара. У пивной будки стояли три мужика. Один из них в расстегнутой до пупа рубашке крикнул:

– Митрий, давай сюда! Свежее жигулевское.

Был жаркий день. Дмитрий, находившийся до сих пор в унынии по причине взятого на себя проклятого обязательства, оживился:

– Вы тут погодите, я сейчас.

Отсутствовал он довольно долго, вернулся в прекрасном настроении и вновь возглавил шествие. Дошли до арыка. Дмитрий попытался перепрыгнуть через препятствие, но нога скользнула и он грохнулся в воду. Дети долго тащили его вверх по мокрому склону, наконец вытащили и привели домой, измазанного в грязи с головы до ног. Они чувствовали себя виноватыми и плакали, боясь наказания.

Воскресенье, 11 февраля 2018

Жена токаря

Жена Дмитрия Агафья, или Агашка, обладала цельным характером. Она ни в чем никогда не сомневалась. В ее представлении самым естественным делом было воровать, врать, мухлевать, мошенничать и плевать на всех. Мужем, ввиду его высокого социального статуса, она гордилась, переноса этот

Гелий Вишенчук-Вишенька

статус на себя. Когда Полина купила себе новую хозяйственную сумку, Агашка заревновала:

– Ишь, ты, сумка у нее. Зачем тебе?

Полина ответила:

– А тебе зачем? Ведь у тебя такая же.

– Ты не сравнивай. Я жена токаря.

Своего токаря она звала презрительным именем Елишка и вообще ни во что во внутрисемейном смысле не ставила, даже не удосуживалась хорошо накормить. Как-то раз за ужином он потребовал дополнительное яйцо – и получил отказ:

– Еще чего. Вон тезево-то распустил. Чем я торговать буду? (Она на даче разводила кур).

От такой наглости в рабочем человеке проснулся свирепый берсерк. Чтобы не натворить чего хуже, он сорвал с окон занавески и в ключья изрубил их топором. Впрочем, в качестве сопутствующих потерь досталось и ей самой.

Полина Филипповна работала санитаркой в поликлинике, ее нищенской зарплаты просто не хватало на еду. Нина рассказывала о себе, что чувство голода было с ней всегда, все детство. На праздничном столе – вареная картошка. Платье в заплатках.

Как-то раз соседка Шушуниха, жена дважды Героя Советского Союза, разозлясь на себя, вывалила в помойное ведро неудавшуюся опару. Какой неожиданный праздник! Лепешки и плюшки из настоящего теста, а не из картофельных очисток.

Уходя рано утром на работу, Полина Филипповна бывало оставит детям по два кусочка сахара. Дети встают – нет сахара. То же самое с хлебом. На расспросы, куда девается сахар, хлеб, Агашка отвечала:

– Откуда мне знать?

Даже от своих детей она пряталась. Съест сгущенное

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

молоко у себя в комнате, а пустую банку выбросит в окошко. Ей было все равно, пусть и кому-то на голову.

Свою ненависть к приезжим детям она не стеснялась показать при всяком удобном случае. Походя мокрой тряпкой маленькой Нине по лицу:

– Чего зенки-то вылупила!

Со своими школьными тетрадками Нине приходилось сидеть за Агашкиным кухонным столом. Большая удача, если до страницы не долетало что-нибудь мокрое, кровавое.

Съезжали соседи и вывесили на балконе проветрить перед дорогой постельное белье и одеяло. Утром соседка спрашивает Агашку, не видела ли она чего, потому что одеяло куда-то подевалось. Агашка ответила по своему всегдашнему обыкновению:

– Не знаю, ничего не видела.

Поля говорит ей:

– Зачем тебе чужое одеяло? Это же воровство.

На что последовал резонный ответ:

– Да они все равно уезжают, а одеяло уж больно красивое.

Агашке хотелось выглядеть рачительной хозяйкой, заботливой матерью и все такое. Как-то соседки сверху и снизу принялись обсуждать рецепты изготовления пирожков. Агашка услышала с балкона и вставила свои пять копеек, сказала, что вчера тоже напекла пирожков и еще сегодня не доели. Полина сказала:

– Ну, и зачем врать?

Агашка не растерялась:

– Они напекли, а я что, хуже?

Вскоре после приезда семьи из России Агашка совершила, наверное, самое большое зло в своей жизни: побила свекровь. Мария Вавиловна ушла к чужим людям, но и там долго не оставалась, сильно заболела. Полина Филипповна отвезла

Гелий Вишенчук-Вишенька

ее в больницу, ухаживала за ней.

Вообще, они были очень близки. Мария Вавиловна звала Полю дочкой и при всяком удобном случае старалась упомянуть, какая она у нее красивая, что, между прочим, соответствовало действительности. В больнице Мария Вавилована умерла.

Добрые люди

Нина рассказала мне о добрых людях. Раиса Ивановна, завлабораторией в поликлинике, где Полина Филипповна была санитаркой, привезла Нине из Москвы новые красивые ботиночки. Эти ботиночки в тот же день пацаны в школе порезали бритвой. Нина Иванова, медсестра, и ее муж Валентин Георгиевич, пилот Аэрофлота, тоже выручали, подкармливали детей. Нина познакомила меня с каждым из них. Спасибо им.

Раиса Ивановна провела всю войну. Муж оставался дома и завел себе другую жену. Когда Раиса Ивановна вернулась с фронта, он отгородил ей часть комнаты и прорубил отдельную дверь наружу. Тоже добрый человек.

Нина Иванова в 16 лет уже воевала в партизанском отряде в Белоруссии. Отца и мать немцы казнили у нее на глазах.

Люди, пережившие большую беду, больше других склонны к сочувствию.

Нищета убивает, как на войне. Тем более достоин восхищения человек, который своими силами одолевает ее и освобождается от унизительных комплексов.

Надо отдать должное советской власти, при ней все-таки существовали социальные лифты. Правда, подняться можно было только из одной нищеты в другую – из унизительной в гордую. Ну, хоть так. Дедушка Степан Степанович Пластиков заплакал, когда ему в руку сунули денежку, поду-

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

мали, что он нищий. Он понял свое настоящее место.

Нина надела единственное платье, какое у нее было, и пошла в контору Аэрофлота наниматься в стюардессы. Начальница Никифорова неохотно отвела глаза от книжки и сказала:

– Не принимаем. Нет вакансий.

Нина повернулась и пошла. Никифорова задумчиво смотрела ей вслед. Вдруг она крикнула помощнице:

– Сбегай-ка, верни девушку.

Так Нина стала стюардессой. Эта профессия обеспечила ей финансовую независимость и относительное благополучие. Теперь она была главой семьи, реальной кормилицей. Девочке было девятнадцать лет.

СПИСОК ЛИЦ

Четверг, 15 февраля 2018

Спасибо, ребята

Стиснув зубы, я решил во что бы то ни стало добиться своего. А чего своего? Да хоть чего. Надо же было как-то оправдаться перед самим собой за бездельные годы.

Начну со стихов. С нуля. Напишу книгу. Отведу на это год. Когда-то ведь я кропал какие-то стишки. Вот и давай. И решил попробовать.

Прошел год. Я перелистал книжки одесских поэтов и решил пойти к Юрию Михайлику. Он принял меня с интересом. Сходу запомнил все, что ему понравилось, потом сказал, что ничего из того, что я принес, опубликовано быть не может. Во-первых, сказал он, это написано интеллигентным человеком, что само по себе является оскорблением. Во-вторых, здесь ни слова нет о родной коммунистической партии. Но и это еще полбеда. Настоящая беда – союз писателей. Туда никто из посторонних, будь ты хоть семи пядей во лбу, не сможет проникнуть ни при каких обстоятельствах.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Кончилось тем, что Михайлик привел меня в кабинет главного редактора газеты «Вечерняя Одесса» Деревянко. Тот сидя поздоровался, спросил что-то вроде, как дела, и заявил, что всех дел не переделаешь. Я вышел. Минуту спустя вышел Михайлик:

– Все в ажуре. Завтра появишься в газете.

Незадолго до этого Деревянко дал добро на публикацию суперпатриотического стихотворения, а когда вышел номер, выяснилось, что автор – еврей, выехавший в Израиль сразу после стихотворения.

Выходило, что еще один такой супер – и Деревянко полетит со своего кресла как миленький. В случае со мной его насторожило непонятное имя Гелий и, само собой, отчество. Он потребовал от Михайлика гарантии, что новый автор обладает правильной национальностью. А лучшая гарантия – это физиономия. Так я оказался у него в кабинете.

Все-таки я решил идти до конца и послал стихи в тот самый союз.

Надо же быть таким упертым.

Ответила жена космонавта Шонина. Эта жена, обладавшая космическим разумом, писала, что стихи безыдейные и неграмотные, потому что по-русски нельзя сказать «дорогого стоит», а надо говорить «дорого стоит», и все такое в том же роде. Так бесславно сдулась идея с книгой стихов.

И все-таки. Если подумать. Что стоило дать добро на никчемную книжонку поэтических упражнений безвестного горемыки! Пусть бы он потешился. Но – нет, ни за что, никогда!

А с другой стороны, огромное вам спасибо, ребята. Вы избавили меня от дальнейших попыток продолжать это дело, потому что стишки мои и в самом деле никуда не годятся, мне самому противно на них смотреть, и зачем я только

Гелий Вишенчук-Вишенька

храню их, наверное, только для памяти. Я бы точно на них сломался, не мое это призвание.

Пятница, 16 февраля 2018

Михайлик и Дульфан

За многие годы, прожитые в Одессе, я так и не нашел там родственную душу, близкую мне по интересам, образу мыслей, жизненному опыту. В этом отношении город оказался для меня пустыней.

Догадайся с трех раз, кто тут виноват.

С Михайликом, очень хорошим поэтом, кроме стихов, меня ничего не связывало, и разговоры с ним на другие темы немедленно заводили в тупик. А между тем он познакомил меня с интересным, странноватым человеком.

Однажды я забрел в магазинчик художественных изделий, только что открывшийся на улице Карла Маркса/Екатерининской, и купил там небольшую картину. Сюжет романтический: человек, похожий на мушкетера, стоит спиной к зрителю, перед ним морской залив и на горизонте парусник. С автором этой картины художником Люсьеном Дульфаном и познакомил меня Михайлик.

Сначала он привел меня в его студию, располагавшуюся в подвальном помещении на углу Лермонтовского переулка. Потом привел его самого к нам домой. Увидев на стене свою картину, Люсьен пришел в дикий восторг. Он выскочил на кручу Ланжерона и начал палить в небо из ракетницы. Это не преувеличение.

С Люсьеном у нас сложились дружеские отношения, и до сих пор они остаются в силе. Он вообще очень любит людей, и если начнет рассказывать о своих бесчисленных гениальных друзьях, тут держись – пойдет серия фантастических историй, цепляющихся одна за другую и уводящих

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

куда-то туда, где уже невозможно разобрать, о чем вообще идет речь.

Люсьен изо всех сил старается показать себя эксцентричным чудаком. Сначала он разыгрывает шутовскую сцену, а потом афиширует ее где только может. В то же время он до странности простодушен и, кажется, по-детски не понимает, что все его хитрости видны как на ладони. В первый день нашего знакомства он задрал штанину и показал носки разного цвета – признак рассеянности и гениальности. Но, какой бы он ни был, мне нравится, что он по натуре художник, а в остальном пусть его играет в какие хочет игры, мне дела нет. Не так давно я попытался коротко описать его характер.

Я не верю, что Люсьен Дульфан такой, каким его описывают все кто ни попадя, будто бы он кривляка и все его выкрутасы рассчитаны на пиар. Будто его любимое занятие это расхваливать и афишировать себя. Ничего подобного.

Я помню его по Одессе совсем другим. Это был тихий, скромный интеллигент без очков. Он не носил их из застенчивости и еще потому, что никакие очки ему не помогали, ни плюс, ни минус. А дело в том, что он был практически слеп и махал кистью по холсту наугад. Он не раз подводил меня к своему очередному шедевру, законченному буквально накануне, и просил рассказать, что там изображено. Получив от меня описание картины, он поражался своей гениальности.

Говорят, что на поясе у него всегда болтался огромный среднеазиатский кинжал. Но на самом деле это был не кинжал, а красивые и удобные ножны, в них он хранил ложечку для размешивания сахара в стакане с чаем. Правда, чай он

Гелий Вишенчук-Вишенька

пил по-киргизски без сахара, а размешивал для вида, чтобы показать свою цивилизованность.

Турецкая феска на его голове была вовсе не феска, а ночной колпак, который он по своей рассеянности забывал утром снимать. Иногда он весь день разгуливал в ночной рубашке до пят, не замечая этого, а все думали, что это он переоделся в араба и хохмит.

Однажды зимой он ворвался в мой рабочий кабинет на третьем этаже в лохматой медвежьей шубе. В подъезде он споткнулся, упал на четвереньки и так прополз по лестнице все три этажа, распугивая персонал и студентов.

Вообще, он был очень добрым человеком. Одесситы и гости Одессы знали, что у него в студии всегда можно пописать в умывальник, и приходили толпами, потому что с общественными туалетами в Одессе швах. Люсьен с пониманием относился к нуждам человечества и не возражал.

Все это и многое другое, о чем я здесь не упоминаю из-за нехватки времени и пространства, свидетельствует о скромном и застенчивом характере этого прекрасного человека, одаренного многими талантами, что и подтверждается ниже следующими стихами.

Люблю я свою Чаттанугу,
свой письменный стол и диван.
Тебе говорю я как другу:
ты гений Люсьен, ты Дульфан.

Все это, кроме очков и слепоты, было и соответствует действительности. Я время от времени пишу ему хвалебные, с изрядной долей иронии стихи и эпиграммы. Это занятие отсылает мою память к тем далеким временам, когда я был студентом политеха и делал то же самое.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Суббота, 17 февраля 2018

Идите отсюда

После возвращения в Одессу Нина ходила искать работу. Ей посоветовали строительную контору: там нужен был бухгалтер. Когда секретарша Галина открыла ей дверь в кабинет начальника, тот заорал:

– Это кто? Зачем? Идите отсюда!

Галина успокоила Нину:

– Не обращайтесь внимания. Это он так, выпивши. Приходите завтра.

На следующий день высокая, стройная блондинка Нина входит в кабинет, навстречу ей бросается небольшого росточка начальник с розовыми щечками:

– Ой, ну как же! Проходите, присаживайтесь.

Но оставалась она там недолго. Потом, тоже на короткое время, была еще одна какая-то плановая торговая контора, где Нина познакомилась с фронтовичкой Тоней Григорьевой. Тоня была зенитчицей, пошла воевать с 18-ти лет, а чтобы избежать фронтового насилия, защитилась лейтенантом-грузином. Она родила от него двух сыновей и дочь, все красавцы. Тоня жила рядом с нами в Лермонтовском переулке, и мы иногда ходили друг к другу в гости посидеть за бутылкой коньяка. Однажды приехал средний сын, увидел у нее на стене портрет Сталина и сказал:

– Убери, мама.

И Тоня убрала.

Прокуратор Иудей

Когда Полина Филипповна впервые увидела маленького Костю, она обмерла, преобразилась, у нее засветились глаза. Вдруг оказалось, что в жизни есть смысл. В выживании, что прежде составляло основу всех ее забот, не было души, это

Гелий Вишенчук-Вишенька

был просто первобытный инстинкт. Детей она сохранила, а что дальше? И вот прямо ниоткуда вдруг появился внучек, о нем теперь можно позаботиться по-человечески, без прежних страхов.

На следующий день после нашего возвращения в Одессу, закинув руки за спину, Костя вышел во двор. На нем была красная рубашка, синие шорты и сандалии с блестящей пряжкой, все заморское. Вылитый прокуратор Иудеи. Соседи ахнули.

Список

Дальнейшие события будут сильно сжаты во времени. Собственно никаких событий и не было. Был длительный период серого существования при полном отсутствии надежд. Не утратив интереса к людям, я перестал их понимать. Меня охватило чувство одиночества в чужой и в общем враждебной среде.

Многие годы после Кубы я работал завучем на Одесских курсах иностранных языков. Мне это место нравилось: там отсутствовала необходимость добиваться ученых степеней, почти совсем не ощущалось идеологическое безумие власти и там я был сам себе хозяин.

К концу 70-х началось давление. Пришли гэбэшники и по личным делам студентов составили некий тайный список. Директор курсов Аркадий Мартынюк так сильно испугался, что заболел и уволился. Он и без того прежде страдал эпилептическими припадками, а теперь это разрослось у него до серьезной психической болезни с уклоном на суицид. Я остался один.

В областном отделе наробраза мне был предъявлен список студентов с еврейскими фамилиями и отдано устное распоряжение отчислить всех этих вредных людей с курсов.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Выходило одно из двух: делать, как велят, или курсы закрываются. Я позволил себе рискнуть и «немножко не подчиниться», сказал, что отчислять никого не буду.

Последствия не заставили себя долго ждать.

Вальдемар

На курсы привели нового директора. Владимир Курбатов, или Вальдемар, как я его называл, был типичным совковым идиотом, ушибленным манией административного величия. Первое, что он намеревался сделать на курсах, это добиться номенклатурного статуса для своей должности. Но тут дело было безнадежное. Человек, как говорится, рылом не вышел. Вторым номером было введение формы для преподавателей, наподобие пожарников или железнодорожников. К моему удивлению люди поддержали этот безумный проект.

Вальдемар где-то раздобыл, скорее всего украл, значок депутата Верховного Совета Украины. Он нацеплял его на лацкан пиджака в аэропортах, на вокзалах, в магазинах, везде, где могла возникнуть ситуация, позволявшая продемонстрировать превосходство над толпой.

На телефонные звонки он не отвечал и с самого начала дал указание секретарше Лиде снимать трубку и говорить, что директор сию минуту находится в кабинете у мэра Одессы. Если же кто-то просился к нему на прием, он говорил: «Приходите, жду», – клал трубку и уходил, заперев за собой дверь.

Когда Вальдемар был студентом, университетская преподавательница английского Белла Яковлевна Лебединская ставила ему двойки. Став директором курсов, он страшно обрадовался, увидев ее среди учителей. Теперь он каждый день ходил к ней на уроки, открывал тетрадку и заполнял страницы каракулями, будто бы ловил ее на ошибках. И в конце

Гелий Вишенчук-Вишенька

концов добился своего. Лебединская уволилась с курсов.

Та область знаний, которая должна была быть его профессией, оставалась за пределами его способностей и интересов. Зато у него была доктрина. Основные положения доктрины укладывались в четыре пункта:

Слово учителя должно нести коммунистическую идею.

Хороший учитель не обязан знать свой предмет (это он о себе).

Конечная цель обучения английскому языку – русский язык.

Преподаватель обязан завести дело на каждого студента.

Не выдержав, Лидия Луговцева воскликнула:

– А мы что, отделение КГБ?

Я посоветовал ему прекратить глупости. Он пригрозил мне увольнением. Тут я вспомнил свой опыт армейской лексикологии и послал его прямым текстом куда подальше. Он оказался трусом, завилял и притих.

В конце концов Вальдемар окончательно спятил и сбежал с курсов. Его искали, находили, но он опять убегал. Что с ним стало дальше, не знаю.

Воскресенье, 18 февраля 2018

Вольный слушатель

Должность завуча предусматривала двенадцать часов аудиторных занятий в неделю, но и они были для меня сущим наказанием. Со временем я сочинил для себя курс интенсивного обучения по своему вкусу и характеру.

Я набирал группу из 8-10 студентов. Все они были евреи, собиравшиеся эмигрировать и, естественно, весьма заинтересованные в скорых и высоких результатах своих усилий.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Вольным слушателем был Люсьен. Занятия проводились у меня дома. Люсьен заглядывал в окно и глумливо спрашивал:
– Евреи? Принимайте еще одного.

Вторник, 27 февраля 2018

На дворе необычно тепло, деревья в цвету, мексиканцы делают весеннюю уборку по всей нашей деревне The Village of Ashwood, насыпали пахучий малч.

Четверг, 1 марта 2018

Два дня подряд идет дождь. Это моя любимая погода, но мне невесело, силы покидают меня. Потерял много крови. С трудом заставил себя сесть за компьютер.

ХАЛВА И ПЕВЕЛ

Дипкорпус

Дипломатическое агентство в Одессе возглавлял Алексей Борисович Левченко, коммунист высшей пробы, ветеран войны. Нина была у него секретаршей. Всю современную дорожную обстановку дипагентства: мебель, шторы, телевизор и прочие крупные и мелкие вещи – Левченко тащил домой и заменял своими, дешевыми. Однажды он обнаружил, что в отчетный реестр покупок не была внесена баночка сапожного крема стоимостью 1 рубль 70 копеек. Чтобы исправить ошибку, он сочинил письмо в Министерство иностранных дел с обоснованием необходимости приобретения такой баночки. На письмо был получен положительный ответ, и означенная сумма была благополучно опущена в карман. Баночка к тому времени уже была у него дома.

Угощение для иностранцев: коньяк, кофе, красная икра, кондитерские изделия – все уносилось домой. Болгарским, кубинским и индийским консулам по исконно русской традиции предлагался чай с сахаром.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Левченко уволили по возрасту. Он остался крайне недоволен и грозился написать разоблачительные мемуары. Это была пустая угроза. Излагать мысли на бумаге он не умел, да ему и нечего было разоблачать, разве что баночку с сапожным кремом.

На смену старику пришел молодой Василий Зиновьевич Шевченко. Этот обладал более прогрессивным мышлением (Таня Голикова, сотрудница дипагентства, говорила про него, что, случись чего, он в одну секунду съест свой партбилет и скажет, что никогда не был коммунистом), но мало чем отличался от предшественника в смысле присвоения мелкого государственного имущества.

На его беду в стране начиналась перестройка, и в местной газете появилась о нем неприятная статья с такими словами: «...та не варта же було йому прикидатися невинним школяриком». Но статейку он пережил и места не лишился. Молодец.

Неразрешимая проблема

Единственным настоящим профессиональным дипломатом в дипагентстве был Гена Одарюк. И еще он был обжорой. По его собственным словам он мог за один присест съесть ведро пищи. За манеру поедать остатки после застолья Таня Голикова прозвала его Санитаром.

Нина принесла остаток халвы в газете. Гена развернул газету, к нему присоединилась Курица (тоже сотрудница с этим прозвищем, придуманным Ниной) и в таком виде, склонившимися над засаленной газетой, застал их Левченко. Сначала он удивился, а когда вник в ситуацию, брезгливо поморщился и проследовал к себе в кабинет.

Курица (в миру Людмила Неверова) рассказывала, что ее отец пережил сильный стресс, нечаянно обнаружив, что в его новом паспорте вместо Павел вписано другое имя –

Гелий Вишенчук-Вишенька

Певел. Паспорт, как известно, являлся судьбоносным документом советского человека, «окончательной бумажкой». Если в нем оказывалось что-то не так, то и с его владельцем обязательно и непременно будет то же самое. Это и случилось. Паспортный стол отказался исправлять ошибку, настаивая на том, что Павел – это в метрике, а Певел в паспорте – это, стало быть, другой человек. Получалось, что эти двое должны как-то договориться. Если пришел Павел и заявляет, что он не Певел, то пусть придет и Певел. И попробуй что-нибудь докажи.

Не подпишет

Прогрессивность Васьки (так его называли Таня и Нина) сыграла немалую роль в нашей судьбе. Мы с Ниной получили добро на отъезд в Америку от молодого, проникшегося перестроечными настроениями Саши Данилова, недавно назначенного на высокую должность в горсовете. Оставалось только заручиться подписью главы дипагентства. Курица, узнав, зачем мы пришли, закудаhtала:

– Не подпишет, не подпишет...

Старый партиец Левченко не подписал бы, это верно, а Васька взял и подписал, и вовсе не потому, что Нина шлепнула ему на стол подарочное издание Библии, а именно по своей прогрессивности.

Гарнизонная столовка

Гена Одарюк был казачьего рода, вырос на Кубани и после школы, а затем армии возмечтал поступить в престижный Московский институт международных отношений. Поступал четыре года подряд. Он знал, что студентами МГИМО становятся только дети чиновничьей номенклатуры, но продолжал упорно каждый год приезжать в Москву,

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

надеясь на квоту для простонародья.

На четвертый раз ему повезло. Парень оказался способным, хорошо освоил хитроумные дипломатические дисциплины, овладел нужными языками, доверился решениям и съездам партии, но все равно считался аутсайдером и, получив диплом, был отправлен в Индонезию на мелкую должность при посольстве. Там его сразу использовали в качестве сакральной жертвы при аресте в аэропорту Джакарты какого-то своего человека, после чего он навсегда потерял перспективу работы за границей.

У Гены была мечта когда-нибудь стать главой многочисленного семейства. Зная об этом, Нина каждый год дарила ему на день рождения детскую книжицу.

Но, хотя ему давно уже шел пятый десяток, подыскивать себе жену он не торопился. Сразу после первого знакомства кандидатура отвергалась по причине расхождения во взглядах. Девушка или проявляла равнодушие к его кулинарным запросам, или плохо готовила, или отказывалась рано утром идти за молоком. Как-то раз Таня Голикова спросила его, водил ли он свою новую знакомую в ресторан. Гена ответил:

– Нет, она слишком много ест. Я посчитал, что для нее как раз будет гарнизонная столовка на Екатерининской.

Пятница, 2 марта 2018

Таня Голикова

Умница Таня Голикова смотрела на жизнь трезво.

Ее кредо:

– Мне все равно, фашизм или коммунизм. Лишь бы было шампанское, сигарета и чашка кофе.

Ее норма шампанского:

– Бутылка плюс бокал.

Ее правило:

Гелий Вишенчук-Вишенька

– После сорока надо уступать всем своим желаниям и капризам.

Ее политические убеждения:

– Я принимаю ухаживания, если они материально подкреплены. Идеальный муж – слепоглухонемой капитан дальнего плавания.

Своему дружку Мише Манникову она говорила:

– Маня, ты вообще какого роду-племени? Какая твоя нация?

В свидетельстве о рождении Манникова вместо имени отца стоял прочерк. Было время, когда это так делалось. Манников никогда не знал своего отца и совершенно не интересовался тайной своего рождения.

Маня умел подделывать документы, причем делал это откровенно варварским способом: сдирал чужую фотокарточку и наклеивал свою. Так он одновременно оказался ветераном двух войн: афганской и Великой Отечественной. При очевидном разрыве во времени он по внешности подходил и туда и сюда. Маня был глубоко лыс. Черные волосы начинались у него за ушами и свисали до плеч. А борода могла одновременно означать и пожилой возраст, и молодежную моду. Подделав документ, он верил в его подлинность и всерьез возмущался, когда нарушались его права:

– Представляешь, Танюленька, нам, ветеранам, отказывают уже на заправке. Плачу за бензин полную цену.

Три тысячи лет

Окончив медицинский институт, Маня одно время работал участковым врачом. Но проработал недолго. При нем смертность среди пожилых пациентов подскочила выше крыши. Таня Голикова прозвала его доктором Менгеле, но вообще-то, дело приняло серьезный оборот. За Маню взя-

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

лись, и ему пришлось закончить карьеру врача. Он не жалел об этом, напротив, был рад освободиться от государственной службы.

Пользуясь свободой, предоставленной перестройкой, Маня открыл небольшой букинистический магазин в подвале на Садовой улице и нанял свою возлюбленную сидеть за прилавком. Таня вытребовала себе огромную зарплату, продолжительный обеденный перерыв и право выпивать и курить на работе.

Кроме всего прочего, Манников был заядлым охотником, что в один прекрасный день едва не стоило ему жизни. Он тонул в болоте и погрузился уже по горло, когда на его счастье напарник по охоте вернулся к машине за плащом и услышал отчаянные крики. Если бы не начавшийся дождь и не плащ в автомобиле, то Маня бы – фьють. Таня Голикова прокомментировала это так:

– Маня, ты сделал большую глупость, что позволил приятелю вытащить тебя из болота. Ты упустил прекрасный шанс достойно и дешево умереть. Это же редкое счастье – бесплатные похороны. Но самое интересное даже не это. Стоя в болоте, ты явился бы миру в прекрасном состоянии, когда через три тысячи лет тебя наконец откопали бы археологи. Представь себе эту сенсацию.

У Славы, присутствовавшей при разговоре, вдруг выступили на глазах слезы. Нина встревожилась:

– Ты чего? Что случилось?

– Мне Маню жалко.

– Да чего его жалеть, ведь он живой.

– Я знаю, что живой. А все равно. Три тысячи лет стоять в болоте.

ЛЮДИ ДВОРА

Суббота, 3 марта 2018

Профессор и Командор

Пожалуй, пора рассказать о людях нашего одесского двора.

Дворничиха Паша Кравченко ссорилась с жильцами. Майор Балкин, будучи старше ее по возрасту, во время одной из таких ссор сказал ей в рифму:

– Десять лет я тебя уважал, тетей Пашей тебя называл.

Паша следила, чтобы приезжие родственники, как положено, были прописаны, а на незнакомых гостей смотрела подозрительно. Заглянувший к нам американец Дэвид Бейти всколыхнул в ней какие-то, по-видимому, незнакомые ей самой глубинные чувства, потому что она забормотала совсем невнятное. «Что она сказала?» – спросил Дэвид. Нина повернулась к Паше:

– Имей совесть, Паша. Посмотри на себя. Во что ты одета? Стыдно перед иностранцем.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Пашин муж был маленького росточка, немного косил, и вообще в его внешности явно проступало уголовное прошлое. Мы звали его по-разному: Косэ, Николая, Командор. Игорь, когда приезжал, любил сидеть и беседовать с ним на лавочке. Что могло объединять профессора, доктора технических наук и недавно вышедшего из тюрьмы Командора?

У Жоры Зарудного ночью украли из гаража строительную доску. Утром Жора опросил соседей. Никто ничего не видел. А Папа сказала на ухо Полине Филипповне:

– Это мы с Колей утащили доску и уже прибили ее к полу и покрасили.

Кто умрет следующим

Красивая, загадочная соседка Мюда (от Международного Юношеского Дня) сообщила новость:

– Эмилия Исаковна сказала мне, кто у нас умрет следующим.

Бедная Мюда, она не знала, что говорила о себе. Во время войны Мюда работала в немецком поместье. Дети хозяев приходили смотреть, как она ест. Родители сказали им, что русские – животные и едят с земли. Там она познакомилась с французом, тоже пленным рабом. Хозяева узнали об этом и жестоко избили француза. До конца войны они запрещали им видеться. Потом француз звал ее с собой во Францию, но она не захотела.

Эмилия и Ким

Эмилия Исаковна была нашим участковым врачом. Кроме этого, она была страдальцей. Мать казачка выгнала Эмилию из дому за то, что она вышла замуж за еврея, хотя сама родила ее от еврея. Свекровь Фаня, напротив, ненавидела Эмилию за ее неполное еврейское происхождение и била ее. Муж Ким

Гелий Вишенчук-Вишенька

отклонил просьбу Эмили уехать от всего этого в Израиль. Не разрешала Фаня. И Эмилия, и ее Ким были хорошими врачами, и в Израиле они, конечно, нашли бы себе место. Очень жаль. Однажды они оба пришли в дипагентство за какой-то бумажкой. Посреди разговора с Ниной Эмилия вдруг сдернула с Кима шляпу и крикнула:

– Смотри.

На голове Кима полуседые волосы торчали отдельными редкими кустиками.

Была еще детский врач Селецкая. Она ходила по квартирам и от всех болезней прописывала детям хлористый кальций.

Ореховое дерево

Дрыга жила на втором этаже в доме напротив нашей спальни. Ее муж, огромный мужик, работал диетологом в соседнем Лермонтовском санатории. По причине его профессии в доме никогда ничего своего на кухне не готовилось, а самого диетолога в конце концов хватил удар. Он выпал из туалета в коридор, и мы с Дрыгой (выйдя из дому, я как раз попался ей на глаза) волоком дотащили его до середины комнаты. Здесь она попросила меня поднять и положить его на диван... Не буду рассказывать. Приехала скорая и увезла все то, что осталось от большого и по всей видимости хорошего, доброго человека.

Диетическая должность мужа позволила Дрыге скопить уйму денег и приобрести для сына автомобиль «москвич». А сын взял и женился на официантке. Дрыга решила подарок сыну не отдавать и вообще выгнала сына из дому. На этом история закончилась. Дрыга продолжала жить одна у себя на втором этаже, а автомобиль сгнил за углом под ореховым деревом. По этому дереву Костя пару раз добирался до дрыпиной фор-

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

точки на втором этаже, чтобы открыть дверь изнутри, когда Дрыга забывала дома ключи.

Где вы были?

Федор Васильевич Васильев с незапамятных времен хранил все газеты, какие выписывал, и загромоздил ими всю квартиру. Снаружи под окнами он складывал разные, где-то прежде без его присмотра валявшиеся предметы: битые кирпичи, обломки досок и деревьев, ржавые железяки и прочее. Дома он держал собаку, сначала это был Жук, потом Бим, и с их помощью развел жуткую вонь. Оба пса были беспородными и невероятно злыми, что было странно, потому что сам хозяин был добрым человеком, хоть и замкнутым, необщительным. Он не умел правильно разговаривать и формулировать вопросы. Весь двор шушукался по поводу нашего предстоящего отъезда за бугор. Встретив нас в Купальном переулке, он, вместо того, чтобы спросить: «Вы что, собираетесь в Америку?» – спросил: «Где вы были?». Я ответил: «В Москве». Он сказал: «Ага».

Будучи юристом по образованию, он любил собирать подписи. В наш двор выходила глухая стена дома с соседнего Обсерваторного переуллка, и его жильцам захотелось пробить в ней окно. Васильев собрал подписи с требованием запретить. Он не выносил никаких визуальных перемен.

Его сын Витька был малость не в своем уме. Когда ему не хватало на вино, он выходил во двор и громким голосом сообщал о смерти матери, требуя денег на похороны. Иногда он также объявлял о приближении катастрофы – землетрясения или оползня – и среди ночи призывал всех собраться у Балкина. Но это он делал бескорыстно.

Зина, жена Васильева, не могла вынести густой псиной вони в доме, да и этих двоих тоже, и жила отдельно от них

Гелий Вишенчук-Вишенька

на старой отцовской даче где-то на Большом Фонтане. Когда она изредка появлялась, Васильев чувствовал, что какое-нибудь одно ее слово может нарушить его душевный покой, и разговаривал с ней так:

– Замолчи, тараторка.

Курица несущка

Отставной майор Балкин выставлял во двор на просушку позеленевшие от времени офицерские сапоги и старые мундиры, садился на табуретку и играл на балалайке.

Соседка с Обсерваторного переулка выиграла по лотерее на Привозе живую курицу, но не смогла переступить через свой миролюбивый характер и оставила ее жить у себя дома. В конце концов они сдружились и вместе гуляли по зеленым склонам Ланжерона. Курица оказалась хорошей несущкой. Но женщина заболела, попала в больницу, и курицу подобрал Балкин. Он построил для нее у нас во дворе курятник и тоже стал выпасать ее по склонам. Женщина выздоровела и потребовала курицу обратно. Балкин сказал:

– Доктор прописал мне свежие яйца, а она несет их каждый день. Как можно требовать ее обратно!

И женщина уступила.

Штыковая атака

Наш сосед за стенкой Николай Георгиевич Попков, прозванный Полиной Филипповной Попком, всю войну провоевал в пехоте на передовой. Настоящий герой, без шуток. А в быту был человеком мелким, тоскливым, скучным до невозможности. Это он руководил постройкой трех шедеров архитектуры нашего двора. Но в нем была своеобразная оригинальность. Летом он ходил в меховой шапке, говорил, что у него в голове работает морозильник.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Попок украл у Васильева из-под окна несколько кирпичей и обложил ими колонку с водой. Возле этой колонки между ним и Васильевым вышла стычка. Попок направил на Васильева струю из шланга и страшным голосом крикнул:

– Я на немца ходил в штыковую атаку и с тобой справлюсь!

Его жена Галина Ивановна говорила:

– Если бы он не спас меня от суда, я бы ни за что за него не вышла. Ненавижу.

Дело было на Сахалине. Молодые девчонки на рыбзаводе недосмотрели за рабочим процессом и испортили целую партию копченой рыбы. Им грозил суд, и тогда офицеры военчасти, стоявшей там, переженились на них на всех, и суд не состоялся.

О Галине Ивановне можно еще сказать, что она измеряла время академическими курсами своей дочери:

– Это случилось, когда Лерочка была на втором курсе.

Иногда она приходила к нам за солью в синих мужниных армейских кальсонах с завязками.

Королева

На втором этаже нашего дома жил Анатолий Климашевский, «трубач». Это прозвище он получил за то, что был музыкантом и играл на трубе в духовом оркестре одесского гарнизона. Трубач влюбился в Нину. Каждый вечер он вдребезги напивался и, возвращаясь домой, шел мимо наших окон, держась за стенку, и бормотал:

– Королева.

Не там чисто, где убирают

Василий Макарыч Пузин обладал чудовищной физической силой. Засохло дерево. Шесть мужиков собрались,

Гелий Вишенчук-Вишенька

чтобы его повалить, тащили за веревку тудым-сюдым, ничего не смогли сделать. Подошел Пузин, ткнул – и дерево рухнуло. Он любил распоряжаться, командовать и вообще контролировать ситуацию. По должности он заведовал пляжем Ланжерон и его приветственный возглас, обращенный к нам с Ниной, был такой: «Вам лучший кусок моря!». Сам он никогда в море не купался и все жаркое лето ходил по пляжу в костюме с галстуком.

Однажды он притащил железный щит с изречением «Не там чисто, где убирают, а там, где не соряют» и приколотил к стене с запрещенным окном. Каждый раз, входя во двор, видеть сей текст мне как филологу было невыносимо, и я не выдержал. Утром, не обнаружив прежней красоты, Пузин удивился, но, подумав, решил, что изречение кому-то так понравилась, что его, по-видимому, утащили куда-то там в более подходящее место.

В Одессе случилось землетрясение средней магнитуды. Все выбежали во двор. Нина осталась дома придерживать руками сервант с посудой и хрусталем. А тем временем с того самого соседнего дома свалилась в наш двор кирпичная труба. Остаток трубы колебался: то ли рухнуть, то ли нет. Когда кончилась паника, Пузин собрал физически здоровое население, послал на крышу двух молодых парней, а сам организовал охрану места катастрофы. Парни свалили с крыши остаток трубы. Все было сделано быстро, профессионально и красиво. Довольный результатом, Пузин ушел.

В юности Василий Макарыч испытал унижение. Налетели калмыки, и один из них хлестнул его нагайкой. Всю войну он искал «калмыцкую морду», чтобы застрелить на месте. Так и не нашел. «А жаль», – говорил он.

ТОЧКА ПЕРЕГИБА

Воскресенье, 4 марта 2018

Любовь и печаль

В середине 70-х Володя Малюк и Миша Каряев навестили меня в Одессе. Володя рассказал о разводе с женой-студенткой. Миша уронил слезу, вспоминая смерть любимой жены.

Несколько лет спустя он приехал со второй женой Ниной. Обе Нины уединились и та пожаловалась моей:

– Миша смотрит на свою дочь – и я вижу в его в глазах любовь и печаль. А так вообще в них нет ничего, кроме скуки. Ко мне он равнодушен. Кажется, что он больше не способен полюбить женщину.

Думая о детях, о Нине, я испытывал как раз эти самые чувства: любовь и печаль. Я любил их, а что я им дал?

Гелий Вишенчук-Вишенька

В двенадцать лет у Славы началась невыносимая головная боль. От боли она почти перестала видеть, не могла разговаривать и двигаться. Наконец ее поместили в больницу. Как раз тогда одна из моих учениц была там врачом и позволила нам приходить. Славу нужно было переправить для какого-то исследования со второго этажа главного здания на первый этаж другого здания в конце двора. Никаких межэтажных лифтов, больничных каталок и колясок не было и в помине. Я пытался нести Славу на руках, брал на закорки и так и этак – она криком кричала, малейшее движение причиняло ей жуткую боль.

Смерть тещи в 1979 году подкосила меня окончательно. Я остро ощутил вину перед ней. Я был занят своими делами, не спрашивал о здоровье, о самочувствии, а если и спрашивал, то знал о невозможности помочь. В квартире не было места для отдельной кровати. Она умерла ночью бок о бок с любимым внуком. Похороны были сущим адом. Гробов нет, сказали мне в похоронном бюро. Полина Филипповна стала являться мне во сне, заглядывать в окно. Я серьезно заболел.

Сценка на Привозе

В детстве я пытался собрать действующий гиперболоид, хотя понимал, что это пустое занятие. Так и сейчас я понимал, что, несмотря ни на какие мои усилия, улучшить свою жизнь мне не удастся.

На Привозе у овощного ларька в ожидании «пары копеек» от продавщицы сидит на ящике из-под помидор женщина с опухшим лицом и синяком под глазом и рассказывает, рассказывает о своей горькой судьбе. Рядом стоит, облокотясь на прилавок, студент из Африки и слушает, слушает... Я вспоминаю эту парочку, когда меня тянет пожаловаться на жизнь.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Конец терпению

Впрочем, понемногу стал вырисовываться шанс на какую-то степень независимости. Если захотеть, можно растиражировать учебник и открыть свои собственные курсы английского языка. Неплохой заработок намечался уже сейчас. Но дело было даже не в том, что мечты были другие. Я уже не мог находиться в этой среде, в этом городе, в этой стране. Есть чувство готовности к войне, *para bellum*. Это как мой приятель Ярослав, намеревавшийся примкнуть к восставшим венграм и воевать. Другое чувство – выжить, сохранить семью, уйти в себя, не высовываться. А еще есть конец терпению.

В начале 80-х появилась возможность съездить в Америку. Выделили и спустили нам сверху на курсы иностранных языков две туристические путевки. Вместе с Верой Чуб, заведовавшей английским отделением, мы получили на руки кучу бумаг. Нужно было ответить на длинный список idiotских вопросов в анкете и представить 24 (двадцать четыре) фотографии. Я повертел в руках бумаги и отказался.

– Почему? – поинтересовалась Вера.

– Потому что если я когда-нибудь поеду в Америку, то навсегда.

А что вы здесь делаете?

Мы с Игорем приехали в Самару навестить маму. Толпа мужиков рвалась через узкую металлическую дверь в подсобку магазина, где на руки выдавалась бутылка бормотухи. Тонкая душа, интеллигент, умница, талант, профессор Игорь Вишенчук невероятным усилием сумел протиснуться в подсобку и теперь, потный, помятый, со счастливой улыбкой на лице, выбирается оттуда с поднятой над головой бутылкой дешевого пойла.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Как вырваться из вражьего плена? Неужели вот эта моя жизнь и есть будущее моих детей? Где конец этому?

Как будто понимая мое душевное состояние, Елена Шиссель, моя ученица, прямо на уроке говорит мне:

– Гелий Михайлович, а что вы здесь делаете? Вам давно пора валить.

Это было попадание в десятку. Я встрепенулся, и остановившиеся было шестеренки снова пришли в движение. Пазл сложился. Причем ни раньше, ни позже этого времени ничего бы не получилось. Счет пошел.

В последних числах сентября прибежал другой мой ученик еврей Олег Клинов со своим шурином Флишенбаумом и сообщил, что они прямо сейчас едут за иммиграционными анкетами (их Американское посольство начинает выдавать с 1 октября) и приглашают меня с собой. Флишенбаум быстро смотался на вокзал за билетом для меня, и час спустя поезд уже мчал нас в Москву.

Среда, 7 марта 2018

Вчера нормально прошла операция. Утром Костя отвез меня в Memorial Hospital. В 11.30 меня положили на кровать, в 13.30 увезли в операционную, через 2 часа я проснулся, а к 6 вечера Костя привез меня домой.

Американская дверь

А что там у нас с отъездом в Америку? Зима. Нина, Костя и я стоим в очереди вдоль загородки у Американского посольства в Москве, скользим по льду, хватаемся за перила, хочется в туалет. Какой-то человек открывает изнутри двери посольства и швыряет на землю кейс: с вещами нельзя.

Нас принял консул Робинсон. Я рассказываю о том, что ушел из партии и лишился работы. Консул посчитал это

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

достаточным и больше нас не задерживал. Мы стали толкаться в дверь, дверь не открывается, консул, улыбаясь, привстал из-за стола, и мы наконец сообразили, как устроен американский замок.

Вечером, выкрикнув мое имя, в нашу сторону через головы бросили из-за загородки бумагу с признанием за нами статуса беженцев. Неописуемая радость.

Четверг, 8 марта 2018

Каланхоэ, алоэ, герань и жасмин

Мама тяжело переживала наши сборы в чужую капиталистическую страну, но не подавала виду. Она всегда считала, что я нормально справляюсь со своей жизнью. Мама не могла только смириться с тем, что ее коммунистические идеалы подверглись поруганию и выброшены на помойку. Чуть не плача, она сказала:

– Все было правильно.

У мамы на подоконнике стояли горшки с цветами, которые она разводила всю жизнь: каланхоэ, алоэ, герань и жасмин.

Пусть едут!

В аэропорту Шереметьево на рейс выстроились две очереди. В одной стояли американцы, туристы, бизнесмены. В другой – эмигранты по линии ОВИРа. А мне куда встать? Документы не подходят ни туда, ни сюда.

Кончилась очередь эмигрантов. Таможня спрашивает, есть ли кто еще. Ну что ж, вперед. Таможенник поинтересовался, куда мы едем, похвалил книги в нашем багаже и передал нас молодому парню, гэбэшнику. За спиной парня маячила девица с бумагами. Вдруг девица радостно заорала:

– А у них нет ОВИРа!

Гелий Вишенчук-Вишенька

Парень повернулся к ней и крикнул:

– Пусть едут!

Затем он повернулся ко мне и сказал невыносимую крамолу:

– На вашем месте я бы не возвращался.

Это был обычный календарный день 13 марта 1991 года.

В самолете PAN AM Clipper Water Witch прямо перед нами сидела семья пятидесятников. Женщина повернулась ко мне и спросила:

– Де це Америка?

Вечно ваша Таня

В ноябре 1993 года Нина получила письмо от Тани Голиковой. Вот это письмо в сокращенном виде.

Милая моя, единственная женщина!

С чего там начинают каяться? Помню и люблю, ну а письма... невозможно описать свою жизнь, слова бессильны. ...Я бросила свои книжки и три месяца не работаю. Читать книги и продавать – две большие разницы. Торгуют все и всем. Одесса приобрела неистребимо провинциальный вид. Очень скучно наблюдать за всем этим.

...Я очень одинока, ни с кем не общаюсь, кроме Гали Чубиной и детей. Как буду жить дальше и на что, не знаю, не хочу думать. Скоро праздник, придет Галя, будем пить водку, есть синие и говорить о прошлом.

Видела Сашу Данилова, привет вам передавал, он теперь менеджер в фирме Galaxy.

У меня замечательный кот, все тот же белый Джозеф, очень скрашивает мне жизнь. Ну и книги. Пока работала в лавке, купила много книг, в основном хорошая русская поэзия, сейчас печатают все. Читаю Г. Иванова, Феофанова, Ходасевича, Гумилева. Словом весь «Серебряный век».

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Не бросай меня. Я очень тебя люблю. Свинья я, конечно, но думаю о тебе и вспоминаю постоянно. Лучшие годы моей жизни связаны с тобой. Я это очень понимаю. Прости за сумбур в письме, голове, жизни. Честное слово, напишу еще. ...Помнишь, как мы выходили после работы и говорили, говорили...

Целую, вечно ваша Таня.

ЗДЕСЬ, ГДЕ ЖЕ ЕЩЕ

Среда, 14 марта 2018

Вчера отметили 27-ю годовщину со дня прибытия в Чаттанугу. В тот день я был очень болен и очень счастлив. Вдохнул воздух свободы – и у меня закружилась голова.

Четверг, 15 марта 2018

Волшебная печать

Мы улетели, а Костя остался в Одессе. Он быстро оформил документы на Лилю, и 1 июля оба были уже здесь. А Андрей, Слава и Поля присоединились к нам только два с половиной года спустя. Мы еле дождалась их. Оба раза в аэропорт приезжал народ из Лафайета. Всем было любопытно посмотреть на русских, впервые ступивших на американскую землю, ну и заодно порадоваться за нас.

Поле было тогда пять лет. Ее окружили лафайетские дети, и она сразу вступила в разговор. В этом возрасте детям переводчик не требуется.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

А нас с Ниной в Чаттануге встречали миссионер Давид Маркум, пастор Эрнест Грос и Бади Никольс. Мы не думали, что нас кто-то ждет, и на всякий случай захватили с собой постельное белье на бездомную ночь.

Бади Никольс сыграл особенную роль во всей этой истории. Мы познакомились с ним в 1989 году в Одессе, куда он приезжал с визитом от миссионерской организации Titus International в Чаттануге. Эту организацию он в то время и возглавлял.

На следующий год Бади привез мне официальное приглашение на работу в его миссии. В письме были также перечислены все члены нашей семьи. Сама по себе бумажка не имела никакой юридической силы, но она скреплялась невиданной красоты печатью, наложенной на золотистого цвета фольгу. Именно эта печать, возможно, облегчила переход границы. Пусть значимость этого документа покажется преувеличением, но в любом случае такой документ существовал (он до сих пор хранится у меня) и был предъявлен на таможне.

LaFayette

Той ночью пастор Грос отвез нас к себе в Лафайет, городок рядом с Чаттанугой, и первые семнадцать дней мы прожили у него. Я был жутко болен. Нервное напряжение наложилось на сильную простуду. Прошное напоследок навалилось на меня всей тяжестью, а слабенькое настоящее зарождалось, как травка из-под асфальта. Ванда Грос поила меня средством от простуды NyQuil, и мне на время становилось легче.

В эти дни вся семья нянчилась с нами, как с младенцами. Нет таких слов, чтобы по-настоящему выразить чувство благодарности, которое мы испытываем к этим прекрасным людям с их щедрой, благородной душой.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Среда, 28 марта 2018

Первый день в Америке. Это юг, но настоящего тепла еще нет. В спальне всю ночь тянуло холодом из открытого окна. Перед рассветом я встал, включил в холле телевизор. Там обсуждались события в России.

Утром за завтраком Эрнест и Ванда Гросы учили нас складывать гамбургеры и спрашивали, какой соус мы предпочитаем, как будто мы знали, какой. От местной горчицы подташнивало.

Четверг 29 марта 2018

Chattanooga

Первого апреля мы переехали в Чаттанугу. Там мистер Итгерман, один из спонсоров миссии Бади Никольса, предоставил нам квартиру на Чемберлен авеню за \$250 в месяц.

Нас сопровождал весь Лафайет. Привезли полную тележку продуктов и вычистили квартиру.

Но жить там было невозможно. Дом кишел тараканами, сороконожками и еще там было множество всяких других омерзительных насекомых: слизняков, червяков, жуков, бегающих, прыгающих, извивающихся, – целое сокровище для энтомологов.

Стены с трудом удерживались в режиме стоймя. Я хотел приподнять коврик с пола, взялся за него – и сколько я взял, столько осталось у меня в руках. Выметя эту труху за порог, я поставил посреди комнаты стул и сел на него – стул на сантиметр ушел в пол.

Давид Маркум принес мешок с одеждой – пожертвование от церкви – и вывалил на пол невиданные нами доселе вещи: ковбойские сапоги со шпорами, модные подтяжки, какое-то приспособление типа неглиже, напоминавшее дайперсы, и другое исподнее. Было немного странно и смешно.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Кто ходит в Чаттануге пешком?

Но вообще говоря, нам очень помогли встать на ноги. Содержать нас никто не обязывался. Мы приехали с наличным капиталом в 50 долларов. На программу помощи иммигрантам мы не рассчитывали, да ее и не было в штате Теннесси.

В августе церковь подарила нам Oldsmobile Delta-88, внушительный седан, требовавший ежедневного ремонта. Это не сарказм, огромное спасибо, без автомобиля в Чаттануге нельзя.

Первое время по госпиталям и магазинам, а также на познавательные экскурсии нас возили американские друзья, больше всего Давид Маркум, Тельма Ванхузер и ее дочь Джуди, а также Ванда с дочерью Кэрен из Лафайета. Они возмущались, когда мы сами ходили за продуктами. Кто ходит в Чаттануге пешком? Мне и самому любопытно было бы сейчас взглянуть, как мы перлились тогда по улицам с пакетами и сумками на удивление жителям этого прекрасного города.

Первые путешествия

Нас посетил Бади с его красивой женой Лиэн. Окинув взглядом комнату, Лиэн сказала: Nice (неплохо). Нина предложила ей сесть, она сказала: No, thank you.

Потом приехали Герман и Беверли Пиньон. Беверли, войдя, заплакала и сказала: I'm ashamed of this (Мне стыдно за вот это). Позже они привезли нам свою старую мебель и обставили наш дом на Вэнс авеню. Бад и Джинни Мартен из Лафайета одолжили нам ретро-модную кушетку для прихожей.

Пиньоны пригласили нас на пару дней к себе в Таскалусу. У них был свой бизнес, большой цветочный магазин. Там

Гелий Вишенчук-Вишенька

мы познакомились с консервативной Америкой, даже более консервативной, чем Лафайет.

Бади возил нас туда-сюда по Америке. Мы побывали на севере вплоть до Чикаго и Освиго и на юге до Мейкона. С Гросами съездили в Панама сити, поплавали в Мексиканском заливе.

Спирос Зодиатес (Spiros Zodhiates), о нем чуть погодя, взял меня с собой в Пенсильванию на ежегодную миссионерскую конференцию, надеясь, что с русским он соберет больше пожертвований. Russia была в моде. В Пенсильвании я познакомился с образом жизни амишей. Словом, до приезда Кости и Лили мы уже приобрели кое-какие знания об Америке.

На Чемберлен авеню мы продержались около месяца, а затем Бади за ту же цену предложил нам на Вэнс авеню целый дом. До нас это было студенческим общежитием. Конечно, после студентов... но в общем это было лучше.

А тот дом через пару лет снесли из опасения, что он упадет на прохожих. Его хозяин Артур Иттерман прожил еще много лет и покинул этот мир в 2014 году в 106-летнем возрасте.

Воскресенье, 1 апреля 2018

С утра слабость, хожу, покачиваясь. Не хочется ни читать, ни писать, ни лежать, ни сидеть. А жить? Жить можно.

Среда, 4 апреля 2018

На дворе тепло. Надо бы прогуляться. Нина делает 5 кругов по деревне, умница.

Костя приехал на часок навестить нас. У него было несколько трудных недель учебы, закончились вчера. Лиля работает каждый день допоздна, мы редко с ней видимся.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Воскресенье, 8 апреля 2018

Нине 77. Нет, она все та же. Я вижу ее там, под деревом такой, какой она была всегда, красивой, ненаглядной. «Все б смотрел на тебя, любовался...».

Костя с Лилей принесли большой букет роз. В субботу они ездили в Нэшвилл, нашли хорошую квартиру для Юли, она переедет туда летом из Мемфиса. У нее уже есть работа в Publix Pharmacy.

Вторник, 10 апреля 2018

Что это было?

Это случилось в 1989 году в Одессе. Герман Пиньон и его друг миссионер в Израиле Майкл Бенгли попросили меня помочь им поговорить с Николаем Бойко, пятидесятилетним, десять лет просидевшим в тюрьме за веру. Беседа в доме Бойко проходила в режиме стоя. Бойко стоял и мы стояли. Не знаю, почему он не предложил нам сесть. Какое-то время все шло нормально. Потом я почувствовал, что не могу проснуться. Язык заплетается, мысль пошла в разнос. Я посмотрел на американцев. У Майкла глаза сузились до щелок, Герман явно борется со сном. Что происходит? У Николая Бойко не было никакой надобности гипнотизировать нас или просто наводить на нас тоску. Черт знает что.

Однажды здесь в Америке мы вспоминали об этом случае. Герман задумчиво сказал:

– Что это было?

Понедельник, 16 апреля 2018

Когда Нина впервые привела меня к себе, в ту самую до крайности убогую комнатенку в аэрофлотском Авиагородке, где она жила с матерью и братом, первое, что бросилось мне в глаза – это сверкающий белизной холодильник «Ока». Я

Гелий Вишенчук-Вишенька

подошел и обнял роскошный предмет. Это была вещь, а вещи страшно сказать как много значили в те советские времена. Я слов не нашел, а просто заключил в объятия это яркое свидетельство отчаянной битвы за выживание.

СПАСЕНИЕ В ГРОЗОВУЮ НОЧЬ

Картбланш

Год спустя после переселения в Америку Нина устроилась в миссию Precept Ministries и за 12 лет работы там перевела на русский язык целую гору опусов, написанных хозяйкой миссии Key Arthur. Работа была немного странноватой, но интересной, Нине нравилось.

Меня и Костю по ходатайству Бади Никольса взял к себе во внеденоминационную миссию AMG (Advancing the Ministries of the Gospel) International ее глава и основатель грек Dr. Spiros Zodhiates. Несколько месяцев спустя я принес ему переводы его книг. Он удивился и спрашивает:

– Зачем? Кто это будет читать?

– Никто, это правда. А мне-то что делать тогда?

Добрый доктор Зодиатес говорит:

– А делай, что считаешь нужным.

Так я получил картбланш на свои переводы.

Гелий Вишенчук-Вишенька

В миссии было четыре грека. Помимо Спироса Зодиатеса был Симеон Иоаннидис с женой Анной и их сын Анастасиос (Тасос). Пока у нас в августе 1991 года не появился свой автомобиль, нас с Костей на работу и обратно возил Тасос.

Миссия занималась благотворительной деятельностью в странах Южной Америки, Европы и Юго-восточной Азии: школы, больницы, приюты, лепрозории... – и издавала христианскую литературу. Косте не хотелось делаться миссионером и он стал подыскивать себе другую работу. Мне же оставаться был полный резон: у меня в руках было настоящее дело, а через коридор – огромная библиотека, тысячи томов крайне необходимой литературы, хотя мне все-таки пришлось самому докупить еще десятки книг современных историков, археологов и библиистов.

Понедельник, 23 апреля 2018

Вчера весь день не переставая шел дождь. Я смотрел в окно и чувствовал радостную ностальгию.

Понедельник, 30 апреля 2018

Вчера обедали на Brock Road. Костя показал нам только что пришедший по почте диплом бакалавра. Какой он умница, наш сынок.

Обед у Спироса Зодиатеса

Спирос Зодиатес и его жена Джоан пригласили нас к себе познакомиться поближе. Беседа не клеилась. Разные культуры, разные жизни, разные интересы – ничего не совпадало.

Спирос страдал диабетом. Прямо за столом Джоан ввела ему дозу инсулина, и он сразу начал жадно поглощать пищу. Это нормально у диабетиков.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

После обеда ели арбуз и по совету Джоан бросали корки с балкона на лужайку. Нам было не совсем это понятно, но, наверное, был какой-то резон. Потом это плохо кончилось. На лужайку слетелись осы и набросились на Джоан, а у нее была сильная на это аллергия, еле спасли в Emergency Room. Но это было, как уже было сказано, потом, без нас.

Пятница, 18 мая 2018

Греческий корень

Каждое утро с 8 до 8.20 Спирос Зодиатес устраивал для нас, негреков, сеансы языкознания. По его мнению, ни одно слово в греческом оригинале Евангелий не было расшифровано переводчиками как надо. Истинное значение слов знал только он один.

В 8.20 раздавался звонок, и Зодиатес обрывал себя на полуслове, давая понять о высокой цене нашего рабочего времени. Мы посмеивались над ним за его пристрастие во всем видеть греческий корень, но полезность его кратких утренних лекций для нас была несомненной.

В начале 2000-х с ним случился удар, серьезно отразившийся на его памяти и речи. Он изо всех сил старался вернуться в первоначальное состояние и однажды утром решил возобновить сеансы, стал было говорить, но слова не давались, он зашнулся, заплакал и пожаловался:

– Я не понимаю, за что Бог меня наказывает.

Это было его последнее выступление перед нами. Мы всем сердцем сочувствовали ему.

Среда, 30 мая 2018

Славка Богомолов

В богатом нулями двухтысячном году Нина ездила в Ташкент проститься с умирающим от рака легких братом

Гелий Вишенчук-Вишенька

Виктором. До того времени Виктор успел дважды побывать у нас в Америке. Больше всего удивило его здесь то, что магазины не государственные. Он каждый раз об этом переспрашивал. Он был очень хорошим, добрым человеком. Никогда не заботился о себе, только о других. Когда он в первый раз вернулся от нас к себе домой в новой куртке с картой Америки на изнанке, друзья прозвали его Витькой Американцем.

В Ташкенте Нина случайно на улице встретила с бывшим одноклассником Славкой Богомоловым. Славка раскинул руки и крикнул «Нина!» – будто всю жизнь ждал ее и вот наконец дождался. На самом деле все так и было. Разговорились, вспомнили школу. Славка удивился, что Нина забыла, что они сидели за одной партой. Спросил, есть ли у нее семья. Нина рассказала. Затем Славка сказал:

– А моя жена умерла. Я один. Ты знаешь, что в школе я был в тебя влюблен? Боялся признаться, был ниже тебя ростом и стеснялся. Я и сейчас тебя люблю, всю жизнь любил. Никого не любил, одну тебя. Вот, наконец, сказал. Знаешь, я ничего не имею в виду, но просто, случись чего, вдруг ты одна – может быть, подумаешь и приедешь.

Нина сказала мне, что Богомолов не был красавцем, но в нем была мужская привлекательность. А я подумал, что раз он так любил Нину, значит, мы с ним родственные души.

Понедельник, 18 июня 2018

Вчера собрались на Brass Lantern Way, отметили Father's Day. Андрей показал скрипку Страдивариуса, приобретенную на estate sale за \$10. Но говорит, не настоящая. А врут?

Послал Болотову песню: Yesterday's gone and tomorrow may never come, but we have this moment today. В ответ он пишет, что с ним случился еще один инфаркт.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

ТрусЫ́

После меня на Кубе был лейтенант Дружинин, из нашего одесского контингента, здоровенный парень с круглой головой и раздвижными зубами. Потом я встретил его у одесского магазина «Березка», где советские граждане, побывавшие за границей, могли приобрести на сертификаты дешевые шмотки. На мой приветственный возглас он шарахнулся от меня так, будто я замахнулся гранатой. Черт с ним, я прошел мимо. Чего они меня так боятся, эти трусы́, как поет Ирина Муравьева в хорошей народной песне?

Среда, 27 июня 2018

Четвертый день подряд по вечерам гроза.

Когда-то уже давно в грозовую ночь мы возвращались домой на grosовском Ford Taurus. Машину вел сам Грос. Рядом с ним сидела его жена Ванда. Мы с Ниной тихо сидели сзади. Ливень хлестал в ветровое стекло, ничего не было видно. Мы медленно двигались по какой-то боковой улице без фонарей. Прямо перед нами вдруг появился человек. Он шел посреди дороги спиной к нам, с его непокрытой головы и плечей ручьями стекала вода. Поравнявшись с ним, пастор Грос опустил боковое стекло и спросил:

– Are you saved?

(Ты душу спас? В Бога веришь? Примерно так.)

КТО ТАМ?

Поездка в Израиль

В 2006 году мы с Ниной посетили Израиль и попутно Петру в Иордании и Париж. В Израиле полюбовались на сады Эн-Геди (это же Песнь Песней!), прокатились на катере по Тибериадскому морю, постояли на верхушке Масады, Нина искупалась в Мертвом море. Потом мы ходили по развалинам Сепфориса и в пустыне Негев попили чай в шатре на манер старика Авраама. Конечно, Стена Плача, гора Мориа и Гефсимания.

Стоит упомянуть Кесарию (Цезарию) и Иродион. Жаль, ни с кем не общались. С нами, группой туристов из Чаттануги, был только гид Или. Но впечатление осталось сильное. Удручало только нагромождение церквей, храмов и часовен в Иерусалиме. Туристы толпами бросаются от

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

одной святыни к другой. Что они ищут?

Мне удалось заснять каменную лестницу, ведущую к раскопкам древнего города времен Бытия. Она фигурирует у меня в иллюстрациях к «Избранному из Библии».

В Петре скучновато: непонятная игрушка посреди пустыни. Понравилась средиземноморская кухня. Париж ошеломил своей исторической мощью и невиданной красотой.

Пятница, 21 сентября 2018

В среду приезжал Костя. Пришло подтверждение, что он сдал экзамен и таким образом получил право на новую профессию в онкологии (Certified Dosimetrist). Видно, что он доволен, и нам радостно. Сегодня они с Лилей улетают в Вашингтон на экскурсию. Вернутся в среду.

Вчера приезжала Слава. Привезла чудесную фотографию: Поля идет по улице, держа за руку Катю. Катя широко шагает и смеется.

Юля завела блог, и вот что она пишет:

I was once asked the question, «What would you do if you had a million dollars?» I replied, «I would have my own vineyard and go out on my balcony each evening, drink my own wine, and simply look out onto my vineyard».

Чудесная мечта! That's my girl.

Понедельник, 22 октября 2018

Мамины друзья

У мамы в Самаре были друзья: супруги Романовы и Шура Аленушкина. С Романовыми дружба началась еще в комсомольской юности, а Шура Аленушкина была ex-wife дяди Акима Вишенчука. Их сын, мой двоюродный брат Володя,

Гелий Вишенчук-Вишенька

высокий голубоглазый блондин, пару раз навел нас в Самаре. Он был намного старше меня. Мы с ним прогуливались по городу и он угощал меня его любимым «жигулевским» пивом, после чего в моих комплексах навсегда закрепилось отвращение ко всякому пиву.

С Алenuшкиной случались забавные приключения из ряда practical joke. Клубок шерсти свалился у нее с колен. Старушка нагнулась за ним, но он от руки закатился еще дальше под кресло, она нагнулась еще, потом еще – и получился классический кувырок через голову.

В другой раз она полезла поправить шторку, потянулась в сторону, табуретка вырвалась из-под ног, и Шура Алenuшкина повисла на карнизе.

Но думаю, что старушки просто сочиняли такие истории, чтобы посмеяться над собой, скрасить преклонные годы. Приближаясь к неизбежному, они шутили над этим. Романов о себе так и говорил: вышел на финишную прямую.

Четверг, 1 ноября 2018

К нам постучались дети

Закончился Хелoуин. Дети не пришли. В нашу деревню редко кто заезжает, а своих детей тут нет, одни старики.

Костя с Лилей сидели на ступеньках своего дома на Brock Road с пакетами конфет, и к ним приезжали дети. Их обычно привозят родители, если не совсем близко. В этот раз привезли одного совсем маленького мальчика, поставили его на землю. Он еле доковылял от до ступенек, молча взял конфеты и вернулся к автомобилю.

В прошлом году, когда к нам постучались дети, Нина не поняла и спросила через дверь по-русски: «Кто там?». Когда мы открыли дверь, детей уже не было. Может, поэтому их не было и вчера.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Воскресенье, 4 ноября 2018

Взгляд иностранца

Перед тем как мы перебрались во Львов, тетя Лида на некоторое время уезжала с Игорем в Одессу. Там что-то получилось не так, и вскоре тетя Лида вернулась в Лазорки. Но Игорь за это время успел сделаться одесситом и привез с собой диковинные словечки и песню «На Дерibasовской открылася пивная». Меня заинтересовала фраза «он среди нас совсем как иностранец». Иностранец – это кто?

Спустя многие годы во время наших с Игорем прогулок по Одессе он привел меня к дому, где они останавливались тогда с тетей Лидой. Дом, расположенный вблизи Сабанеева моста, был большой и красивый, постройки, наверное, конца 19 столетия.

Игорь завел меня во двор и показал на узкий карниз под окнами. Квартира располагалась на третьем этаже. Однажды дверь случайно захлопнулась, и он по этому карнизу добрался до своего окна. Меня едва не затрясло от ужаса.

А иностранец появился в моей жизни незадолго перед тем, как мы с мамой перебрались из Львова в Самару. Тогда в наш класс привели нового ученика по фамилии Гуларье. Я сразу заподозрил неладное (Тенардые – Гуларье). Жил он на улице Обертинского рядом с дядей Павлушей. Нам было по дороге, и я пару раз провожал его до дома. Фамилия не соврала. Он и впрямь оказался французом, да еще из самого Парижа.

В Сталинграде в конце 40-х годов я близко видел пленных немцев. Один из них посмотрел на меня. Я запомнил. Это был взгляд иностранца.

ЭПИЛОГ

Воскресенье, 3 марта 2019

Взгляд в преисподнюю

Таня Шундрина, дочь моей двоюродной сестры Тани Цыбаревой, пишет в сегодняшнем письме (я послал ей первую главу своей повести):

Дорогой дядя Гея, я с огромным интересом прочитала ваши записи, прошу прощения за дерзость, читая, будто опять слышала родной голос моей бабушки. Про вашего папу она рассказывала: «Пытали его зверски: подвешивали за ноги к потолку и били палкой... Ему отбили почки, он ходил кровью. Сказали: сам сдохнет. И отпустили».

Это совершенно новый поворот в истории с расстрелом. Отца просто вышвырнули в уверенности, что «сам сдохнет» по дороге домой.

Теперь многое проясняется: и отсутствие документа о реабилитации, и загадочная справка о нахождении под стражей,

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

и неожиданное возвращение ночью... Все сходится. Если так, то, может быть, и не было с ним никакого «сердечного приступа», а просто в конце концов отца нашли.

Еще бабушка рассказывала, что отца пытали его же близкие друзья и, может быть, поэтому, по-дружески, его «пожалели». Они были уверены, что он уже практически «сдох». Это позволило отцу придумать себе легенду.

Пресловутая справка, утверждавшая, что он был освобожден из-под стражи, оказалась весьма кстати. Опираясь на нее, можно было говорить о реабилитации. Отпустили, значит, реабилитировали.

Отец прятался. Не остался в Петропавловске, где его, как он пишет, «восстановили», а уехал в Пензу, где его никто не знал, да и там то и дело менял адреса. Сначала жил у родителей жены (Пенза-4, дом 8) затем у старшего брата Семена (Нагорная 7, кв 2) и наконец у себя дома на Набережной реки Мойки 41, кв 1. Об удачных попытках прятаться рассказывает Вячеслав Иванов в книге Елены Якович «И Бог ночует между строк»:

...способ прятаться от НКВД тогда несколько человек попробовали. Лидия Корнеевна Чуковская так спаслась. Надежда Яковлевна Мандельштам. Надо было исчезнуть из их поля зрения. Память не была длительной. Все такие примитивные организации не обладают серьезной памятью.

Пятница, 8 марта 2019

Цыганская загадка

Пришло еще одно письмо от Тани Шундриной:

Бабушка рассказывала, что (отец дедушки) Степан Иванович был веселого нрава, любил приложиться. Как-то

Гелий Вишенчук-Вишенька

оказалось, но Степан Степанович какое-то время жил в цыганском таборе и даже мог объясняться с цыганами...

По какой такой причине дедушка Степан жил в цыганском таборе и изъяснялся на языке цыган? Надо бы проверить ДНК. Иначе трудно объяснить.

Среда, 24 апреля 2019

Светлое чувство

Нина рассказала мне маленькую трогательную историю. Когда она еще летала стюардессой, один из пассажиров рейса на Москву, симпатичный молодой парень, предложил ей себя в качестве гида по Москве. У Нины было свободное время и она согласилась. Вот ее рассказ:

– Я пришла. Он там ждет. Провел меня по Кремлю. Показал Москву, какую я никогда не видела и не подозревала, что такая есть. И сам он мне понравился. Стемнело, мы ехали обратно в аэропорт, и он дал мне бумажку с номером телефона. Сказал, что если я захочу, то могу позвонить ему, и мы продолжим прогулки. Мы больше не виделись.

Нина легонько вздохнула и сказала:

– Бумажку я потеряла.

Взглянув на меня, добавила:

– Я была тогда замужем.

Когда я говорю Нине, что люблю ее, я часто повторяю свою присказку:

– Ты сидишь под веткой вишневой цветущей и перебираешь в серебряном сундучке на коленях свои сокровища: изумруды, яхонты, хризолиты, бирюзу, жемчуга и всякие другие самоцветные камушки, примеряешь их на себя.

Это один из таких камушков. Молниеносная влюбленность. Достаточно одного взгляда, чтобы обереть на всю

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

жизнь. Такое светлое чувство доступно не каждому.

А еще Нинока любила слушать мои рассказы о том, как я вижу ее в своем воображении, когда она была еще маленькой девочкой, ну скажем, лет пяти. Я говорил: вот ты идешь босиком по зеленому лугу в погожий летний день в голубом платье под цвет твоих глаз. Под ногами мягкая травка. Ты идешь и срываешь васильки и ромашки, чтобы свить из них венки. Впереди небольшая глубокая речка с темно-синей водой. Ты садишься на край берега и болтаешь ножками в теплой воде. На твоей белой головке уже готовый венок. Я машу тебе рукой с другой стороны речки. Ты смотришь на меня и улыбаешься.

Однажды красивый Джим Нейшн поднял нас в небо на своей сессне Skyhawk. Мы пролетели над Сторожевой горой, Миссионерским кряжем, над долиной реки Теннесси. Сердце замерло от пронзительного сознания, что Чаттануга исполнилась и что со мной над городом летит Нинока.

Пора заканчивать мою повесть. Я прощаюсь с прошлым и приветствую новую жизнь, начавшуюся в тот благословенный день 13-го марта 1991 года, когда огромная машина Clipper Water Witch со мной и Нинокой на борту оторвалась от земли в аэропорту Шереметьево и взяла курс на запад.

АВТОБИОГРАФИЯ

НАПИСАНА ОТЦОМ ОТ РУКИ

Родился я 28 сентября 1905 года в Гродненской губ. Брестского уезда Высоко-Литовской вол. дер. Волковичи в семье крестьянина-бедняка. У отца была одна лошадь. В связи с тем, что доход от сельского хозяйства не обеспечивал семью, мои старшие братья ушли служить – один телеграфистом, другой почтальоном.

В связи с войной наша семья была в 1915 году эвакуирована в Самарскую губ. Здесь в 1916-1917 г.г. я с отцом пас овец. После смерти матери отец увез нас к своим односельчанам в Челябинскую губ., где он в начале 1918 г. умер, а я работал там до 1920 года батраком у кулаков. В 1920-22 г.г. там же я поступил чернорабочим на маслозавод. В 1922 году меня взял к себе в Сызрань старший брат. Там я поступил в школу ФЗУ (фабрично-заводского ученичества), учился в ней и работал в депо (ремонт паровозов) слесарем четыре года, окончил ФЗУ в 1926 году.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

В этом году меня избрали как активного комсомольца на работу заворотделом укома (уездного комитета) ВЛКСМ, в котором впоследствии я работал отв(етственным) секретарем. В 1925 году я вступил в ряды партии.

В 1929 году я ушел с комсомольской работы и по решению Средневолжского крайкома был мобилизован на работу в деревню. Работал на писчебумажной фабрике в Барышском районе секретарем партячейки, в 1930 году был послан на работу секретарем парткома асфальтового завода на ст(анции) Батраки. Оттуда по решению крайкома был послан заворотделом Каменского РК ВКП(б). В начале 1932 года крайком отпустил меня на учебу в ЛИИПС, но так как я приехал поздно, в институт меня не приняли и я стал работать отв(етственным) инструктором Володарского РК ВКП(б) в Ленинграде, а учиться стал на вечерних курсах марксизма-ленинизма при Ленинградском отделении Комакадемии.

В марте 1933 года ЦК ВКП(б) мобилизовал меня на работу в Перекопскую МТС (машинно-тракторную станцию) Нижневолжского края зам(естителем) нач(альника) политотдела. Там я работал хорошо и в 1934 году ЦК ВКП(б) назначил меня нач. ПО (политотдела) Бурлинской МТС Актюбинской области Каз(ахской) ССР. После реорганизации политотделов решением Актюбинского обкома я был утвержден инструктором обкома, (а) после моего отказа обком утвердил меня директором МТС. От этой работы я тоже отказался. Я считал, что в Казахстане больше пользы принесу на партийной работе в МТС. Перед обкомом я поставил вопрос: либо оставьте меня на партийной работе в МТС, либо отпустите из Казахстана. Тогда меня послали замдиректора МТС по политчасти в самую большую МТС – Озерную. В ней тогда было 105 тракторов и 30 с лишним

Гелий Вишенчук-Вишенька

тысяч га план сева.

В 1937 году я считал, что после 3-х лет работы в МТС можно из Казахстана уехать. Но обком не отпустил, и я перешел на работу в Северо-казахстанский обком инструктором сельхозотдела, а потом пом(ощником) секретаря. Эта работа заключалась в том, что я обобщал и готовил первому секретарю всевозможные материалы.

За время пребывания в партии никаких взысканий не имел и всегда твердо боролся за генеральную линию партии.

В 1938 году враги народа оклеветали меня, по их клеветническим материалам я был из партии исключен и арестован. Находился под арестом год. В мае м-це 1939 года был освобожден. Никаких обвинений мне не предъявляли. В ноябре м-це решением обкома я в рядах партии восстановлен и полностью реабилитирован. По выходе из-под ареста я был в очень плохом состоянии и был вынужден уехать лечиться. Этим объясняется задержка с восстановлением меня в партии.

Действительные враги народа, оклеветавшие меня, теперь осуждены.

Моя жена – дочь железнодорожного телеграфиста, работающего на станции Пенза 4-я. В мае м-це она уехала из Казахстана сюда к отцу с матерью. Она член партии, работает директором средней школы в Вазерках.

Меня обком отпустил в Пензу к семье.

М. Вишенчук

14. XII. 39

МЕМУАРЫ БАБУШКИ ДУСИ

Пишет Евдокия Васильевна Пластикова
30 ноября 1959 года

Так нужно было!

Родилась я 6 августа 1887 год в селе Недостоеве Рязанской области. Дедушка занимался земледелием, отец работал у благочинного (попа) и получал в год 12 рублей. У него уже было двое детей старше меня, брат Павел и я. Тогда отец стал проситься в Москву работать – мостовую мостить. Родители отпустили его. Два года работал, мостил мостовые, а потом подрядчик устроил его к одному сибирскому купцу в услужение. Проработал он у него десять лет. За хорошую службу хозяин прикрепил к нему учителя, который ходил на дом и учил также детей. Отец выучился хорошо читать и писать. Хозяин, видя его успехи, определил его артельщиком в транспортную контору.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Мне было 12 лет, когда умер дедушка. Отец продал пожитки и перевез нас всех в Москву. Семья была немаленькая, восемь человек: пятеро детей, престарелая сестра отца, отец, мать. Старший брат устроился табельщиком на Николаевскую железную дорогу. Трудно жилось. Отец получал 25 рублей, а брат – 18. Только и ждали праздников. На Новый год, Рождество и Пасху отец поздравлял хозяев и начальников, и каждый давал на чай. На эти деньги отец покупал нам одежду и обувь. Я работать нигде не могла, так как образование получила в сельской школе, где проучилась три года. Закончила на хорошо и отлично, получила по тем временам высшую награду: похвальный лист и Евангелие.

Отцу тяжело было прокормить нас. Решили выдать меня замуж, хоть одну определить. Мне сравнялось шестнадцать с половиной лет, когда меня выдали за Степана Степановича Пластикова. Он работал телеграфистом в городе Сызрани. Венчались мы 25 января 1904 года. Через неделю после свадьбы отправились в Сызрань. Десять месяцев спустя у нас родилась дочь Варвара.

Осенью 1904 года была забастовка. Мой муж оказался преданным революционером. Я еще мало в этом понимала. За Волгой он устраивал сходки с телеграфистами, было много и других участников. Приезжали студенты из Саратова, Петербурга. Были там машинист Ухтомский и Александр Иванович Сопляков, за которым была слежка.

Постепенно я стала вникать в дела мужа. Он мне объяснил, что такое забастовка, зачем она. Когда стало известно о приближении карательного поезда, муж сжег документы. Но самые важные бумаги он спрятал в погребе за обшивкой и забил планками. В июне 1905 года сгорела вся Сызрань, сгорели и все документы. А тогда к городу подходил Семеновский карательный полк, и муж, а с ним еще несколь-

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

ко человек, скрывались в лесу. Однако поезд с солдатами повернул с Самаро-златоустской дороги в другую сторону.

В феврале 1905 года приехала комиссия из Москвы. Всех, кто бастовал, уволили, других отдали под суд или сместили. Начальник телеграфной службы Гирбих говорит мужу: «Забастовка началась с твоей смены. Почему ты бастовал?» Муж ответил решительно: «Так нужно было!» Начальник говорит: «Ты работаешь у меня с семнадцати лет, с начала постройки железной дороги на Ульяновск, и не имел за это время никаких замечаний. Поэтому никаких мер я не принимаю, а перевожу тебя с понижением в Рузаевку».

Где много грибов и ягод

25 февраля 1905 года мы прибыли в Рузаевку. Квартиру было трудно достать, при станции имелось только десять домов. Сняли квартиру на хуторе, в полутора километрах от станции. Там было пять домов: крестьяне деревни Клин снимали землю у помещицы Коптевой и построили домики для сдачи служащим. Место очень красивое: перед окнами небольшой пруд и резервная канава, вся поросшая вишней и терновником, за ними железная дорога и речка, потом за плетневым сараем – посев и тут же луг, по нему текут роднички, а дальше – лес, где много грибов и ягод.

Мы с мужем по распорядку дня жили. Утром с дочкой Варей идем на речку, называлась Пишля. Наловим рыбы, придем пожарим, позавтракаем, идем в лес за грибами и ягодами, потом уже за дровами и травой для коровы.

За домами поставили надзирать трех жандармов, постоянно была слежка. Несмотря на это, муж часто проводил со своими товарищами сходки. Маевки проводились обязательно. И ни разу не попались. Лес был непроходим, много оврагов, скрыться есть где было.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Муж ежемесячно являлся в полицию на поверку. Его часто отстраняли от работы. Чуть только замешкается при появлении ротмистра Дроздовского или вахмистра Клещева и не успеет снять фуражку, моментально отстранят, дня три или больше не допускают на телеграф, пока не получат из Москвы распоряжение допустить. Из Сызрани сюда за забастовку было переведено пять телеграфистов. Один из них, по фамилии Краюшкин, был очень похож на моего мужа. Жандармы их плохо различали и за компанию сразу обоих отстраняли от работы. Но наши не унывали, находили в этом возможность готовиться по своим делам.

Мне пришлось прийти на помощь мужу. Стала шить на хозяина, у которого мы жили, скопила немного денег. Купили за 22 рубля корову, завели кур и уток. Водить хозяйство было удобно, стало легче жить. С жандармами внешне для маскировки мы жили мирно, я обшивала их семьи, это невольно приходилось делать. Одно было плохо совсем: когда разливалась речка, нас сильно заливало водой. После наводнения появлялись крысы, мыши, ползли ящерицы и тритоны, а с ними змеи. Но все переживали.

У нас уже было пятеро детей. Старшей дочери Варваре нужно было учиться. В школу ходила очень далеко. Хозяин продал нам свой домик за 175 рублей в рассрочку без всяких документов, так было проще. Уплатить помогли мои родители. В четырнадцатом году перетащили домик на станцию, и тут германская война. Так было тяжело! Продали корову, кое-какую одежду. Осилили постройиться – не успели заплатить долги.

Революция

Запомнилась революция. За три месяца до свержения царя мужу недодали 5 рублей жалованья. Никто не знал,

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

почему. Тогда он спросил механика-контролера, а тот ему по секрету сказал, мол, за тобой идет усиленная слежка, тебя опять сместили, твоя фамилия значится в охранке. Все было ясно.

30 января семнадцатого года у нас родилась дочь Анна. Тогда был первый митинг. Муж выучил нас революционным песням. Я, муж и пятеро детей, все с красными бантами на груди, отправились на митинг. В это время был и религиозный праздник, впереди шел поп с крестом, несли иконы. Отслужили молебен, а потом пошли уже песни. Сбоку шли жандармы, им плевали в лицо, пинали. Это был первый митинг, который глубоко запомнился.

Ротмистр Дроздовский сбежал в Казань, устроился кочегаром на паровоз. Один слесарь поехал в командировку в Казань и случайно его увидел. Безо всякого распоряжения его застрелили. А вахмистра Клещева и трех жандармов (с ними были еще заговорщики: буфетчик на станции Рузаевка и конторщик Обухов) – всех вместе расстреляли в лощине около леса. Из нашего дома было видно. Хоронить их в то время не дали, чуть землей прикрыли. А весной восемнадцатого в полую воду их смыло. Тогда разрешили похоронить. В овраге и похоронили.

После революции мужа послали на съезд в Москву от телеграфной службы. Их было из Рузаевки пять человек депутатов.

Без хлеба

При коллективе железнодорожников не было помещенья для скота, вот и выдавали кому овец, кому свиней. Нам дали лошадь Лебедку и двух свиней. Тогда много уродилось капусты, свеклы. Овощи стаскали в вороха, хранить негде было. Зимой разрывали снег, а там свежая капуста и свекла. Вот

Гелий Вишенчук-Вишенька

этим и кормили скотину до весны. Весной за уход дали два поросенка.

Наша семья состояла теперь из девяти человек: мы с мужем, шестеро детей и старая тетя. Я крутилась по хозяйству одна, трое детей учились и помогали мне.

Старшей дочери Варе было 16 лет, она хорошо помогала, работала в коллективе наравне со взрослыми. А Вячеславу было 10 лет. Чтобы запрячь лошадь, я ему подставляла табуретку или лесенку. Он с радостью это делал. Лошадь взяли по его просьбе. Очень любил лошадей. Пропадал на конюшню дня по три и домой не являлся, спал с конюхом на сеновале. Приносила ему только пищу, а домой и не зови.

Образовался хозяйственный коллектив железнодорожников, для него выделили сто гектаров земли, участок обрабатывали сто человек. Работала и я со своей семьей. В первый год получили не много. А в восемнадцатом году всего за работу получили столько, что засыпали два подвала овощами. Хотя с апреля и до августа вся семья переболела тифом, норму свою с детьми мы выполнили.

Первым заболел тифом мальчик шести лет, умер в августе восемнадцатого. Я и муж тоже болели. Муж очень долго болел, от переутомления. Даст нам всем лекарства и бежит на работу.

Чем питались мы все, коллективцы? Пospели помидоры, огурцы, морковь, свекла, кольраби – вот это мы ели, конечно, без хлеба. Осенью восемнадцатого года мы выработали часы раньше всех и получили за это в первую очередь 90 пудов картофеля, 45 пудов сахарной свеклы, 30 пудов моркови, 50 пудов капусты, 10 пудов луку и 5 мешков махорки.

Муж стал пропадать целыми днями, приходит только поздно вечером. Странно проходила работа. Не смотрели на то, что человек может не справиться. Конечно, всю работу

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

муж знать не мог, а выбирали (на разные посты) заочно. Работал секретарем революционного комитета, заведующим отделом народного образования, директором библиотеки и переплетной (мастерской), управляющим биржи и квартирной комиссии, членом военной комиссии, а три класса (образования) на руках. Поэтому умственно переутомился и болел долго. Стал часто терять память. Врачи посоветовали ему оставить революционную работу.

Дети поют, пляшут

Начальство вошло в положение, и в Москве утвердили решение перевести его на маленькую станцию Базарная. Мы выехали туда 5 мая 1919 года. Продали домик и поехали. Дали два вагона: один для семьи, другой для хозяйства. Месяц жили в вагонах, пока не освободили квартиру. На наше несчастье была страшная засуха и получился неурожай. Пришлось половину хозяйства уничтожить, оставить только одну корову. Травы не было нигде. Дети ходили в лес, щипали листья и приносили корове на зиму. В лесу было очень много грибов. Мы сделали запасы: сушили, солили. Эти грибы нас выручили, ими целый год питались. Покупали репу, морковь, свеклу. Овощи ели, а кожурки сушили и желуди тоже. Все это мололи и получалась мука. Так и питались. Да еще поддерживала корова, ее молоко. Да все же один мальчик десяти месяцев умер, не перенес, заболел дизентерией.

В то время в семье учились четверо. Обуви не было. Один мордвин плел лапти, мы у него покупали. Муж и на работу ходил в лаптях: от плохого питания пухли ноги.

В год переезда у нас заболели трое детей брюшным тифом. В Рузаевке все болели сыпным, а тут брюшной.

Из железнодорожной кооперации мы с мужем набрали

Гелий Вишенчук-Вишенька

два куля картошки, совершенно черной. Я ее сварю, дети едят без хлеба – и поют, пляшут. Мы не знаем, что происходит. Зашел врач навестить больных: выяснилось, что это переработанный картофель на спирт. «Благодаря этой картошке (сказал врач) вы спасаетесь». А если я получу 5 кг. муки, я ее домой не приношу, а несу учителям за учебу наших детей.

На отлично

Железнодорожники выбрали моего мужа ехать уполномоченным в Сибирь за хлебом. Ничего не привезли, еле выбрались. Там шли бои, наступали белые. Проездил он полтора месяца и пустой приехал. Я без него похоронила мальчика.

Был такой случай. Однажды муж с сыном Вячеславом поехали на базар зимой, в январе, на санях в Патрикеево – это разъезд в двенадцати километрах от нас. Ехать было лесом, холодно. На базаре можно было купить отходов на холодное. Немного запоздали, и муж совсем уже замерзал. Сынишка из сил выбился, плакал, но что он мог сделать! Тогда он придумал: коровью губу разрезал и дал отцу сосать. Этим немного поддержал его и довез до разъезда. Оказалось, что начальником разъезда был товарищ моего мужа, бывший его ученик. Спасибо ему, он пригласил на квартиру, отогрел, накормил, чаем угостил, а наутро привез его на лошади. Я с ребятами думала – все, наверно, погибли, замерзли или волки съели.

Но жили весело. Кругом все дивились, говорят, старший телеграфист с семьей голодает, а все равно все веселые и довольные и дети учатся на отлично. При переезде в Базарную старшая дочь Варя была переведена из седьмого в восьмой класс. Лидию сразу поместили в четвертый, вместо третьего. Вячеслав в шестом классе, Василий в первом.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Американская столовая

Всего не опишешь. Сколько раз ездили в Рузаевку за картошкой, в Ковылакино, в Сызрань за солью! Мужу, конечно, нельзя было отлучаться, он работал председателем исполкома, а я и старший сынишка, он всюду был со мной, таскали мешки. От тяжелых мешков у него искривился позвоночник и замедлился рост. А старшая дочь в то время заканчивала девятый класс. Ей приходилось смотреть и за хозяйством, и за грудным братишкой. В одной руке учебник, в другой – братишка. Дочь Лидия, помоложе, помогала сестре по хозяйству. Несмотря на тяжелые условия жизни, она закончила девять классов. Занималась по чужим учебникам, своих мы купить не могли. В мае нас перевели в Ульяновск. За хорошую учебу одноклассники, мальчики и девочки, устроили ей прощальный вечер.

Уезжать из Базарной не хотелось. Местность замечательная, кругом лес, климат здоровый. Но пришел приказ из Москвы из управления железной дороги, чтобы муж принял должность ревизора телеграфа в Ульяновске. Жили на станции Киндяковка вторая, в Ульяновске квартиры не было. Прибыли сюда в мае двадцать первого года. Посадили небольшой огородик.

Детей приняли в американскую столовую.

За четыре километра от Киндяковки

Старшая дочь Варя стала работать телеграфисткой при станции Симбирск первый, а другие дети мне помогали. Напротив барака, где мы жили, проходила линия железной дороги, за ней луг и река Свияга – это было большое подспорье для семьи. В Свияге ловили рыбу, на лугу паслась корова и там косили траву, запасли сена на зиму.

Но и тут нас постигло несчастье. В тот год в Ульяновске

Гелий Вишенчук-Вишенька

ужасно свирепствовала малярия. Вся наша семья поголовно переболела малярией. Лидия и Вячеслав ходили в школу за четыре километра от Киндяковки. Придут в школу в Ульяновске, а там их сваливает малярия. Там, где мы жили, была самая малярийная местность: рядом Волга и Свияга. Врачи и учителя советовали нам куда-нибудь перевестись, говорили, дети слабые, питание плохое, могут не перенести. У них уже с легкими было неважно. Муж поехал в Москву, попросил перевести куда-нибудь в сухую местность. После двух лет пришлось снова кочевать. Мужа перевели на станцию Сура.

Местность, полезная для здоровья

Действительно, нам здесь было хорошо. Правда, квартир не было. Поместили нас в барак, где раньше жили красноармейцы. Барак большой. Если идет снег, то без задержки летит в комнату. Но дров было много: приноси – не ленись. Муж с детьми много дров навозили, топили день и ночь, и тепло было. Местность сама по себе была очень полезная для здоровья: песок и кругом леса. Ходил к нам врач и лечил всю семью. Скоро ему удалось поставить нас на ноги. Все же малярия повредила детям легкие. Пришлось принять все меры, все силы употребить, чтобы улучшить питание.

Материальное положение улучшилось

И тут не дали мужу долго сидеть. Как опытного служащего не стали держать на маленькой станции, перевели в Сызрань заведующим телеграфом на станции Сызрань вторая. Сюда переехали в марте месяце. Сын Вячеслав остался в Суре заканчивать шестой класс. Закончил шестой класс, приехал в Сызрань, пошел в школу и попросил директора разрешить учиться в седьмом классе. Ему дали испытательный

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

срок, а он за один месяц успешно закончил весь класс. Здесь мы совсем вздохнули. Дочь Варя уже два года была в комсомоле, Вячеслав тоже был комсомольцем, а Лидия и Василий – пионеры. Анна была «волченком», в то время так называли. Юра был еще маленький.

Нас было девять человек, с нами жила еще мать. Материальное положение улучшилось. Варя работала ответственной пионервожатой, потом инспектором школы. Вячеслав устроился рабочим, красил столбы по линии. Все другие дети учились. Я все успевала делать. Вступила в кружки. Первый – кружок Красного Креста, закончила его через шесть месяцев, практиковалась в больницах. Второй кружок – плетенье кружев, третий – кройки и шитья, четвертый – кружок вышивки. Была избрана родителями в школьный комитет, три года работала там, потом выбрали контролером в пионерлагерь. Я отвечала за доставку продуктов, но приходилось вместе с пионервожатыми воспитывать пионеров. За это от родительского комитета получила благодарности, была почетным пионером. Пионеры меня очень любили и уважали.

В тридцать третьем случилось большое несчастье. Мужа парализовало, шесть месяцев он не работал. А был неурожай. Жить было нечем.

Вячеслав закончил девять классов и поступил в ФЗУ. Трудно было поступить в институт или техникум. Детей служащих принимали в последнюю очередь, такой был порядок. Вскоре он поступил в военную школу в Саратове. После окончания был направлен на Дальний Восток.

Лидия закончила девять классов и как комсомолка по призыву партии уехала в Сталинград, где работала мастером (на тракторном заводе). Ее направили в Ленинград для продолжения учебы, но тут война, и она вернулась в Сталинград

Гелий Вишенчук-Вишенька

оборонять родной город. Здесь она руководила комсомольцами. После войны она продолжала работать в Сталинграде. Ее пятидесятилетие торжественно отмечал весь тракторный завод.

Варвара по путевке уехала в Ленинград учиться в педагогическом институте.

Василия и Анну мы оставили учиться в ФЗУ (фабрично-заводское ученичество), а Юру взяли с собой на Дальний Восток к Вячеславу. Потом были у Варвары в Ленинграде, но в конце концов обосновались в Пензе, где муж стал работать заведующим телеграфом на станции Пенза четвертая. Это было в тридцать четвертом году.

Война

Юрий учился. Я занялась общественной работой. Меня выбрали председателем женсовета. У меня был актив десять человек. Работать мне нравилось. Обязанностей было много: я была председателем общества Красного Креста, ответственной за столовую, магазин, овощные склады и прочее.

С началом войны я создала бригаду по выгрузке раненых. От поезда на машинах мы сопровождали раненых до госпиталя. В сорок третьем раненых стало меньше, тогда мы оборудовали комнату для раненых, получали им сухой паек, оформляли билеты, водили в столовую и провожали до поезда. Работали хорошо, получали благодарности. Кроме того, мы принимали участие в оборудовании бомбоубежищ, следили за светомаскировкой, дежурили по ночам, учились борьбе с огнем. Работа была полезная для нашей страны. Несколько раз ездили на актив в Москву.

Младший сын Юрий погиб на фронте (летом сорок четвертого)...

Здесь запись обрывается.

ПЛАЧ ПО НИНОКЕ

ИЗ ДНЕВНИКА

Четверг, 12 сентября 2019

Под утро приснился львовский одноклассник Женя Жмаев, тихий паренек необычно маленького роста, светлые глаза, густая шевелюра желтых волнистых волос. Мы идем с ним по Стрийскому парку. Райской красоты растительность, высоченные деревья, цветущий кустарник, последождевая прохлада и свежесть. Дорожка разделилась. Мы ступили на верхнюю тропу, и тут мой спутник исчез. Я кричу: Женя! Женя! Тишина. Возвращаюсь к перекрестку: Женя! Женя! И просыпаюсь.

Жмаев не был мне близким другом, просто одноклассник. Как-то раз Мишка Каряев, Вовка Малюк, Женька Жмаев и я вместе ездили на озеро Глинна Навария, сохранилась фотография. Больше ничего. Почему он приснился? И какое это имеет отношение к Нине? Простое. Простое отношение. Страх потерять.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Понедельник, 23 сентября 2019

Со вчерашнего дня Нина начала принимать Lion's mushroom, two 500 mg caplets three times per day, от выпадения волос.

Мне страшно за нее. Как она мне дорога, сердце леденеет.

Нина научила меня понимать и ценить песни советского и особенно старого городского фольклора, которые я прежде презирал за слишком простую лирику, отдавая предпочтение классике, романсам, что из той же категории, но... Мне стали нравиться ее песни.

Ромашки спрятались, поникли лютики,
когда застыла я от горьких слов.

На берегу сидит девица.
Она шелками платок шьет.

По муромской дорожке
стояли три сосны.

У нее чудесный голос, свой, домашний, мягкого тембра, очень трогательный. А «По муромской дорожке» любила петь и моя теща Полина Филипповна.

Четверг, 10 октября 2019

Как и было обещано, 28 сентября приезжали из Торонто с однодневным визитом Валя и Сикей, ее муж, прекрасный человек. В этот день у Вали день рождения. Привезла всем подарки: Нине бусы, мужчинам кожаные пояса собственного изготовления.

ИЗ ПИСЕМ

11 декабря 2020

Алексею Скляренко

У Нины в последние два года развилась деменция. Боремся с недугом вместе. Разговариваем, читаем, поем, играем в шахматы. А я даже провожу сессы гипноза. Отдаю этому много времени. Она отдала мне свою жизнь, и кто я такой, чтобы ради меня идти на такую жертву! Будь здоров.

25 января 2021

Владимиру Малюку

На книгу остается мало времени. Моя основная забота – Нина. Если я ослаблю внимание, ей станет совсем худо. К деменции прибавилось ни с того ни с сего высокое давление. В четверг идем к доктору, что он скажет. Память на слова приближается к минус 90 процентам. Я стараюсь чаще с ней разговаривать, занимаю ее всякой деятельностью, но чувствую, что теряю ее. Очень больно. У нее волосики сильно

Гелий Вишенчук-Вишенька

выпали, слаба совсем. В общем друг мой самый близкий и любимый уходит от меня. В апреле ей будет 80. Стараюсь все время быть с ней.

Заканчиваю. Будь здоров.

26 января 2021

Владимиру Болотову

Скоро весна, погода потеплеет, распустятся зеленые листочки, подымется настроение.

Продолжаю работать над книгой.

От Нины далеко не отхожу, она постоянно нуждается во мне. Сейчас, в беде, она особенно мне дорога.

Смотрю на нее и вижу ее молодой, красивой, веселой. Я сейчас говорю ей постоянно, что я люблю ее, что она красивая, лучшая на свете. Ей нужны сейчас такие слова, нужно участие. Говорю ей, что мы такие же, какими были всегда, только старенькие. Утешаю ее как только могу.

Володя, мы думаем о тебе с благодарностью и рады, что ты вошел в нашу жизнь счастливым событием.

Будь здоров, дорогой друг.

11 февраля 2021

Владимиру Болотову

В пять утра встал, приготовил завтрак себе и Нине, у нас разные, заложил сырой суп в суповарку – включу в восемь, будет вариться до половины одиннадцатого. Сделал зарядку, притащил завтрак (сырой овес на воде, три черносливины и пол-банана) к компьютеру и увидел твое письмо.

У Нины ум не отказывает, только память. И очень устает от всего. Вчера напекла блинов и так устала, что попросила меня приготовить чай, хотя любит заваривать сама.

У меня отказал правый глаз, ничего не видит. В понедель-

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

ник иду на исследование, а потом, наверное, удалят катаракту, я так думаю.

Заканчиваю редактуру. Береги себя.

2 марта 2021

Владимиру Болотову

У меня была сегодня операция на глазу. Свежим глазом пишу письмо. Сама операция заняла около минуты.

В деревне идут весенние работы. Сажают кусты и деревья, засыпают малчем.

Нина сидит за компьютером, смотрит и читает последние новости по CNN и Fox News.

В субботу едем с Ниной на прививку. Нине в апреле исполнится 80.

Береги себя.

ИЗ ДНЕВНИКА

Monday, June 21, 2021

Nina is crying, said she feels like she is going away. It's an unbearable pain to see her in tears. I would rather die.

Whenever I happen to think about our relationship, I would say to myself that Nina could've made a better choice and married a man she would truly love and be happy with in a different, easy way with much more light in her life. Each time she cried, with or without a reason, her tears I believed gave me the proof to that kind of thoughts of mine. When the first time she said she loved me, I got petrified. I couldn't accept the fact I deserved her love.

Пятница, 31 марта 2023

Нинока перестала меня узнавать. Совсем. Говорит мне:

– Как вас..?

И смотрит чужими глазами. Значит, как вас звать.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Говорю:

– Геля. Меня зовут Геля.

– Геля? Правда?

Радостно удивляется и смеется. Но принимает меня за женщину. Спрашивает (догадываюсь), есть ли у меня муж, дети. Не может говорить. Не помнит слов. Редкие слова, которые она произносит, не имеют конкретного смысла, например, “дело в том, что...” или “я хочу сказать...” и все. Стараюсь угадать, но если речь идет не о повседневном порядке, это трудно.

А началось с середины 2019 года. Стали выпадать волосы. Нинока всполошилась. Мы принялись устранять несчастье с помощью втираний, шампуней, таблеток.... Спустя полгода Нинока махнула рукой. Ничего не поделаешь.

Потом стали исчезать из памяти слова. Я составил повседневный словарь. Слова не запоминались. Нина не могла их просто повторить. Началось пение в голове, постоянное громкое пение, беспрестанно, днем и ночью. Я стал изгонять певцов гипнозом, заклинанием, придумал вот такой текст:

Что это вы так распелись, раскричались? Перестаньте. Мне нужна тишина.

Я вас выдумала и я вас прогоню. Вы никто. Вас нет. Вы не существуете. Вы думаете, что вы есть, а вас нет и не было никогда. Уходите и не возвращайтесь.

Вы развели мусор у меня в голове, намусорили. И сами вы мусор. Мне нужна ясная мысль, а вы – мусор. Мусор надо выметать. И я вас вымету. Вымету поганой метлой.

Я заставлю вас уйти. Заставлю. Так и знайте.

Вы думаете, что вы куда-то там пойдете, пожалуетесь на меня. Идите, жалуйтесь. Никто вас не будет слушать. Потому что вас нет. Вы не существуете. Вы только в моей голове. Потому что это я

Гелий Вишенчук-Вишенька

вас выдумала – и я сама от вас избавлюсь. Я заставлю вас убраться. Вы мусор. Вы мне не нужны.

Поэтому уходите. Закройте за собой дверь. Здесь тишина. Прекратите шум и уходите. Больше никаких песен. Ни плохих, ни хороших. Никаких. Хватит. Уходите.

Я хочу, чтобы мой мозг очистился от вас, от ваших голосов. Вы никто. Вы мусор. Вы не существуете. Уходите и не возвращайтесь. Давайте отсюда. Я больше не хочу вас слышать. Уходите совсем, навсегда. Идите, идите отсюда.

И не возвращайтесь. Надоели.

Я или сам произносил текст, или просил Ниноку читать про себя с листа.

А руководил хором певцов некий Антон. Он дирижировал, пел сам и произносил речи. Для него я приготовил такой текст:

Слушай меня, Антон. Сейчас я буду говорить с тобой. Открою тебе два секрета. Секрет первый. Знаешь, почему ты Антон? Это я дала тебе такое имя. Это я сама так тебя назвала. Не будешь слушаться – отниму имя. Понял?

Секрет второй. Тебя вообще нет. Я тебя выдумала. Ты предмет моего воображения. Ты призрак. Ты воздух. Ты никто. Тебя нет. Без меня ты не существуешь. Знай это. Ты просто голос. Ты поешь, рассказываешь байки, орешь, ругаешься. Да.

Но это только потому, что это всё у меня в голове. На самом деле ничего этого нет. Ничего, совсем ничего. Ты понял? Я хочу, чтобы мой мозг очистился. Очистился от тебя, от твоих песен, разговоров, криков. Я не хочу это слышать. Больше ни слова. Прекрати. Хватит.

И вообще, сам убирайся. Потому что тебя нет. Ты выдумка. Ты не существуешь. Ты призрак. Ты никто. Тебя нет. Уходи и не возвращайся. Закрой за собой дверь. Я тебя выдумала и я заставлю тебя

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

уйти. И ты уйдешь.

Перестань петь и разговаривать. Исчезни. Не хочу больше тебя слышать. Ты никто и ничто. Ты не существуешь. Исчезни. Испарись. Уйди. Тебя нет. Я тебя выдумала – и я тебя уничтожу. Это мое последнее слово. Давай до свидания.

Иногда получалось – и хор удалялся, становился еле слышен, но потом опять возвращался.

(Эти тексты были написаны в конце октября 2020 года).

Нинока плакала, понимая, к чему все идет. Прошел год, полтора. Нинока стала терять силы, уставать от ходьбы, приобрела сгорбленную походку и наконец перестала думать о себе. Днем ничего, а когда ложились спать, ей казалось, что с нами живет какая-то женщина или девушка, которая за ней ухаживает. Дважды через меня она дарила этой девушке подарки и спрашивала у меня, как ее зовут и есть ли у нее дети, и сколько. Потом я сам стал этой девушкой, хотя днем я все еще оставался Гелей.

И вот теперь она совсем перестала меня узнавать. Я спрашиваю:

– Ты знаешь, кто я?

Отвечает:

– Нет.

Суббота, 1 апреля 2023

Два года назад Костя принес планшетку с детективными романами Марининой. Нинока читала около года, затем бросила, перестала понимать.

Я купил шахматы и мы стали играть. Я зачитывал ход по книге Бобби Фишера, Нинока ставила фигурку, куда надо. Это продолжалось около года. Потом я стал просто показывать пальцем, куда ставить. А сейчас и это кончилось.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Еще когда Нинока могла разговаривать, но уже сильно была заметна потеря памяти, Костя принес четырехколесный rollator walker. Нина, увидев эту штуку, засмеялась: зачем? А теперь мы идем на прогулку только с этим роллатором. Прогулка короткая: около пяти минут. Быстро устает.

Еще в самом начале всего этого мы садились на кушетку и пели любимые песни Нины (“Есть город, который...”, “Где-то за Курильской грядой...”) и мои тоже (“Дни миновали счастливые, нет их...”, “Когда простым и нежным взором...”), всего двадцать песен. Потом и это кончилось.

Роллатор наводит на меня ужас. По нашей деревне время от времени прогуливаются с роллаторами старушки. Потом эти старушки исчезают. И приходит сообщение...

Иногда Нинока говорит мне:

– Ты такой замечательный.

Это слово она почему-то помнит. Нинока мало что умеет делать сама. Утром я даю ей возможность одеться самой. Пока это удается. Но вечером сам готовлю ее ко сну и веду выбирать ночную рубашку – у нее их целых десять. Укладываю ее в постель и причитаю:

– Спи, голубушка. Спи, моя ненаглядная, девочка моя голубоглазенькая, красивая, одна единственная на свете. Я так тебя люблю. Спи, моя драгоценная. Спи, родная. Усни.

Эти слова ей нравятся, и она спокойно засыпает.

Воскресенье, 2 апреля 2023

Сегодня утром за кофе я опять спросил ее:

– Ты знаешь, кто я?

Отвечает:

– Нет.

Но взгляд веселый. И добавила:

– Я тебя люблю.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Целых три слова. Видно, в голове у нее промелькнули какие-то остатки памяти. А может быть, она просто повторяет мои слова.

Я люблю ее больше, чем в самом влюбленном прошлом. Это похоже, как если бы ты оступился и падаешь в пропасть и какой-нибудь случайный корешок от дерева, за который можно уцепиться, как бывает в кино, становится дороже всего на свете.

Вчера, как обычно по субботам, искупал Ниноку. После купанья перед сном причесывал ей волосики – их осталось совсем мало. У меня в глазах слезы.

Понедельник, 10 апреля 2023

В субботу восьмого апреля Костя с Лилей пригласили нас к себе на пиццу, преподнесли Ниноке роскошный букет красных роз – у нее день рождения, 82 года.

А вчера были в гостях у Андрея и Славы. Сидели за праздничным столом, потом на веранде, вернулись домой к семи часам вечера.

Вторник, 12 декабря 2023

Вчера утром Нинока, вставая без меня с кровати, упала и расшиблась. Помимо ссадин сломана челюсть с левой стороны и произошло кровоизлияние в мозг. Никогда себе этого не прощу. Я сидел за компьютером спиной к открытой двери и не увидел.

Костя и Слава оставались в госпитале до утра. Меня отправили домой, но спать я не мог. Сегодня утром Нинока дома. Я должен давать ей morphine sulfate и lorazepam каждые два часа. Она в ужасном состоянии.

В госпитале мне сказали, что из этого состояния Нинока уже не выйдет.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Четверг, 14 декабря 2023

Сегодня около 4 часов утра умерла моя Нинока. Я спал, проснулся по будильнику, чтобы дать ей (по расписанию каждые два часа) морфий и лоразепам – она уже не дышала.

Прости, любимая, ненаглядная, голубоглазенькая моя девочка, единственная, лучшая на свете. Прощай.

Во все время болезни я говорил ей, укладывая ее спать: “Я так тебя люблю!” Она тихо отвечала: “И я тебя люблю.” Я плакал и повторял: “Спасибо, миленькая моя! Спасибо, золотая моя голубушка! Спасибо, голубенькие мои глазки!”

Прощай, любимая.

По утрам, если я не успевал проследить за ней, она тихо вставала и шла ко мне в комнату напротив, где я сидел за компьютером и время от времени посматривал, как она спит. Она трогала меня за плечо, я вставал, обнимал ее, целовал и говорил: “Здравствуй, миленькая моя! Здравствуй, солнышко мое, голубушка моя! Здравствуй, любимая!” Мы шли обратно в спальню, я менял ей рашлор, переодевал ее в дневное, умывал, причесывал ее белую головку, и мы шли завтракать. Завтрак был уже на столе. Ниноке такой порядок очень нравился.

В понедельник утром Нинока встала и поспешила ко мне, а я не успел подбежать... Боже мой, Боже, как я жалею!

Пятница, 15 декабря 2023

У Ниноки в календаре нашел запись от 29 июня 2020: “Стала учиться играть в шахматы.” А 12 ноября того же года вторая запись: “Вот сколько времени я старалась играть в шахматы. Не так просто. Но я все стараюсь, мне очень нравится эта игра.” Какие замечательные слова! Я был ужасно

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

счастливым, что игра ей нравилась.

Невыносимо больно. Ходил по комнатам, искал ее, рыдал в голос и кричал: “Ты где, Нинока?”

Воскресенье, 17 декабря 2023

Вчера была 61 годовщина нашей с Нинокой свадьбы. Где ты, моя Нинока?

Андрей и Слава сводили меня в ресторан Pier 88 Boiling Seafood & Bar, чтобы отвлечь меня от горьких мыслей.

Но я не могу не думать о Ниноке. Я расставил шахматные фигурки и играю с ней, накрываю ее на диване пледом, целую ее подушку, где еще сохранился запах ее белых волосиков – их уже было так мало, я причесывал ее по утрам и берег каждый волосок. Ниноке нравилась нежно-коричневая заколка в виде сердечка, она всегда ее выбирала.

Я собрал все фотографии, где она есть, в отдельный файл и выделил две фотографии, где она смотрит прямо мне в глаза, когда я снимал ее. Костюша уже привез мне бумажные копии из Costco, каждая в двух размерах, и я уже заказал четыре красивые рамки для них.

Дети заказали, мне одиночную кровать, но мне тяжело думать, что Нинока не будет больше спать рядом со мной и что мне не нужно оглядываться вправо, чтобы увидеть, как она спит.

Суббота, 23 декабря 2023

Все мои закончились тропинки,
все мои дороги, все пути.
Я вцепился в край кроватной спинки...
Как тебя, Нинока, мне найти?

Гелий Вишенчук-Вишенька

Все еще тепла твоя подушка.
Тут твоя белела голова,
тут тебе нашептывались в ушко
все твои любимые слова.

Я хочу поверить глупой сказке.
Слезы застревают в бороде.
Ангел мой, голубенькие глазки,
где тебя искать, Нинока? Где?

Пятница, 5 января 2024

Прошел двадцать второй день без Ниноки. Ее лицо еще живо в моих глазах и боль все такая же, хотя слез меньше.

Я не заметил, как прошло Рождество. Новый год встречал один с Нинокой. Наверно, помог бы глоток чего-нибудь крепкого, но не могу.

Сплю уже на одиночной кровати, но все равно приглашаю Ниноку полежать рядом. Купил ей серебряную цепочку к подвеске из желтого агатового шарика, которая была куплена во время круиза на Вестердаме в 2006-м.

В прошлое воскресенье Поля пригласила меня в ресторан Easy Bistro в даунтауне. Очень тепло, хорошо, откровенно, с юмором поговорили о наших семейных делах, о поэзии, любимых книгах и писателях, о Боге, о многом другом. Умная девочка, за разговором с ней я молодею лет на сто.

А за день до этого мы с Костюшей посетили Skacker Barrel. Но как только остаюсь один, начинается невыносимая тоска.

Воскресенье, 7 января 2024

Последние примерно четыре недели Нинока вдруг стала чувствовать себя заметно лучше. Взгляд посветлел, появи-

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

лись признаки речи, она стала пытаться заговорить. Но слова не получались – вместо них бессмысленный набор звуков. Нинока досадовала, но тут же успокаивалась, понимая бесполезность попыток. Некоторые слова старалась за мной повторить. Я говорил: “Ты моя миленькая, драгоценная, любимая, единственная на свете.” Нинока повторяла: “Единственная.” Ей нравилось это слово. Как я люблю тебя, Нинока! Как я люблю тебя!

Но когда вслед за мной она тихим голосом говорила: “И я тебя люблю,” – я не мог сдержать слез и повторял: “Спасибо тебе, миленькая! Спасибо, золотая моя! Спасибо, любимая! Единственная моя, лучшая на свете, девочка моя голубоглазенькая, красивая, ненаглядная моя. Спасибо!”

Когда утром я причесывал ее светлые волосики, она наклоняла голову, чтобы мне было удобнее. Каждое ее такое движение вызывало во мне острое чувство сердечной боли. Навертывались слезы.

Среда, 10 января 2024

Мне видишься ты не во сне –
Я вижу тебя наяву.
Я вижу тебя – и зову.
Ты в комнатуходишь ко мне.

Здесь кресло твое Superrella.
Его нам еще в феврале
доставили. Ты в нем сидела,
укутавшись пледом, в тепле.

Ты в синем фланелевом платье
печальным декабрьским днем

Гелий Вишенчук-Вишенька

пришла, потому что я плачу...
Ты просто красавица в нем.

Улыбка, как светлое чудо,
и глаз твоих голубизна –
они у тебя ниоткуда.
Ты просто такая одна.

Мне видишься ты не во сне –
Я вижу тебя наяву.
Я вижу тебя – и зову.
Ты в комнатуходишь ко мне.

Пятница, 12 января 2024

И я тебе сказал, когда ты вышла
из забытья и в комнату вошла:
«Я так тебя люблю». И ты чуть слышно
«И я тебя люблю» произнесла.

Спасибо тебе, милая, спасибо.
Я эту мысль, пожалуй, разовью.
Ты и болеть умеешь так красиво,
голубушка. Я так тебя люблю!

Грустно мне и одиноко.
Холод и дожди.
Посиди со мной, Нинока.
Просто посиди.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Хочешь, подремли немножко.
Или нет, постой.
Дай помою тебе ножки
тепленькой водой,

оботру их и одену
в толстые носки
и закрою эту тему
ледяной тоски.

Суббота, 13 января 2024

В январе начались холода.
В атмосфере тоска и усталость.
Я, Нинока, с тобой не расстанусь,
нет, любимая, нет, никогда.

Я с тобой навещу Orange Beach,
побываю с тобой в Лафайете...
В Чаттануге и всюду на свете
буду помнить тебя и любить.

И еще мы с тобой где-то там,
где нас нет, вдруг окажемся вместе
и опять я тебе как невесте
поклонюсь и колечко подам.

И со мной для тебя где-то там
будет книга с названием «Зечка»,
и заколка навроде сердечка,
и агат с корабля Westerdam.

Гелий Вишенчук-Вишенька

В январе начались холода.
В атмосфере тоска и усталость.
Я, Нинока, с тобой не расстанусь,
нет, любимая, нет, никогда.

Вторник, 16 января 2024

Тридцать третий день без Ниноки.

Как обычно, утром, позавтракав, я сидел за компьютером и оглядывался на Ниноку. Она спала у меня за спиной в комнате через коридор. Когда она спускала ноги с кровати, я бежал к ней, подхватывал и ставил ее на ноги.

Но иногда я вдруг чувствовал руку на плече. Я вскакивал, обнимал ее и говорил: “Здравствуй, миленькая. Здравствуй, девочка моя голубеглазенькая, ненаглядная моя. Ну идем, голубушка, будем одеваться.”

Ей нравилось приветствие, это чувствовалось по ее глазам. Я вел ее обратно к кровати и сажал на bedside commode. Если намечалось что-то серьезное, я вел ее в туалет. Там с помощью епета douche bulb мы избавлялись от лишнего груза. Я с удивлением замечал, что Нинокины туалетные запахи не были мне неприятны.

С помощью Burt's Bees facial towelettes мы протирали лицо и руки и направлялись в клозет выбрать платье. Нинока предпочитала длинное и синее по белому, но одевалась и в другие цвета. Мы надевали pullup и платье и шли в туалет к зеркалу причесываться. Пользовались всегда белым гребешком, а заколку Нинока часто выбирала ту, что имела форму сердечка.

Завтрак был уже на столе. Две столовых ложки овса с ложкой творога на сырой воде подогревались в микроволновке. С вечера я заливал кипятком две черносливины, а утром добавлял в кашу одну черносливины, вторая отдавалась мне.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Таков был порядок, установленный Нинокой после долгих экспериментов. Завтрак завершался половинкой банана.

После завтрака мы шли в мою студию, и Нинока садилась в мягкое кресло Superrella, купленное для нее в феврале прошлого года. Нинока любила наблюдать, как я работаю над текстом в компьютере. Если лампа на моем столе закрывала вид, она рукой подавала знак отодвинуть ее в сторону. В перерывах я садился перед Нинокой на оттоманку и читал ей отрывки из наших мемуаров.

Нинока кивала головой и улыбалась, давая знать, что все понимает. Иногда я просто рассказывал ей что-нибудь, вспоминая нашу прошлую жизнь, а потом мы просматривали старые фотографии.

После обеда я укладывал ее спать на диване, накрывал теплым пледом и приговаривал: “Хорошо, голубушка моя, спать после обеда под теплым пледом. Вот и вздремни, миленькая моя. Закрой голубенькие глазки и спи, ненаглядная моя. А я никуда не уйду, буду здесь, рядом с тобой.” Я накрывал ей глаза мягкой белой хлопковой салфеткой и она спала обычно час-полтора.

Вторник, 23 января 2024

Сорок дней без Ниноки. Купил ей агатовый браслет цвета белых облаков с зеленоватым оттенком и совсем недорогой браслет из яшмы себе.

Куда ни посмотрю, вижу ее, и сердце в прямом физическом смысле ноет от невозможности вернуть ее присутствие.

Колокол, факел и птица.
Русло речное в огне.
Если такое мне снится –
жду тебя скоро ко мне.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Звон, непонятно какой,
словно окутанный ватой;
факельный свет странноватый,
птицы полет над рекой.

Мистика знаков без слов,
сонные духи без тела...
Что ты сказать мне хотела
мутными слайдами снов?

Нет, я и так все пойму,
пусть и не все объяснимо.
Имя любимое Нина –
ключ и пароль ко всему.

Тайная суть бытия.
Все, как всегда: для начала
было ни много ни мало
ровно два слова: ты, я.

Я превращаюсь в траву,
в овощ, в морковь кормовую.
Я без тебя существую,
я без тебя не живу.

Запишу разные подробности, пока они совсем не исчезли из памяти. Пока после полуденного ланча Нинока спала, я обычно сидел рядом в кресле и ждал, когда она проснется. Сначала она спускала ножки с дивана, и я обувал ее в домашние теплые туфли. После туалета она садилась в свое кресло, а я шел готовить кофе. Я пил кофе с крекерами, а Нинока с одной штучкой Lance peanut butter sandwich cookies.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

А в четыре часа был уже ужин. Я варил кашу, чаще грисс, реже гречневую, рисовую, пшеничную или Ten Grain cereal или готовил scrambled eggs, sandwich with smoked salmon, или запекал ribs, chicken wings и прочее. Слава приносила пельмени или chicken jelly (холодное), а Лиля присылала с Костей salmon с богатым гарниром и другие блюда.

После ужина я опять садился за компьютер или мыл Ниноке ножки в тазу с теплой водой, или стриг ей ногти на руках и ногах. Иногда мы садились на диван, и я пытался спеть что-нибудь из нашего обычного репертуара, но без Ниноки получалось плохо, пришлось этот номер закрыть.

Перед сном я подводил Ниноку к вешалке в клозете, и она выбирала себе ночную рубашку. Иногда ей хотелось спать в той, какая была на ней днем. Любимые платья и рубашки я сохранил. Они до сих пор пахнут Нинокой.

Укладывая Ниноку спать, я говорил: “Спи, миленькая моя, усни. Скоро будет совсем темно. А я закончу свои дела и приду. Буду рядом с тобой спать. Я всегда с тобой, всегда рядом. А ты спи, родная, единственная моя.”

Иногда она повторяла за мной это слово; “Единственная.” А я продолжал: “Ненаглядная, девочка моя голубоглазенькая, как я люблю тебя, миленькая моя!”

И Нинока отвечала: “И я тебя люблю.” Эти слова она могла выговорить, больше ничего не говорила. На это я говорил со слезами: “Спасибо тебе, миленькая моя, спасибо, родная! Ты лучшая на свете. Нет никого лучше тебя. Я так тебя люблю. А ты спи, родная, усни. Закрой голубенькие глазки и усни. Спокойной ночи, золотая моя, спокойной ночи.”

Гелий Вишенчук-Вишенька

Четверг, 25 января 2024

Ты в небесах. А на земле
во мне проснулся страх,
что ты в своих размытых снах
забыла обо мне.

Никто не помнит о живых,
не думает о них,
не ищет их в густой траве,
не держит в голове.

Но тот агатовый браслет,
тот простенький предмет,
что я купил тебе на днях, —
не пепел и не прах.

Я на твоё запястье сам
вчера его надел,
и все, что я понять хотел,
я понял по глазам.

Простой агатовый браслет
в тон белых облаков...
У памяти нет берегов
и у любви их нет.

Вторник, 30 января 2024

А помнишь, как мы в шахматы играли
по книге Бобби Фишера? С утра

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

все лишнее мы сразу убирали,
и начиналась дивная игра.

Ты так тогда старалась, так любила
фигурки двигать и ходить конем,
что хворь уже, казалось, отступила
и мы ее проклятую добьем.

А партия последняя была
отложена. С любовью и стараньем
давай ее, Нинока, доиграем.
Садись со мной у краешка стола.

Среда, 31 января 2024

А помнишь, садились мы петь?
«Есть город, который я вижу...»
Есть песни... От них я завишу,
готов, как ребенок, реветь.
Твой голос, когда мы поем,
слегка, может быть, приглушенный,
простуженный, чуть отрешенный,
не звонок, но сколько же в нем
тебя, твоего волшебства
и сердца, и детского чуда!
А тут еще эта простуда...
Ну просто болит голова.
Сидим на диване вдвоем.
Ты держишь листок со словами,
я делаю бантик губами.
Вот так мы сидим и поем.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Если хочешь не просто любить,
а до самой до смерти любить,
как никто до тебя не любил,
то для этого есть Orange Beach,
с серебристым песком Orange Beach.
И с Нинокой я тоже там был
посреди огромных акул,
самых страшных, ужасных акул,
это просто какой-то разгул...
А Нинока плескалась в воде.
Я был рядом по пояс в воде,
отгонял этих жутких акул.
А без шуток, мы больше нигде,
сколько помнится мне, не могли
оторваться на метр от земли.
Только там.
Там и больше нигде.

Понедельник, 12 февраля 2024

Шестидесятый день без Ниноки. Я уже, кажется, говорил, что в последние недели ей стало лучше, взгляд просветлел, в нем стало больше понимания. Я боялся спугнуть, но все-таки решился спросить, знает ли она, кто я. Нинока улыбнулась, давая понять, что это смешной вопрос.

Значит, она меня узнавала. Я радовался, стал думать, что смогу быть с ней хотя бы еще года два, и на этот срок закупила в огромном количестве все необходимые вещи для ухода за Нинокой. Я сознавал, что большими закупками обеспечиваю гарантию безопасности – это прибавляло мне уверенности, что все будет хорошо еще очень долго.

Ночью приснилось, что я пою Ave Maria Шуберта в

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

неузнаваемой комнате на верхнем этаже и радуюсь, как хорошо я пою. Входит Миша Каряев и говорит: “Тебя слышно внизу.” И я проснулся.

Незадолго до начала Нинокиной болезни был такой случай. Я сидел с книгой на диване, а Нинока уже в который раз слушала песни Анны Герман через компьютер. Вдруг она в слезах подсаживается ко мне и говорит, что я ее главный человек (так в песне), и ей страшно, что мы могли бы никогда не встретиться.

Мне самому всегда было страшно думать так об этом, но Нинока, в отличие от меня, никогда не была сентиментальной – тем более я был взволнован, увидев ее слезы. Мы вдвоем стали слушать песню. Она в самом деле удивительным образом совпадала с нашим настроением. Прекрасная и тревожная песня.

Представить страшно мне теперь,
что ты не ту открыл бы дверь,
другой бы улицей прошел,
меня не встретил, не нашел.

Изумительный текст. Этот случай сильно разволновал меня.

Вторник, 13 февраля 2024

Пришло письмо от Вовки Малюка. Силы у него кончаются, но он бодрится. Одобряет мое решение о кремации, пишет, что его отец, мать и брат тоже были кремированы.

Между прочим, многие известные люди тоже предпочитали таким же образом распорядиться собой после смерти, так сделал Сергей Аверинцев, а вчера случайно прочитал про Кэрри Гранта...

Гелий Вишенчук-Вишенька

Приехала Слава, привезла еду и ALDI gift card, как обычно. Когда я рассказал ей эти истории, она заметила: “Наша религия запрещает это делать.”

Нет, закапывать в землю на обед червям – это нет. А вот сожжение языческим огнем сохраняет память о живом человеке, не позволяет думать о нем, как о зомби, а также избавляет от страха пробуждения в гробу. Человек угадывает в огне магическое, близкое к священному, свойство. Огонь заораживает, уводит сознание по другую сторону реальности. Я очень хочу думать, что Нинока где-то там есть и, когда меня тоже охватит огонь, мы увидимся.

Среда, 14 февраля 2024

Шестьдесят два дня без Ниноки. Появилось тревожное чувство, что я все слабее ощущаю ее физическое присутствие. Я любил заглядывать ей в глаза, рассматривать ее лицо вблизи, держать и гладить ее руки, всегда теплые и сухие.

Она была харизматичной личностью, очень красивой, даже когда ее лицо было тронуту болезнью. Она была необыкновенной, единственной. Недаром Нинока повторяла за мной: “Единственная.”

(Вижу, что часто повторяюсь. Это дневник, по большей части, и мне неохота его редактировать. Пусть будет как есть).

Много лет назад Нинока ездила в Ташкент навестить брата и там случайно встретила бывшего одноклассника Славку Богомолова. Славка широко раскинул руки и крикнул «Нина!» – будто всю жизнь только и ждал этой встречи.

На самом деле все так и было. Разговорились, вспомнили школу. Славка удивился, что Нинока забыла, что они сидели за одной партией. Спросил, есть ли у нее семья. Нинока рассказала. Затем Славка сказал:

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

– А моя жена умерла. Я один. Ты знаешь, что в школе я был в тебя влюблен? Боялся признаться, был ниже тебя ростом и стыдился. Я и сейчас тебя люблю, всю жизнь любил. Никого не любил, одну тебя. Вот, наконец, сказал. Знаешь, я ничего не имею в виду, но просто, знаешь, вдруг ты одна – может быть, надумаешь и приедешь.

Нинока сказала мне, что Богомолов не был красавцем, но в нем была мужская привлекательность. А я подумал, что раз он так любил Ниноку, значит, мы с ним родственные души.

Ниноку очень любила Таня Голикова из дипагентства, наша умная подружка. В письме Ниноке в Америку она писала (привожу в сильном сокращении):

“Милая моя, единственная женщина!.. Не бросай меня – я очень тебя люблю. Свинья я, конечно, но думаю о тебе и вспоминаю постоянно... Лучшие годы моей жизни связаны с тобой. Я это очень понимаю... Прости за сумбур в письме, голове, жизни. Честное слово, напишу еще... Помнишь, как мы выходили после работы, шли и говорили, говорили...”

Четверг, 7 марта 2024

Восемьдесят четвертый день без Ниноки. Я наконец осмелился признать правду: это навсегда.

Беловласа, светлоока –
умерла моя Нинока.

Посмотрел я: тьма повсюду.
Как же дальше жить я буду?

Твое сердце я не чую.
Твои губы не целую.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Не катаю тебя к морю.
Твои ноженьки не мою.

Твои глазки голубые
мне дороже солнца были.

Беловласа, светлоока –
умерла моя Нинока.

Воскресенье, 5 мая 2024

Вчера мы с Костюшей проводили Ниноку в последний путь. С утра поехали на Orange Beach, наняли катер Jamie G и в открытом море развеяли Нинокин прах. Таким было наше прощание. Мы с Нинокой так задумали и так было сделано.

Встретимся в космосе. Я буду ждать нашей новой встречи, любимая, ненаглядная. Глазки твои небесного цвета, душа твоя светлая, ангельская. Ты жди меня, миленькая моя, единственная.

Ты любила слушать мои рассказы о том, как я вижу тебя в своем воображении, когда ты была еще маленькой девочкой, ну скажем, лет пяти. Ты идешь босиком по зеленому лугу в погожий летний день в голубом платье под цвет твоих глаз. Под твоими ногами мягкая травка.

Ты идешь и срываешь васильки и ромашки, чтобы свить веночек. Впереди небольшая глубокая речка с темно-синей водой. Ты садишься и болтаешь ножками в теплой воде. На твоей белой головке веночек.

Я машу тебе рукой с другой стороны речки. Ты смотришь на меня и улыбаешься.

Спасибо тебе, милая, спасибо. Я так тебя люблю!

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

Четверг, 23 мая 2024

Сто шестьдесят первый день без Ниноки. Наконец по моему заказу посадили на лужайке Нинокину магнолию – маленькое, стройное деревце чуть выше моего роста с поднятой рукой.

Суббота, 24 августа 2024

Двести пятьдесят четыре дня без Ниноки. Вчера поговорил с Нинокиным деревцем и расплакался, а повернулся к дому, увидел голубенький цветок – выюнок morning glory – и обрадовался.

Утром 8 августа, выходя из Fresh Market, споткнулся о бетонный ограничитель на парковке для disabled и упал. Повредил правое плечо, расцарапал физиономию и руки, но ничего не сломал. Успел вернуться домой до того, как началась настоящая боль.

Суббота, 14 сентября, 2024

Двести семьдесят пять дней. Под утро во сне видел Ниноку. С легким прищуром, весело сморит на меня, в глазах ясное понимание. Изо всех сил стараюсь удержать глазами ее лицо, но оно медленно уплывает все дальше, дальше и наконец исчезло.

Было утро, четыре часа.
Сон дымился, как после пожара.
Ты ушла, ничего не сказала.
Улыбнулась, прищурив глаза.

Остается только думать, что это было приглашение. Спасибо, миленькая. Я скоро буду. Жди меня.

Гелий Вишенчук-Вишенька

Понедельник, 21 апреля 2025

Я перестал считать дни, прожитые без Ниноки. Начался обратный счет: сколько осталось до Ниноки. И я жду.

Костюша привез пакет с удобрениями для магнолии. Я кое-как рассыпал порошок под деревцем, добавил малча и полил водой из шланга. С трудом отдышался. Это было еще в марте. Но сейчас я уже чувствую себя гораздо лучше и даже собираюсь сам, без Костюши ехать в четверг к «мальчишке», моему врачу Оуэну Спиру.

Приехала Валя с Сикеем из Канады поздравить меня с 90-летием. Подарили мне чернильную ручку Паркер и попросили написать этим инструментом две мои книги (на английском), которые они для этой цели захватили с собой.

В субботу Костюша устроил визит в Cracker Barrel (нас было четверо, Лиля по субботам на работе). В ресторане Вале особенно понравились оладьи с маслом и кленовым сиропом, жидкий американский кофе и гриц; она наелась и осталась довольна.

А вчера у Варравов мы были всемером: три пары и один я. Было немного вина и много разговоров. Слава наготовила больше десятка вкусных блюд и закусок. В доме было холодно, я время от времени выходил на веранду погреться на солнышке.

Прижимаюсь щекой к Нинокиной диванной подушке, плачу. Не утихает желание звать Ниноку, оглядываться... ну хоть какая-то иллюзия ожившего прекрасного невозвратного прошлого.

В начале весны заметил, что к Нинокиному деревцу прилетает птица, красногрудая «кардиналка», и само собой написалось стихотворение.

КОГДА ЦВЕТОВ И СОЛНЦА МНОГО

На лужайку за окном, Нинока,
к нашей маленькой магнолии
птица прилетает с красной грудкой,
«кардиналка». Интересно, много ли
жизни мне осталось грустной?

Мне давно пора к тебе, Нинока.
Почва под ногами невесомая.
Знаешь, сколько лет мне? Девяносто.
Ты была красивая, веселая,
лучше всех на свете просто.

Ты красивая была, Нинока.
Ты смеялась, а я знал: красивая.
Этот взгляд на фоне шифоньера
и blue velvet темно-темно-синего
цвета – весь мой бог, вся вера.

Это была первая фотография Ниноки, сделанная на фоне старомодного шифоньера Болотовым в день свадьбы. А blue velvet – это символический сплав синего цвета, любимого у Ниноки, и звучания дивной песни.

В Москве на выставке non-fiction за четыре дня (10-13 апреля) ушел один двухтомник «Новозаветных писаний» и «Пять самых». Это провал. Я надеялся хотя бы на несколько экземпляров, ну пять-шесть. Теперь не знаю, стоит ли готовить к публикации «Когда цветов и солнца много».

Ты красивая была, Нинока...

Евдокия Васильевна Пластикова. 1887-1973

Степан Степанович Пластиков. 1879-1959

Мама с братом Юрой. 1929

Отец

Слева Клавдия Агафонова, далее семья Пластиковых: бабушка Дуся, Василий, мама с Игорем, Анна, Юра, Лидия и дедушка Степан. 1931

Вишенчуки: Доминика, Павел с женой Валентиной, отец с мамой и дядя Семен. 1930

Отец с нами. 1936

Мама с нами. 1937

Справа семья соседей или друзей

Тетя Аня с Левой и Таней и мама со мной и Игорем. 1944

С дедушкой Степаном. 1946

Семья Лейкиных: сидят Егор и Мария с внуком Витей.
Стоят родители Виктора Иван и Полина. 1940

Иван Лейкин (справа). 1934

Филипп Глазков (сидит). 1916

Семья Глазковых: Филипп (справа) и его жена Катерина (держит дочь Полину). 1915

Дядя Павлуша. 1945

Юра Пластиков с подружками Клавой и Галей. 1944

С Игорем и Жорой. Игорь с дочерью Маринкой. 1962

Пьем чай с тетей Валей

С Мишей Каряевым. 1957

С Володей Малюком. 1957

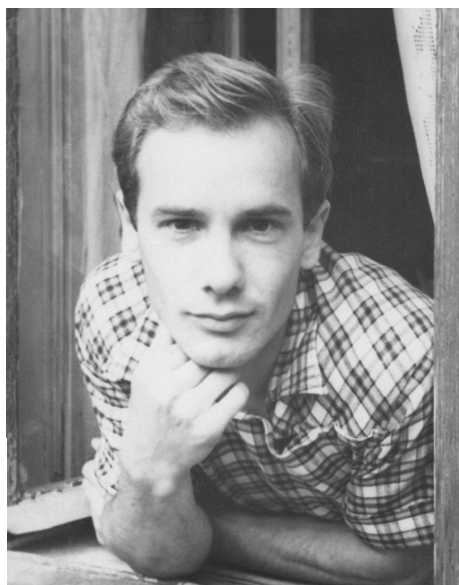
Славка Самохвалов, Валька Муравьев, Эдька Анохин и Гелька Вишенчук. 1953

Петр Агафонов, Люся, мама и я. 1957

Игорь

Взгляд из окошка. Львов, 1956

Сидят (слева направо): Засоркин, Ошураунов, Макаров (сменивший Мостового), Козанчук,
Болотов.

Стоят: Горлашкин, Шахов, Хрижановский, Орел, Калиев, Мазур и я.

Ташкент, Узбекистан, 1964

Нина стюардесса. 1962

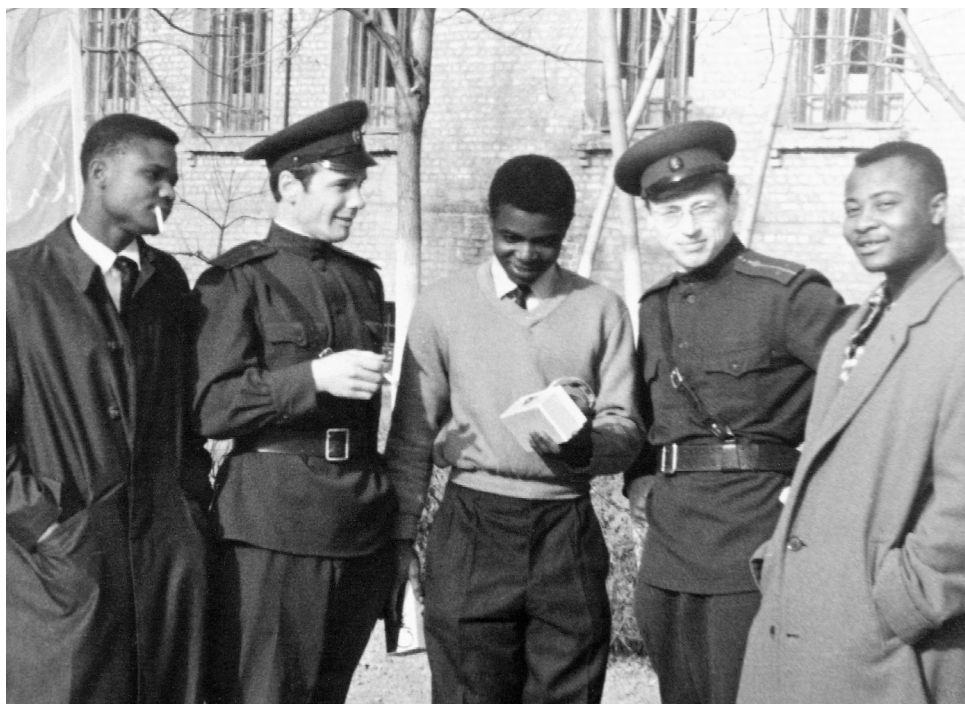
Нина. 1962

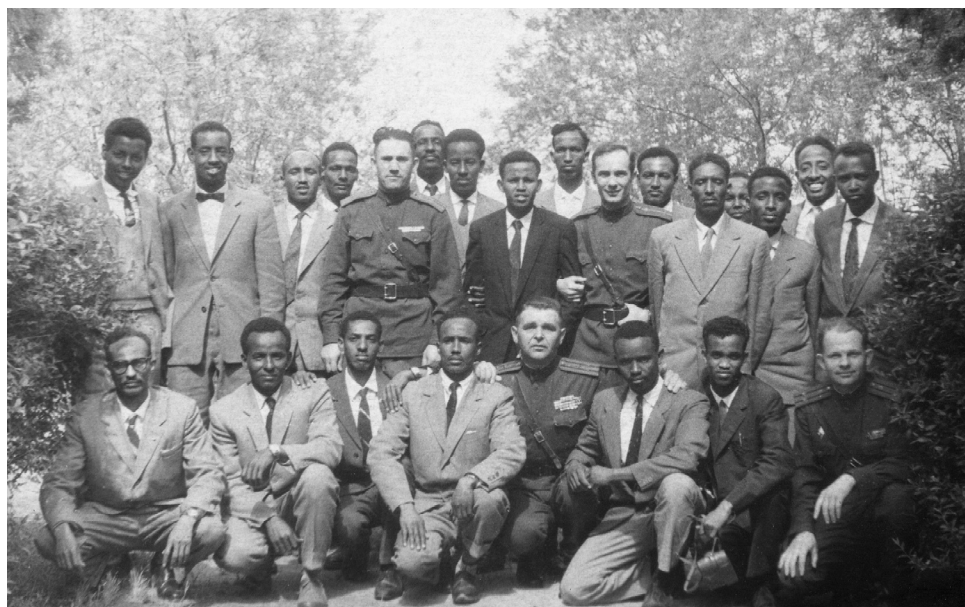
Первая военная фотография. 1962

День свадьбы. 16 декабря 1962

С Димкой Ахрамеевым и кадетами из Ганы

С кадетами из Сомали (я стою с дружкой справа от центра)

Наши две мамы: Варвара и Полина

С Евдокией Григорьевной и Евгением Иустиновичем Поляковыми. В центре Игорь.
Москва, Петровка, 1963

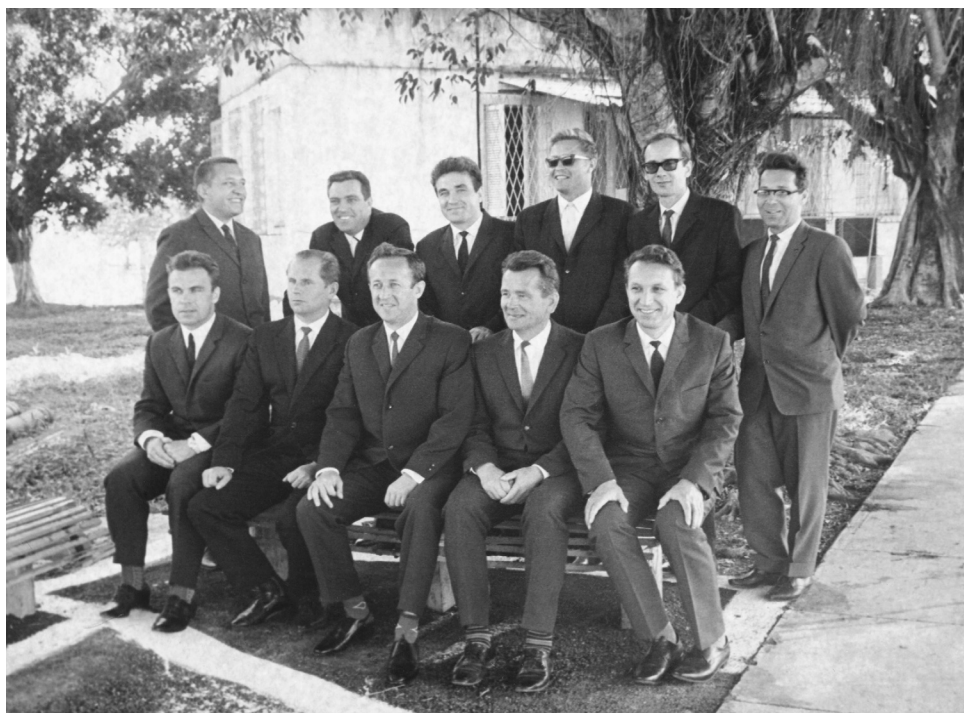
Нина в белых вязаных носочках. 1946

Справа, подбоченившись, сидит Агафья.
За ней стоят, справа налево, Нина и Маруся, (дочь Агафьи). Нине около 12 лет.

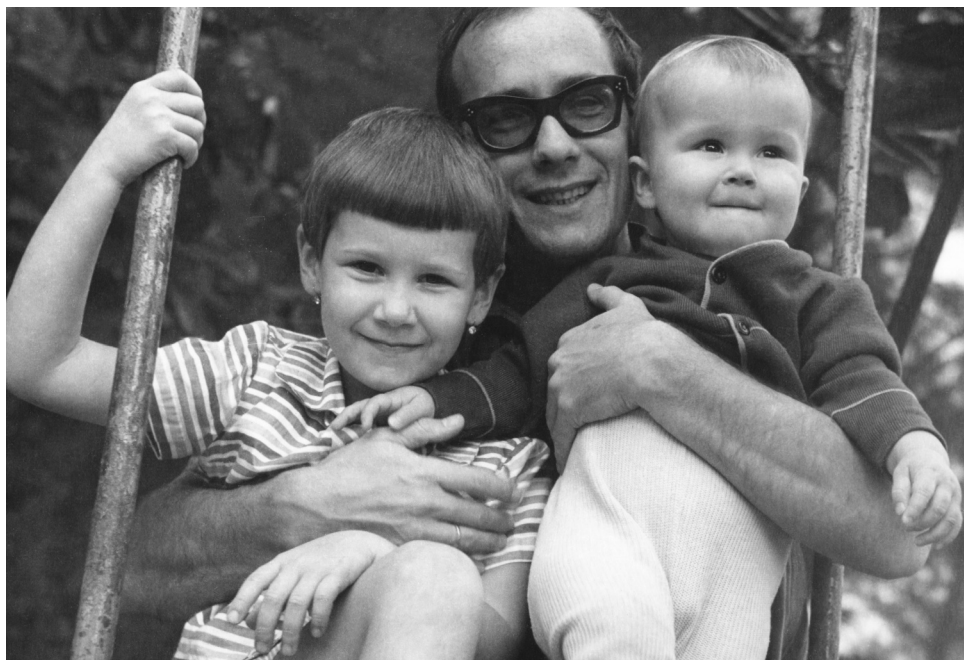
Нина, вторая справа. За ней во втором ряду стоят Дмитрий, Александр и Катерина

Дерюжкин, стоит слева. Стоят, справа второй и третий, я и Альбердин.
Сидит второй слева, Чуйков. Остальные в книге не упомянуты. Куба, 1970

Гуанабо, Куба

Отец счастлив. 1970

После Кубы

Дети взрослеют

Командир самоходки Константин Вишенчук

Слава и Константин. 1987

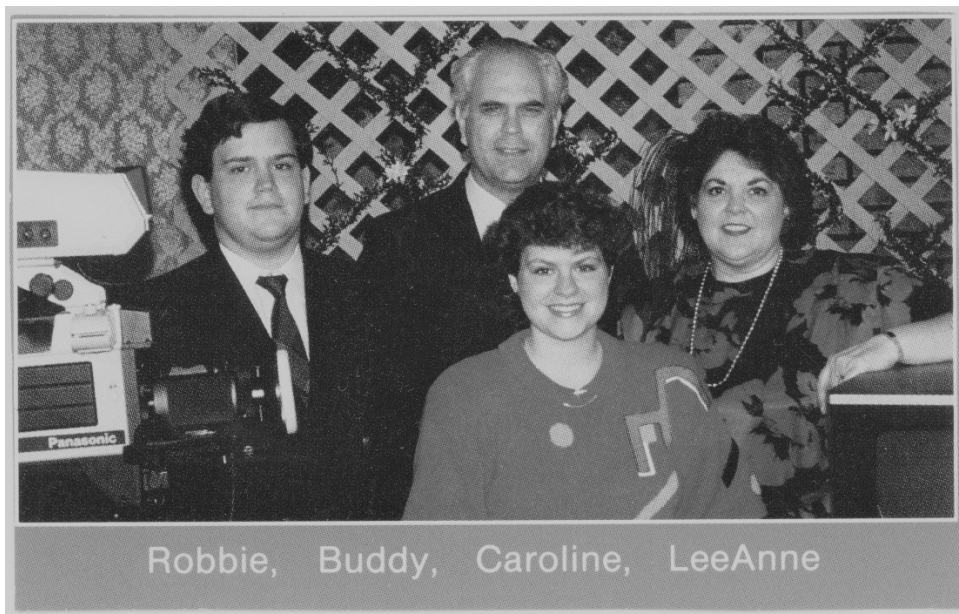
Таня Голикова

Люсьен Дульфан

Сидят Нина, я и Юля. Стоят Поля, Андрей, Слава (Анита), Костя и Лиля.
Чаттануга, Теннесси, 2002

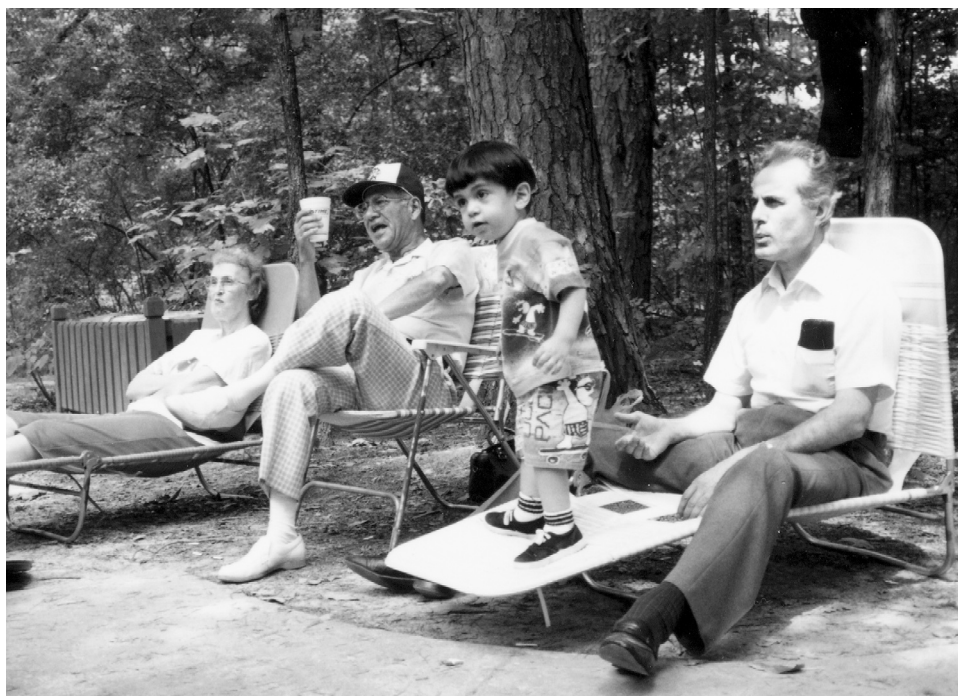
Бадд Никольс с семьей. 1991

Слева направо: Слава (Ангита), Константин, Лиля, Джинни Мартен, Нина, Бад Мартен, я, пастор Грос и Ванда. Чаттануга, Теннесси, 2016

Слева направо за анонимной группой из трех: Константин, Тим Рейк, Уорен Бейкер и я.
AMG International, Chattanooga, TN, 1993

Пикник на Ракуньей горе. Слева Джоан и Спирос Зоднатес, справа от них Симеон Иоаннидис с внуком. 1991

А вот и мы. 2002

Полна и Том с новорожденной Катериной. За ними стоят Слава (Ангга) и Андрей.
Август, 2017

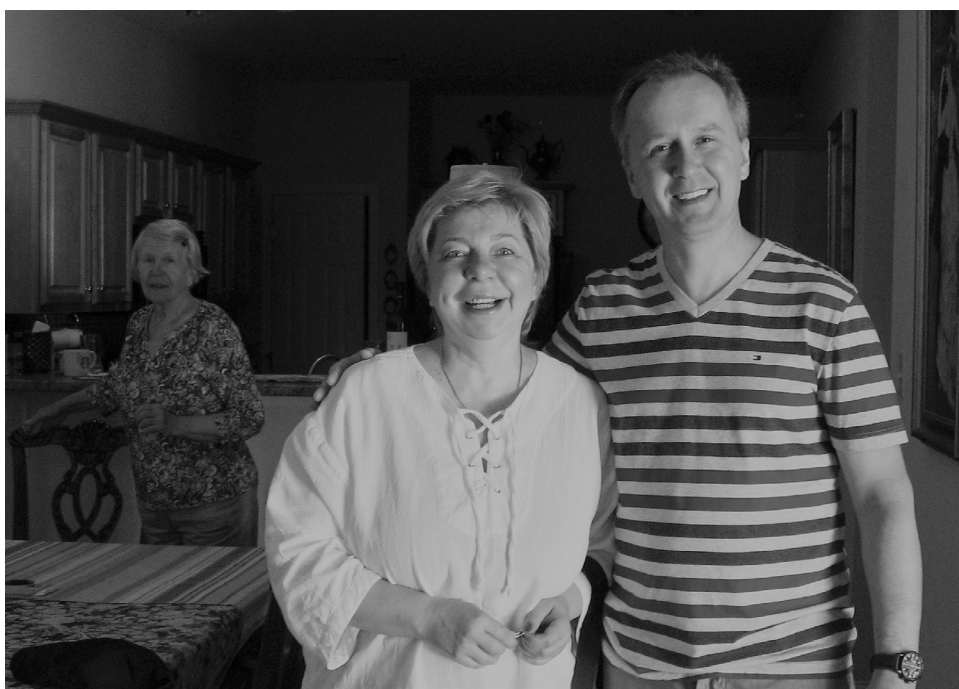
Юля закончила университет. ETSU, Johnson City, 2017

Полина и Том с дочерью Катериной. Полина — доктор, хирург.
Providence, RI, 2021

Миша СК, Аида, Лиля, Константин и Миша Вишенчук. Toronto, CA, 2016

Валя и Константин с Ниной на заднем плане. Валя приехала к нам в Чаттанугу с визитом из Канады

Юля с родителями после церемонии Белый Халат. Апрель 2018

Юля (слева) с подругами. Девочки получили звание Doctor of Pharmacy. 2021

